

84(2)Doc = Pj

И28

Александр ИГУМНОВ

ПРОБУЖДЕНИЕ

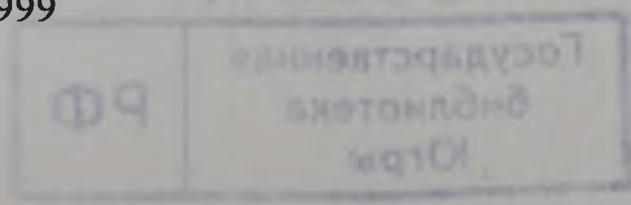
Александр Игумнов

ПРОБУЖДЕНИЕ

Повесть и рассказы

*Новотур
Ерневу
Сувениры
об работе
15.02.
М. Д. Муш
и Т. Д. Дарьялова*

ГУИПП «Полиграфист»
Ханты-Мансийск
1999

ББК 84Р7

И 28

Игумнов А.П.

И 28

Пробуждение: Повесть и рассказы. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1999. — 226 с.: 6 ил.

ISBN 5-89846-013-6

Первая книга прозы бывшего военного летчика, участника боевых действий в Афганистане.

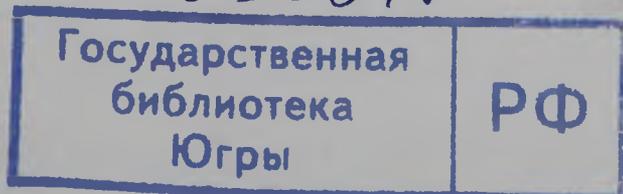
Издание осуществлено по заказу Комитета по средствам массовой информации и полиграфии администрации Ханты-Мансийского автономного округа и при финансовой поддержке муниципального образования Советский район.

ББК 84Р7

- © Игумнов А., 1999.
- © Огрызко В., предисловие., 1999.
- © Лапа О., Рогов Е., иллюстрации, 1999.

ISBN 5-89846-013-6

- 056348 -

УЧАСТНИКАМ
АФГАНСКОГО ПОХОДА —
МЕРТВЫМ И ЖИВЫМ
ПОСВЯЩАЕТСЯ.

Автор

ВОЙНА СТАНОВИТСЯ ПРИВЫЧКОЙ

Сначала было письмо. Очень короткое, деловое, без каких-либо экивоков и нудных пояснений. Оно пришло к нам в "Литературную Россию", по-моему, под самый занавес 1996 года. Неизвестный автор предпочел тактику "с места — в карьер":

"Здравствуйте! Мне посоветовали послать в вашу газету мой небольшой рассказ. Мне 39 лет. Бывший военный вертолетчик. Десять лет как на пенсии. В 1983-1984 годах служил в Афганистане. Сейчас живу на Севере".

Из этого короткого предисловия меня особенно изумил факт, что человек уже в двадцать девять лет стал пенсионером. Почему так рано? Да, человек воевал. Но, насколько я знал, год войны шел всего за три, но не за десять. Где же еще человек набрал столько выслуги, чтоб в столь молодом возрасте заслужить пенсию? Или он по каким-то причинам что-то умалчивает?

Еще больше удивил рассказ этого неизвестного автора. Он назывался "Лёшка-рыжик". Честно говоря, поразила драматическая судьба его героя.

Лёшка, прозванный за цвет волос и веснушки Рыжиком, был очень смелым солдатом. Но вот в одном бою он дрогнул, пожалел малолетку из афганцев, не дал по нему очередь. Эта жалость обернулась гибелью нескольких однополчан и ранением командира. От безысходности, не зная, как искупить вину, солдат потянулся к наркотикам. В общем, трагическая развязка долго себя ждать не заставила.

Меня тогда удивило еще и мастерство автора. Бывший вертолетчик показал, насколько он виртуозно владеет словом, чувствовалось, что “Лёшку-рыжика” написал далеко не новичок. Но оставалось непонятным, почему мы в “Литературной России” никогда раньше не слышали про этого талантливого северянина. Кстати, пора уже назвать его имя — Александр Игумнов.

Ответы прозвучали в следующем письме. Как я и предполагал, литературой Игумнов занимается много лет. В 1990 году его рассказ “Выстрел в долине” вошел в 37-й “молодогвардейский” выпуск альманаха “Подвиг”. Больше того, спустя год у Игумнова должна была выйти первая книга. А дальше произошла прямо-таки детективная история. Издатель, получив спонсорские деньги, вдруг резко покинул Тюмень и подался куда-то на Дальний Восток. Но куда он дел рукопись вертолетчика, до сих пор никто не знает.

Через год Игумнова постиг еще один удар. Пока он был в отпуске, его дом в Советском обворовали. Можно допустить, кто-то польстился на ковры, магнитофон, телевизор. Но бандиты не поленились заглянуть даже на книжную полку. Не найдя денег, они скопом смахнули все бумаги с полки в наволочку и устроили во дворе небольшой пожар. А это были не просто бумаги, а черновики “афганских” рассказов.

После всех этих ЧП Игумнов твердо решил: возврата к прошлому больше не будет. Но, слава Богу, пусть поздно, спустя пять лет, этот зарок он нарушил. Друзья отыскали первые его публикации в районке и посоветовали попробовать, отталкиваясь от газетных вариантов, восстановить текст первой утраченной книги. И какое-то время Игумнов шел именно по этому пути.

Естественно, здесь были свои плюсы и свои минусы. Минусов даже больше. Ведь любой рассказ пишется в определенном состоянии. Но как можно вернуть чувства семилетней давности?! Не зря в народе говорят, что дважды в одну реку войти невозможно. Рано или поздно надо было начинать писать совершенно новые рассказы.

Привыкнув в своей жизни к самым неожиданным поворотам, Игумнов, когда отправлял к нам в “Литературную Россию” цикл новых “афганских” рассказов, не то чтобы боялся,

что мы будем судить не литературные достоинства или недостатки. Он не хотел, чтобы журналисты, как это раньше было принято в партийной прессе, прежде чем что-либо печатать, начали выяснять биографию автора — нет ли в его судьбе каких-то “темных” пятен. И я помню, как его неприятно кольнул в телефонном разговоре привет от Еремея Айпина. Он даже не удержался от злого комментария: “А, все-таки наводили справки обо мне”. Хотя никто специально никаких поисков и не собирался вести. Все гораздо проще. В какой-то момент мой давний товарищ оказался в Москве, и я, зная, сколько за 20 лет Айпин открыл в Югорском крае талантливых имен, спросил у него, почему он никогда ничего не рассказывал про Игумнова. Айпин честно ответил, что есть в городе Советском такой человек, очень хорошо начинал, но потом почему-то литературу бросил. Еремей еще у меня поинтересовался: “Неужели Игумнов вновь записал, вот бы почитать его новые вещи. Будешь разговаривать с ним — привет передавай”.

Но этот привет чуть боком не вышел. Игумнов так и не поверил, что никто специально никаких справок не наводил, и прислал новое письмо. Час от часу не легче. Оказалось, в 1986 году он был уволен из армии чуть ли не с преступной формулировкой — за дискредитацию офицерского звания. Вот так дела! Как это понимать? Ведь в его рассказах нет никаких антиармейских настроений. Напротив, все они написаны человеком, искренне переживающим за развал нашей армии.

Позже я узнал, как в реальности обстояли все дела. Игумнов честно больше года провел в Афганистане, отслужив до этого пять лет в Забайкальском военном округе (ЗабВО). Аббревиатуру расшифровывали со смыслом — “забудь вернуться обратно”. Но, похоже, эта трагическая расшифровка больше подходила для Джелалабадского вертолетного полка, куда Игумнов был определен штурманом звена “рабочих скотинок” — так звали в Афганистане Ми-8. В его главную задачу входили в основном выслеживание оружейных караванов из Пакистана и наводка на специальные цели.

За все время в Афганистане Игумнов налетал свыше 800 часов. По неписаным законам любой вертолетчик, налетавший “за речкой” 450 часов, автоматически представлялся к ордену Красной Звезды. Игумнов этого ордена не получил.

Причина — “испортил” за дело физиономию одному прапорщику.

Но были и другие героические истории. Одна из них попала даже в приказ Главкома ВВС. Экипаж Козлова и Игумнова, первый из советских вертолетчиков в условиях афганских гор, спасая раненых солдат, совершил ночную посадку. Правда, Игумнов возражает. “Это на бумагах мы первые, — говорит он. — Я не думаю, что до 1984 года другие экипажи, когда вставал вопрос о спасении наших ребят, не сажали ночью в горах свои машины”. Однако Главком был категоричен: представить Игумнова к медали “За отвагу”.

Но, как это у нас водится, награда нашла своего героя лишь через год и уже в Союзе. А тут ситуация изменилась. Игумнов добровольно собрался уходить из армии. Но в 1986 году просто так снять погоны никто не смел — только через три суда. Случай беспрецедентный. Командир Бердичевского полка, устав давать генералам объяснения, честно сказал Игумнову, что медаль ему ни за что не вручит. Афганские подвиги оказались не в счет.

Теперь о том, почему Игумнов решил уйти из армии. В какой-то момент ему показалось, что он взялся не за свое дело. Летать — да, это ему нравилось. Но врачи его честно предупредили, что на ближайшей медкомиссии от полетов он по здоровью будет отстранен. И что делать? Идти, как некоторые друзья, в авианаводчики? Это ему было неинтересно. В какой раз у него возникли мысли о литературе.

Понятное дело, начальство планы офицера встретило в штыки. Пошли высокопарные разговоры о долге. Но разве Игумнов, когда уходил служить в Афганистан, прятался за чьи-то спины? Или там, “за речкой”, он от какого-нибудь боя увильнул? Нет, этого не было. Было другое.

Было страшное разочарование нашими генералами. Ну что это такое, появлялся маршал и начинал кричать на пехотного командира, почему он еще два часа назад какой-то кишлак не занял. Напрасно пытался полковник вставить хоть одно слово в свое оправдание, что рано брать кишлак, есть другие планы, которые позволят избежать больших жертв. Но с маршалом истерика. Полковнику делать нечего. Он посылает свою часть в бой. А потом весь вечер Игумнов с друзьями перевозил на Ми-8 глупо, бессмысленно погибших ребят.

С маршалов брали пример “рядовые” генералы. Уж они собой рисковать не любили. Один по делам службы оказался как-то возле пакистанской границы. Так его в Кабул чуть ли не две эскадрильи сопровождали: две пары Ми-8 впереди генеральской машины, две пары по бокам, еще пара — сзади. Рядом летели Ми-24, “чистили” подозрительные районы. Еще несколько “вертушек” крутилось поблизости: мало ли чего. И вот Кабул. По инструкции преимущество должны иметь магистральные лайнеры. Но какая инструкция, если тут генерал подлетает. В небе — хаос. У некоторых экипажей из ближнего и дальнего сопровождения горючее подошло к концу. Несколько вертолетов “плюхнулось” где попало. И это война? Кто еще кому после этого будет говорить про долг? Игумнов и сейчас уверен, что у истоков разложения армии стояла насквозь прогнившая верхушка.

Это уже, по-моему, в 1988 году наши правители вообще от всего отстранятся, в стране развернется дикая антиармейская кампания, и значительная часть младшего и среднего офицерского звена, не выдержав потока лживых обвинений либеральной прессы, побежит на гражданку. Но уже никто силой удерживать ее в армии не будет.

Простившись в 1986 году с армией, Игумнов засобирался на Север. И так получилось, что он выбрал Советский район. Его очень тепло приняли в местном аэропорту. Но если честно, то авиация ему уже была малоинтересна.

Первым, кто это понял, оказалась жена. В какой-то момент она чуть ли не за руку повела мужа в районную газету. Там первый его “афганский” рассказ “Роковая ошибка” вызвал просто шок. Игумнову сказали: зачем вам аэропорт, переходите в редакцию.

Вот он — предел мечтаний. Чего еще надо?! Занимайся литературой сколько душе угодно. Но так уже не получалось. Разве можно было промолчать, когда либеральная пресса повела очередную атаку против армии?

Игумнов решил собрать всех “афганцев”, организовать в районе военно-спортивный лагерь для подростков, открыть секции... В общем, понесло его.

Естественно, эта активность не всем понравилась. Игумнову стали говорить: куда лезешь, тебе это надо? Один “газо-

вый” генерал в Югорске потом признался, что был момент, когда Игумнов своими разоблачениями его чуть до петли не довел. Хотя позже выяснилось, что за разоблачительными газетными материалами, которые так напугали высокопоставленного барона, стояли совсем другие люди. Но “генерал”, когда оклемался, ничего даже слушать не хотел. Он кричал на своих замов и требовал: “Найти любой предлог и выкинуть Игумнова из квартиры”.

По времени это совпало с пропажей рукописи первой книги. Хорошо хоть добрые люди помогли и разместили Игумнова с семьей в каком-то частном сарайчике. Но тут возникла другая проблема: на что жить. Пришлось вспомнить деревенское детство и завести пару свиней. Не унижаться же перед самодурами, даже если они при очень больших должностях.

Сейчас иногда Игумнов жалеет, что слишком рано ушел из армии.

— Смотри, что в Чечне произошло, — объясняет он свою позицию. — Армия оказалась оголена. Даже в революцию такого не было. Как бы Октябрь кто не воспринимал, но многие царские офицеры нашли в себе мужество передать свой опыт красным командирам. После Афганистана преемственность в нашей армии напрочь исчезла. Мы ушли, я в том числе, и не оставили после себя никакой замены. И теперь удивляемся, почему наша армия так плохо воевала в Чечне.

Не мне судить, насколько прав или не прав Игумнов был со своим выбором. Для меня очевидно другое: в русской литературе появился еще один прекрасный писатель.

К сожалению, наши критики почему-то не замечают “афганцев”. Никто, за исключением, может быть, одного Петра Ткаченко, не пытался осмыслить их творчество, хотя тут огромное поле деятельности. Понятно, что первыми на литературной карте “наследила” не столько воюющая братия, сколько “военные туристы”—заезжие писатели и журналисты. Они понасоздали много однодневок. Но есть и хрестоматийные вещи, достаточно хотя бы вспомнить рассказы Александра Проханова “Родненький” и “Мусульманская свадьба”. Если же обратиться к поэзии, то тут, конечно же, первым делом следует отметить Виктора Верстакова. Но вот заговорили,

наконец, и сами участники афганского похода. Да как заговорили! Спецназовец Игорь Морозов честно рассказал про “военные приключения” советских чекистов, проходивших службу в легендарных группах “Каскад”. Безусловно, событием в литературе 90-х годов стала проза Олега Ермакова. Это, если угодно, своего рода “окопная правда”. Лучшие его солдатскую жизнь в Афганистане никто не показал. Только про офицеров он зря с таким унылым настроением пишет. Свое место в этом ряду честных и чрезвычайно талантливых бытописателей афганского похода занимает и бывший вертолетчик Александр Игумнов.

В какой-то мере Игумнов — продолжатель лучших традиций “лейтенантской прозы” и прежде всего Константина Воробьева. У них даже судьбы в чем-то похожи. Оба по своему происхождению — из деревни. Рукопись первой военной повести Воробьева, как мы помним, одно время считалась безвозвратно потерянной. Ее случайно обнаружили лишь через несколько десятилетий. И даже реакция коллег по перу на первые их публикации оказалась во многом одинаковой.

Я помню, какие страсти разгорелись у нас в “Литературной России” в феврале 1998 года вокруг нового рассказа Игумнова “Не оставлять в живых”. Поскольку этот рассказ не вмещался в рамки газетного разворота, мы решили его чуть-чуть подсократить. Но что убирать? Эту тонкую, поистине ювелирную работу мы попросили выполнить нашего блестящего стилиста Илью Рябцева. Ему рассказ в целом очень понравился. Однако он никак не мог принять причитания “афганцев” вокруг снайперши. Война — вещь жестокая. На ней очень часто бывает так: или ты первым убьешь врага, или тебя убьют, поэтому любое промедление равносильно смерти. И вот наши ребята наконец “вычислили” и убили снайпершу. А дальше... Дальше солдатам почему-то стало безумно жаль эту красивую девчонку, которая еще пару минут назад готова была всем им раскрыть череп. Эти-то сцены с жалостливыми лицами наших парней и решил сократить Рябцев. К чему разводить “толстовство”. Война — не место для сантиментов.

Но если у Ильи Рябцева было только это замечание, то другой наш товарищ — автор самых пронзительных “афганс-

ких” песен Виктор Верстаков встретил рассказ “Не оставлять в живых” прямо-таки в штаны. Он считал, что в Афганистане все было по-другому. Ему, как я понимаю, не понравился сам дух рассказа. Словом, неприятие Верстаковым игумновской вещи кроется в идеологии. Два “афганца” по-разному восприняли “афганский поход” советской армии.

Здесь меня заинтересовала позиция еще одного “афганца”— Сергея Климова, участвовавшего в захвате Кабула 27 декабря 1979 года. Он оказался более осторожным в оценках игумновского рассказа. Как говорил Климов, в его время, то есть на рубеже 1979-1980 годов, многое на афганской войне протекало иначе. Но с этим никто и не спорит. Игумнов-то вел речь о 1983-1984 годах, когда характер афганской войны резко изменился. В чем-то изменилась к тому времени и наша армия. Ее организм все больше поражала раковая опухоль. Не случайно именно тогда у достаточно весомой части нашего офицерства стали зарождаться сомнения: а не бросить ли все к такой-то матери и не уволиться ли в запас, хотя тогда еще по собственному желанию снять погоны было практически невозможно.

В те же дни, когда мы дискутировали об “афганской” прозе, в Москве проездом оказался читатель еще самых первых, “сырых” игумновских рассказов Еремей Айпин. Новая вещь бывшего вертолетчика просто ошеломила его. Как признался Айпин, ничего более значимого в художественном отношении он об афганской войне пока не встречал.

Спустя полгода возник еще один спор по поводу рассказов Игумнова. Теперь уже на писательском собрании в Ханты-Мансийске. Там полемика разгорелась в основном по двум моментам.

Первый момент касался героев. Кто чаще всего выступает у Игумнова? Как правило, полуспившиеся бывшие “афганцы”, которые никак не могут найти себя в мирной жизни. Но вот эти персонажи далеко не всем нравятся. Кто-то соскучился по романтикам. А кому-то, видимо, нужны борцы со всеми правящими режимами.

Что тут сказать? Да, нет у Игумнова привычных со школьной скамьи положительных героев. Не пишет он о романтиках. Действительно, герои его уж слишком много пьют. Многие из них до сих пор не устроены в жизни. И по ночам, что делать, вдруг вскрикивают от боли и вспоминают трижды проклятые афганские горы.

Но ведь на войну почти все они уходили нормальными людьми. Однако многие ли смогли сохранить свое нормальное состояние? Разве что тыловики, никогда не нюхавшие пороху, да оголтелые убийцы. Увы, это поганое свойство любой войны—калечить души. Любой нормальный человек в принципе не способен вернуться с войны без каких-либо потрясений и психологических надломов.

Для меня важно другое — как Игумнов изображает своих героев и насколько поступки его персонажей убедительны в художественном плане. А здесь Игумнову в мастерстве не откажешь. Он уже состоялся как художник. Это факт, который давно надо признать.

Второй момент связан с тематикой игумновских рассказов. Мол, сколько можно писать про Афган. Все, первый шок от афганских событий прошел, давайте переключимся на другие проблемы.

Не правда ли, знакомые рассуждения? Не эти ли упреки в свое время критики адресовали фронтовикам, агитируя их взяться за воспевание мирной жизни нашей могучей советской страны?

История повторяется, но уже на новом витке.

Что ж, я тоже не против вспомнить прошлое и кое-что сопоставить. Давайте с высоты сегодняшнего дня посмотрим, что, какие вещи мы нынче ценим у Бондарева или Бакланова. По-моему, добровольцев, согласных перечитать их “мирные” романы, сегодня нет. Что старики, что молодежь, люди тоскуют не по “Игре” Бондарева и не по “Друзьям” Бакланова, народу по-прежнему интересны их юношеские повести, а именно: “Батальоны просят огня” и “Мертвые сраму не имут”.

А Василь Быков? Сколько ему доставалось от критиков за якобы повторяемость сюжетов и героев в военных повестях! Хотя в реальности никакой повторяемости не было. Было художественное развитие.

Я ни в коем случае не собираюсь равнять Игумнова с Бондаревым, Баклановым или Быковым. Он — совсем другой. Другой — по опыту и воспитанию жизни. Другой — по художническим исканиям. У него иной взгляд на творящиеся ныне события. Хотя есть и много общего. С писателями-фронтовиками его если что и единит, так это подход к литературе. В частности, Игумнов, как и Бондарев в ранних своих вещах, напрочь избегает заумных геополитических построений. В любом своем рассказе он прежде всего отталкивается от конкретной человеческой судьбы.

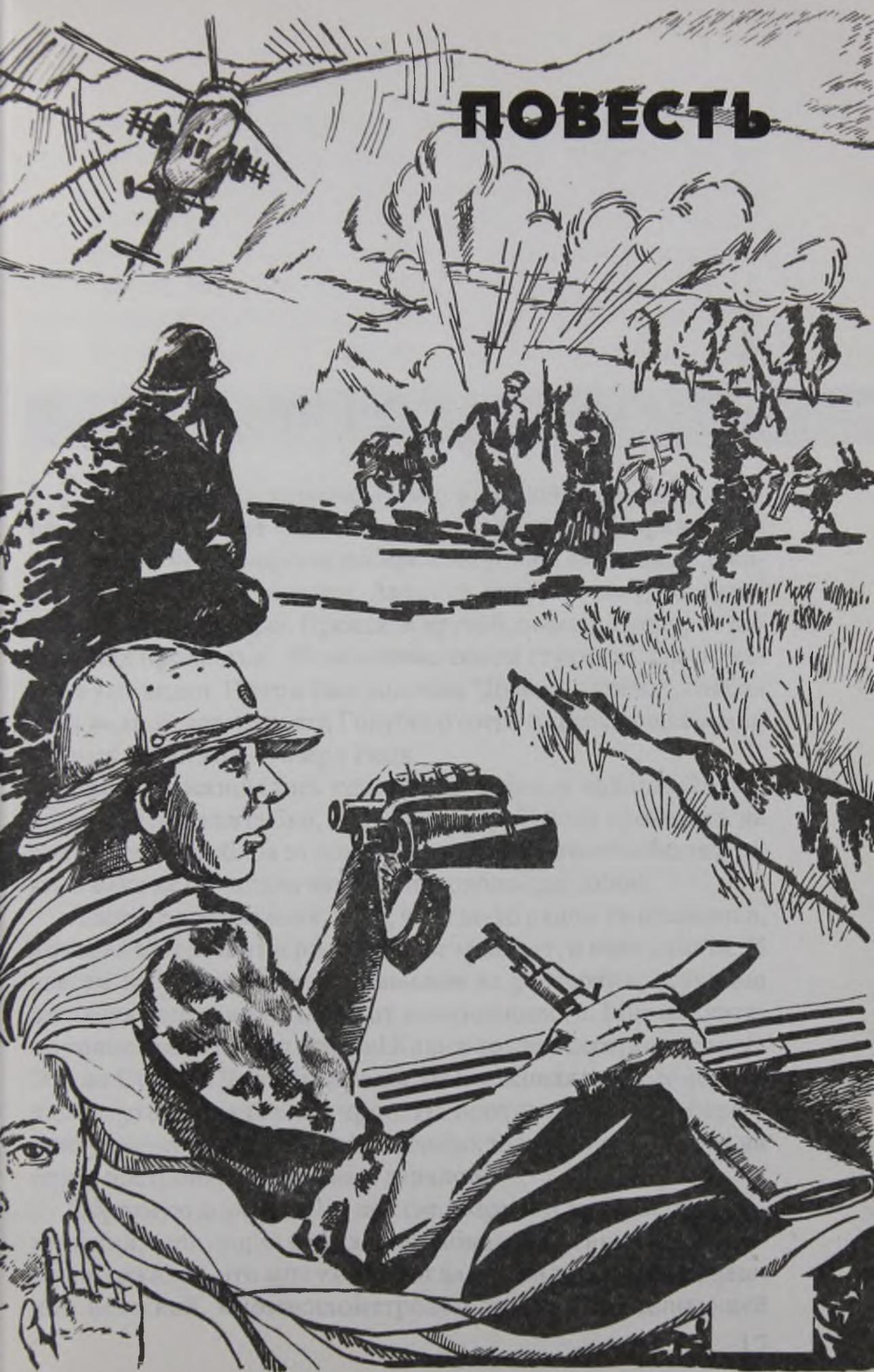
Конечно, мне не безразлично, что будет дальше. Один товарищ Игумнова взял на себя смелость публично предугадать сюжет следующего его рассказа. Герой, естественно, из бывших “афганцев”. Волею судьбы он приезжает отдыхать после коммерческих разборок у себя на родине в благословенную Ниццу и, грея свое пузо на теплом берегу моря, в очередной раз вспоминает кровавую бойню в афганских горах. Но я-то знаю, что до такого примитива Игумнов никогда не опустится.

Тревожит другое. Тревожит та ненормальная ситуация, которая сейчас сложилась в афганском движении. Идет самый настоящий отстрел лидеров. Причина в основном одна — деньги. Но какие коммерсанты из “афганцев”, это мы тоже знаем. В общем, картина страшная. А тут еще на весь этот бардак наложилась чеченская война. Переварить сразу два синдрома — “афганский” и “чеченский” — задача для общества явно непомерная. И плюс к этому девальвация всех прежних нравственных ценностей. Ну кому сейчас нужна литература?!

Вот что, мне кажется, ждет Игумнова. И не только его. И как он из этого кошмара выберется, я не знаю...

Вячеслав ОГРЫЗКО,
секретарь правления
Союза писателей России.

ПОВЕСТЬ

ПЕРЕХВАТ

После долгой и морозной зимы я с женой и дочуркой наконец-то вырвался из ледяного плена Севера. “Дикарями” мы рванули на Черноморское побережье Грузии. Мои галлюцинации начались на экскурсии. Автобус, натруженно урча, тяжело поднимался в горы. Проехали крутой, опасный поворот дороги над пропастью. Меня словно током стукнуло: где-то такое я уже видел. Потом был водопад “Девичьи слезы”, слабая рябь водной поверхности Голубого озера и сверкающие в солнечных лучах волны озера Рица.

Вокруг восхищались красочным закатом солнца. Дочка, капризно поджав губки, настойчиво требовала прокатить на лодке, жена теребила за локоть, показывая какие-то безделушки, а меня не покидало чувство недовольства собой.

Я ждал пробуждения, знал, что где-то рядом та изюминка, которая взворошит и растревожит мой быт, и мою память. И совсем не удивился, когда, выходя из ресторана, случайно взглянув сверху вниз, замер от неожиданности. Мне не хватало только высоты над озером! Каких-то двух десятков метров. Это же Суруби! Чистейшая вода, окаймленная зеленью лесов и далеко уходящих горных троп. На противоположном берегу притулились несколько разрушенных зданий, так похожих на серые постройки брошенных дувалов.

Обратную дорогу я был под гипнозом нахлынувших воспоминаний, вернувших меня в полузабытый Афганистан. Я искренне сожалел, что мне уже никогда не придется пройти пешком нелегкой, многокилометровой дорогой, соединяющей

Кабул и Джелалабад, прикоснуться к граниту поседевших от времени вершин Гиндукуша, подышать тревожным воздухом ночных засад, побыть наедине со своей совестью под дулом вражеского автомата. Что бы не говорили, но война с воздуха и на земле познается по-разному.

Я понимал, что невозможно охватить всего желаемого в этом мире. Что достаточно и того, что выпало увидеть и пережить. Но чувство сожаления о неизведанном хранится и по сей день.

Теперь я не напрягал свой мозг, менялся пейзаж, сменялись и воспоминания. Возвращаясь обратно и проезжая Голубое озеро, я вспомнил ныряющих в воду десантников, их веселое гоготание. С нами была Оля Данилова— медсестра и невеста лейтенанта Олега Кудрина.

Умытые и посвежевшие, мы сидели на деревянных мостках, бултыхая в воде ногами и разгоняя стайки серебристых рыб. Ольга расчесывала свои белокурые волосы и совсем по-матерински с грустинкой смотрела на нас.

— Ох, мужички, и помолодели вы, совсем мальчишки, — сказала она, влюбленно взглянув на Кудрина.

А через неделю Олега не стало и мы даже не смогли проводить его в последний путь на Родину. Его гроб провожала Ольга... К нам она больше не вернулась...

Все последующие дни отдыха я ходил как не свой.

Узкие улочки Гантиади мне напоминали торговые улицы Джелалабада, по сторонам которых стояли маленькие магазины, где услужливые индусы гостеприимно раскладывали товары.

Толкучка многолюдного базара, кучи арбузов и дынь, сваленных прямо на землю, воскрешали картину просыпающегося по утрам Гардеза.

Снующие в поисках пассажиров таксисты походили на веселых шоферов Кабула.

А шумевший по ночам морской прибой и сильный предгрозового ветер уносили меня в тревожную даль моей юности, покрытую многометровой пылью коварного “афганца”.

Сам еще не зная для чего, я доставал блокнот и записывал все, что вспоминал.

Мы вернулись обратно на Север, а блокнотик все заполнялся. Лица ребят, живых и погибших, стояли перед глазами, и всколыхнувшая память наводила на мысль написать о тех забываемых днях. Или мы не вправе сказать правду об афганской войне! Или мы не прошли дорогою наших предков? Пусть иначе, но мы приняли бой, выдержали и вернулись живыми!

Я ставлю восклицательный знак. Озаряет, как вспышка молнии, мое сознание последняя фраза. Вот она — точка отсчета. Надо писать! Пусть мой голос будет тысяча первым о войне и, может быть, последним.

Я закрываю исписанный до корочки блокнот, кладу ручку на стол и устало закрываю глаза.

Мысленно протягиваю правую руку и чувствую на ладони горячую ручку. Ноги ложатся на педали, а левая рука сжимает рычаг шаг-газа. Кошу взгляд влево и вижу напряженное лицо капитана Садкова, нахмуренные глаза старшего лейтенанта Литвиненко. А прямо на взлетной полосе застыла шеренга ребят в зеленых пятнистых маскхалатах. Крайний — сержант Садыков, рядом — неунывающий грузин Самошвили, радист Ларин, Дектярев, рядовой Неделин... Спиной ко мне их командир — лейтенант Кудрин и рядом — Ольга Данилова...

Таковыми они были тогда перед вылетом, такими и сохранились в моей памяти — живыми и молодыми.

Глава 1

— Раз - два, раз - два, раз- два... Кру-гом! Самошвили, как ногу ставишь? Заводи, заводи! Кому говорят, оболтус...

Взвод десантников на плацу отрабатывал строевой шаг. Подтянутый молодой лейтенант, забыв о своем высоком звании, рысцей бегал вокруг строя, отчаянно крича:

— Кацо! Сколько раз повторять тебе? Под команду “Раз” ставишь левую ногу на полную ступню, а правую заносишь за левую под команду “Два”. Пятку правой ставишь на уровне носка левой. Прижимаешь руки... Вот так. Резко поворачиваешься на носке левой и на носке правой. И по команде “Три”

делаешь шаг левой ногой. Но прямо же, а не внутрь строя! Понял? Еще повторить?

— Понял, командир. Левая ступается, правая заносится, левая носок поворачивается, правая подворачивается. Потом “Три”! Шагай левая!

— Правильно, Кацо. Давай повторим.

Лейтенант смахнул платком пот со лба, поправил широкополую панаму, мельком заметив обреченные, тоскующие глаза Самошвили.

— Взвод, становись! Кацо, не лови ворон, смотри орлом! Равняйся! Дектярев! Видеть грудь четвертого человека, а не десятого. Смирна! На месте шагом... Марш! Выше колени! Ларин, ты не на танцплощадке вальсируешь! Отмашка рук. Вот так, веселей. Прямо! Равнение! Равнение! Молодцы! Хорошо идете. Кру-гом... Марш! Раз -два -три! Стой!

— Самошвили, — простонал он. — Елки-моталки, ты в гроб меня вгонишь, строевик несчастный... В наряд тебя куда-нибудь, что ли, пристроить, а?

— Хорошо бы, командир, на кухню. Люблю кастрюля чистить, — оживленно подхватил просветлевший грузин.

— На кухню захотел! Обжора ты кутаисская! А туалет женский чистить не хочешь? Горе мое луковое! Пять минут перекур. Садыков, ко мне!

К лейтенанту подбежал худощавый татарин и хмыкнул, еле сдерживая смех. Лейтенант подозрительно посмотрел на своего первого помощника, хотел сорвать на нем злое настроение, но передумал. Не хватало еще с ним полаяться. Все же с обидой подумал: “Ишь, весело дьяволу. Будто этот смотр мне нужен одному”.

— Чему радуешься, Рустам? Плакать надо, а не смеяться. Опозоримся с Кацо на всю бригаду. Всем хорош грузин, но строевик из него... Как из меня балерина...

Садыков хитровато посмотрел на командира и подумал: “Пусть поплачется немного. Совесть свою успокоит”. Так было всегда перед смотром. Лейтенант выбивал душу из Самошвили, а Кацо испытывал лейтенантские нервы. И в конце концов, к обоюдному удовольствию, Кацо очутится на кухне, а лейтенант получит призовое место.

Садыков ковырнул носком сапога песок и, сделав серьезную мину, сказал, как отрезал:

— Прятать надо... Не впервой, командир.

Но, видно, не с той ноги встал сегодня лейтенант или что-то не поделил с невестой вчерашним вечером. Только вдруг не на шутку взъерепенился.

— Сколько можно прятать! Как смотр — все до ниточки выкладываются, а Кацо на кухне с ложкой надрывается! Нет, хватит! Распустил я вас! В этот раз он в первом ряду маршировать будет. А ты, сержант, на пару с дружкой двое суток здесь топать будешь. Это я говорю тебе, лейтенант Кудрин.— Он зло затянулся и швырнул окурок на землю. Вдавил его каблучком и сердито добавил: “Прятать надо!” Я вам спрячу...

Садыков, переминаясь с ноги на ногу, согласно кивал, бросая огненные взгляды на примостившегося на снарядном ящике грузина, наученного прошлым опытом и спокойно ждавшего решения в свою пользу.

— Что мотаешь котелком? Строй взвод. Как говорится, труд облагораживает человека, — поторопил Садыкова нахмурившийся лейтенант.

— Ну, Кацо! погоди у меня, дружок ты мой ненаглядный,— бросил на ходу сержант оторопевшему грузину.

Но буря не разразилась, гроза прошла стороной.

— Лейтенанта Кудрина срочно к комбату! Приказали явиться немедленно. Занятия отставить, всем отдыхать, — раздался голос посыльного.

Кудрин насмешливо посмотрел на него:

— Матвеев? Насчет вызова я понял. А насчет отдыха... Сам придумал или Садыков подсказал?

— Никому я не подсказывал, — возмутился сержант. — Мир сошелся на Садыкове. Кацо плохо ходит — я виноват, Ларин на занятиях заснул — опять Садыков не усмотрел, Неделин письма матери редко пишет — снова я не проконтролировал. Да я этого фельдшера с подъема не видел!

— Не ворчи, сержант. На то ты и младший командир, чтоб за все отвечать. С меня тоже есть кому спрашивать.

— Прав тот, у кого больше прав, командир. Я бы по другому сделал.

— Погоди, Садыков, потом доскажешь. Так что еще, Матвеев, подполковник сказал?

— Комбат так и сказал: лейтенанта ко мне, а взводу немедленно спать.

— Спать, да еще немедленно! Ладно, Матвеев, доберусь я до тебя. Тоже в санчасти окопался. Хороши, ничего не скажешь. Садыков! Веди людей на отдых, а там посмотрим...

— Раз-два-три, — он четко повернулся кругом. — На ковер шагом... Марш! Кацо! Что ковыряешь в зубах? Учись, пока я жив!

— Ну все, — облегченно вздохнул Самошвили, заискивающе взглянув на сержанта. — Пошли, Рустам, отдыхать. Банка сгущенки ставлю благодарность. Сейчас съедим?

— Не подлизывайся со своей сгущенкой. Верно командир сказал — “обжора ты кутаисская”. Не меня, медицину благодари и своего грузинского бога за отсрочку. Вернется лейтенант — задница слипнется от сгущенки. Заело его не на шутку. А уж если он сказал, пиши пропало — слово сдержит, сами знаете.

— Ха-ха, будь спок, Рустамчик. Если срочно, да еще уса-тый вызвал... Смотра наша не будет. Это я тебе говорю — рядовой Самошвили!

— А ведь правда, ребята, что-то затевается. Утром комбат к летунам ездил и афганцев вызвали. Не придется нам сегодня поспать — чует мое сердце-вещун, — проронил, обращаясь ко всем, низкорослый Матвеев.

— Ну ладно. По мне лучше ночь не спать, чем строим шагать. Тебе, медицина, сердце насчет допайка ничего не вещует?

— Поживем — увидим, может, и дадут.

— Сказал слепой, обращаясь к другу. Тоже мне, фельдшер, в верхах крутишься, а меньше Самошвили знаешь. Кацо, как насчет пайка?

— Будет, будет, Рустам. Верь моему слову. Пошли, сгущенка есть.

— Тут ты, Кацо, дока. Верные прогнозы выдаешь. Пошли, что ли, уничтожать твои запасы. Придет лейтенант, сам все объяснит. Стройся, ребята.

Лейтенант Кудрин неторопливо подошел к небольшому модулю, где находился штаб батальона. Взвинченное, возбужденное настроение исчезло, сменилось нетерпеливым ожиданием предстоящего дела. Еще утром он заметил суету штабных работников — проскочил “уазик” в сторону аэродрома, прибыл начальник разведки майор Быстров со своими подопечными Ахметом и Хасаном, — работниками “хада”. Солдатский телефон сработал безотказно: что-то затевается. И теперь он радовался, что не придется драть горло на плацу, выбивая дурь из Самошвили, не тянуться по стойке “смирно” перед кабульскими щеголями, одетыми с иголки. Что встряхнется от унылой караульной службы, приевшейся по самое горло.

В свои неполные двадцать три лейтенант Кудрин считался опытным командиром и ценился командованием. Полтора года службы здесь и успешное участие его взвода в десятке операций говорили сами за себя.

Кудрин украдкой взглянул на соседний модуль, надеясь краем глаза увидеть свою Олечку. Тут же пожалел, что не попадет на смотр, а значит, и позже получит заслуженный орден за прошлую операцию. А было бы неплохо заявиться к ней с медалью “За отвагу” и красной звездочкой на груди. Знай, мол, наших. Вот бы удивилась канареечка. Стоп! Вчера вечером пропесочила за канареечку. И что ей не нравится эта птичка, ведь не вороной назвал же? Сегодня лебедушкой белокуренькой, пушистым одуванчиком назову, может быть, смилословится, поцелует? Он потоптался на крылечке, еще раз бросил взгляд на открытые окна санчасти и заулыбался во весь рот. Она как будто ждала его и приветливо помахала рукой. Лейтенант весь расцвел, молодецки сдвинул панаму набекрень и шагнул в двери штаба батальона.

— Товарищ подполковник, лейтенант Кудрин по вашему приказанию прибыл, — доложил он молодому усатому офицеру.

— Все казакуешь, лейтенант?

— Не понял вас?

— Говорю, в казаки-разбойники играешь. Чего напоказ чуб выставил?

— Виноват, исправлюсь, не заметил.

— Ты не заметил, а вот начальник разведки еще через окно увидел. Как в штаб идти, обязательно на затылок панаму сдвигаешь. Травишь меня, что ли?

— У майора Быстрова должность такая — все замечать, товарищ подполковник. А вас травить — упаси Бог.

— Я так же думаю. Вероятно, лекарственный запах на тебя так влияет, лейтенант? Как магнитом тянет к санчасти. Уж не алкоголик ли ты?

— Командир!? Сказал, исправлюсь, и точка.

— Ну... Раз лейтенант Кудрин сказал, то поверим. Как, товарищи? Поверим?

— Влюбленного, как и горбатого, только могила исправит, — подлил масла в огонь начштаба.

Но, видимо, командир исчерпал свой запас острословия и решил перейти к делу.

— Борис Сергеич, повесьте карту на стену, — обратился он к начальнику разведки и, подождав, пока все успокоились, подошел к карте. — Итак, лейтенант, ставлю вам боевую задачу... По данным нашей разведки, в ближайшие две ночи на Панджшер через Суруби должен прорываться крупный караван с оружием. Его конечная цель — ставка Надир-хана. Знаком с ним?

— Личного знакомства не заводил, а заочно кто его не знает. Гад, одним словом.

— Так вот, эту ядовитую змею, чтобы сильнее кусала, снова подкармливают. После окончания срока перемирия его банды активизировались, а сам Надир-хан отказался заключить дальнейший мир и перерезал автомобильную дорогу северовосточнее Чарикара. Правительственные войска загнали душманов в горы, и где-то в этом районе его ставка. Жарко сейчас там, — продолжил подполковник. — Афганцы обратились за

помощью к нам. Мы произвели несколько вертолетных десантов и блокировали их здесь. — Он указал на красную зигзагообразную линию, охватившую горные склоны южнее и восточнее кишлаков. Если мы сумеем перехватить караван с оружием, то “духам” крышка. Я вам подробно объясняю ход операции не для того, чтобы вы прониклись ответственностью за порученное задание... Капитан Малышев, ваш командир роты, остановил свой выбор на тебе и твоём взводе. Командование бригады не возражает, думаю, и вы не будете против... Не так ли, лейтенант?

— Так точно. Поставленную задачу выполним! Мои ребята не подведут.

— Хорошо. Майор Быстров, подойдите к карте. Вам слово. Седеющий майор соединил прямой линией две точки, обозначив их синим фломастером, а посередине поставил жирный красный крест.

— Квадрат 43. Приблизительное место прорыва — вот это ущелье. Крестиком я обозначил возможный перевалочный пункт. Мы захватили одного из адъютантов Надир-хана и с ним секретную депешу. Он молит о помощи. Вот эта линия — самый близкий путь от границы. Зная, что основные части Кабула и Джелалабада участвуют в операции, караван пойдет именно здесь. Уверен в этом. Но всякое может случиться, поэтому перехватить и уничтожить караван необходимо в начале следования, иначе “духи” затеряются в “зеленке”. Вам, лейтенант, предстоит с помощью летчиков произвести скрытную высадку именно в этом ущелье. Притаиться, закопаться в землю, превратиться в камни, но выждать! Не рассекретить себя. Дождаться каравана, разгромить его. Дело чрезвычайно важное, лейтенант, и, сами понимаете, опасное.

Кудрин взволнованно привстал со стула. Гордостью переполнилось сердце.

— Так вот, лейтенант, — после минутного молчания как-то буднично проговорил майор, — большую группу мы послать не можем — сразу засекут. Пройдут в другом месте и разобьются на мелкие группы. Охрана каравана такого масштаба

состоит из 100-150 человек, что в несколько раз превышает количество ваших людей. Вяжитесь в затяжной перестрелочный бой и главное — отсекийте их от границы. Через час-полтора мы десантируем весь батальон и захлопнем ловушку. У меня все. — Майор свернул карту и протянул ее Кудрину. — Возьми, она полностью подготовлена.

Командир батальона отмерял шагами длину комнаты, поскрипывая новыми хромовыми сапогами. По привычке разгладил свои пышные усы тонкими, красивыми пальцами и, обращаясь только к Кудрину, произнес:

— Олег, если придется туго... Ты только не обижайся, все может быть... Объясни своим ребятам, что в когти к ним лучше не попадаться. На днях двоих наших в плен захватили. Ты знаешь, что они сделали? Нет, не убили. Пальцем не тронули. Перевязали и подлечили. И чисто хирургически ампутировали кисти рук, обработали культы, аккуратненько забинтовали и сказали: “Иди к своей маме, пусть она знает, что ждет ее второго сына. Только мы ему не руки, а ногиотрежем. Всем русским скажи. Со всеми так будет”.

— Хорошо, командир. Я расскажу ребятам. Они правильно вас поймут.

— Вопросы, лейтенант, или просьбы какие есть?

— Время вылета и просьба одна.

— Вылет в 20.00, с летчиками согласовано. Какая просьба?

— Мы хорошо сработались с парой капитана Садкова. Если она свободна, прошу выделить именно ее.

Подполковник долгим, внимательным взглядом посмотрел на Кудрина. Вспомнил себя таким же, на первый взгляд, сорвиголовой, который тем не менее успешно справился с операцией по захвату замка Амина. Захотелось обнять этого смуглолицего, симпатичного парня, которого уже захватила и закрутила военная машина, загребая в свои жернова его судьбу и саму жизнь. Но он не был сентиментален. Он только протянул руку Кудрину и, встряхнув ее крепким рукопожатием, ответил:

— Хорошо. Я созвонюсь с подполковником Мордуховичем. Думаю, он не откажет. Вы свободны, лейтенант. Успеха вам! Начальник штаба! Готовьте письменный приказ.

Девятнадцать тридцать. Термометр показывал 40°С в тени, а на припеке зашкаливал за отметку 70°С. Прикосновение к обшивке вертолета обжигало руки. В кабине духота, как в сухой парилке. Но приказ командира в двадцать ноль-ноль поднять колеса в воздух, отбрасывал на задний план бытовые неприятности.

Капитан Садков осмотрел вертолет. Бортовой техник старший лейтенант Литвиненко, поставив стремянку на боковой блистер, протер влажной тряпкой переднее стекло, заляпанное кровяными пятнами мух и комаров.

— Чистые, командир! Как девичьи слезы, — весело крикнул он, еле умещаясь на прогибающейся под его весом лестнице.

Увидев командира, штурман Александр Ивлев кратко доложил:

— Блоки заряжены полностью, заправка полторы тонны, пулеметы в порядке, — и, не удержавшись от душившего смеха, добавил. — Юра только немного поджарился. Жир с него так и капает, хоть сковородку подставляй.

Добродушный Литвиненко лениво ответил:

— Шурик! Опять костями звенишь?

— Мишка косолапый, — шлепнул шлемофоном его по спине Ивлев.

Литвиненко прищурился и, почесывая бок, спустился на землю.

— Ну я тебе покажу, как старших обижать, — прорычал он и бросился за удирающим Ивлевым.

Группа десантников расположилась в тени ветвистых зеленых эвкалиптов, посаженных на краю аэродрома. Здесь проходила линия охраны и обороны, были оборудованы огневые точки с постоянно дежурившими нарядами. Малейший подозрительный шорох взрывал ночную тишину огненной очереди, в которую вливался запоздалый гром всей линии обороны.

В зеленых пятнистых маскхалатах, из кармашков которых торчали рожки запасных магазинов, а на поясных ремнях висели серые гранаты, десантники выглядели более суровыми и жесткими, чем обычно. Грузин Самошвили, коверкая русский язык, травил анекдоты, лихорадочно дрыгал ногами, хватаясь за живот. Два афганца с интересом наблюдали за ним, и один другому со смехом переводил. Никто не перебивал грузина. Лежали на примятой траве, потягивая дешевые сигареты, перекидываясь короткими фразами.

— Эх, рвануть бы сейчас на “Метеоре” по Волге-матушке до самого Каспия!

— А я бы мороженого поел. Я за спор в “Пингвине” по кило за один присест отоваривал...

— Ну и как? Горло не болело?

— Нет. Чихота нападала, да нос закладывало.

— Сегодня суббота по календарю?

— А нам-то какая разница?

— Дома я бы на дискотеку пошел. Диск-жокеем хотел заделаться, да в армию призвали...

— И правильно сделали... Человеком станешь.

— А там я бы кем был?

— Козлом прыгающим.

— Скажешь ты, козлом прыгающим. Планы у меня были стоящие.

— А у нас всегда планы хоть куда, а на деле одна ерунда.

— Ну! Стихами заговорил. Сбрянчи, Рустам, на дорожку что-нибудь стоящее.

— Это можно. Подпевай только.

Садыков вынул из чехла семиструнку, подкрутил барашки и, всей пятерней ударив по струнам, хрипловатым голосом под Высоцкого запел:

На братских могилах не ставят крестов,

И вдовы на них не рыдают,—

К ним кто-то приносит букеты цветов,

И Вечный огонь зажигает...

— Здесь раньше вставала земля на дыбы, — подхватили Дектярев и Мишка Ларин.

Садков замер. Столь ясно прорезались в сознании шумные московские улицы восьмидесятого года. Он случайно был в отпуске, случайно угодил на московскую Олимпиаду и совершенно случайно проходил 25 июля по той улице...

Кто-то снимал чьи-то похороны. Потом он узнал — датчане. Из дома вынесли гроб, и Владимир услышал чей-то шепот: “Всех кинооператоров послали на Олимпиаду, а Высоцкого за граница снимает. Наши потом золотом заплатят за эти кадры. Ох уж эта простота — Россия!”

Он протиснулся через толпу, увидел знакомые из кинореклам сумрачные лица знаменитых артистов, слезы на глазах Михаила Ножкина. В осыпанном цветами гробу лежал действительно Владимир Высоцкий...

Ребята допели песню. Садыков последний раз провел ладонью по струнам, прозвучал последний аккорд...

Владимир встряхнулся и подошел к группе десантников, окруживших Самошвили. Прислушался к разговору, посмеиваясь, спросил:

— Кацо! Рассказываешь, как в прошлый раз невытым виноградом объелся? Надеюсь, сегодня не перебрал? Смотри, в воздухе нужничка не найдется. И стульчик не поможет.

— А ведерко? Ведерко-то все равно есть!

— Даст тебе Литвиненко ведерко! Вылетишь в космос вместе со стульчиком!

Грохнул взрыв смеха знавших историю о стульчике десантников. Афганец оживленно переводил последнюю фразу ухмыляющемуся товарищу. Больше всех смеялся Самошвили.

История со стульчиком была такова. Любивший поесть Кацо частенько страдал животом. Приходилось бедняге высиживать по два часа кряду в учреждении, именуемом на букву “М”. Сообразительный грузин смастерил удобный стульчик, на котором часами высиживал в туалете. В первую свою операцию он прихватил и стульчик, верно рассчитав, что ему он непременно пригодится. Разгневанный Литвиненко чуть было не выкинул в открытую дверь самого Самошвили вместе

со стульчиком — так был возмущен независимой позой сидящего на своем стульчике грузина, но на его, Литвиненко, ведере! Теперь Кацо заранее высиживал положенное время в туалете, готовясь к предстоящим вылетам. Новый стульчик оставлял на базе, конфликтовать с Юрием он не хотел.

Садков поздоровался с одним из афганцев.

— Опять вместе, Ахмет? А это новенький?

— Хасан... Работает со мной. Стоящий парень. Да ты же его знаешь! Помнишь операцию на Айлихеле? Он тогда пулемет подорвал.

— Да... Такое не забывается... — Владимир протянул руку и второму, признав парня по зарубцованным меткам на лице, повернулся к Ахмету:

— Как дела, как жизнь, что новенького?

— Как ты, Володя, говоришь? А? Как в Польше, тот и пан!

— Нахватался ты, Ахмет, поговорок... Середину-то пропустил! Надо говорить: “у кого больше, тот и пан”. Подскажи, где лейтенант Кудрин обретает?

— На соседнем вертолете со своей ханум прощается.

На подкосе вертолета, подальше от людских глаз, присела Оля Данилова, а на заднем колесе примостился лейтенант Кудрин. Девушка исподлобья взглянула на него, попыталась улыбнуться, задобрить его. Но Кудрин отвел глаза в сторону, отрицательно мотнул головой.

— Олечка! Что тебе стоит взять меня с собой? — с мольбой заговорила она. — Я ведь не какая-нибудь мамина дочка... И стрелять меня Садыков научил...

— Нет, Оленька, нельзя... В сотый раз тебе говорю... Не женское дело по горам лазить.

— Тоже мне, знаток! Да вы без нас и войну бы не выиграли. Задаешься ты, милый. Не возьмешь — пожалеешь!

— Тогда другое время было и война другая — отечественная.

— А здесь интернациональная, — протянула жалобно она.

— Вот я и говорю. Сиди в санчасти и не рыпайся.

— Грубиян ты, Олечка. Не буду с тобой разговаривать.

— Будешь... Не каждый день на операцию провожаешь.

— Кудрявенький ты мой, возьми меня с собой и там, в горах далеких, назовешь меня женой. Олежка, возьми! На руках буду носить!

— Что, и в ЗАГС понесешь?

— Понесу... Возьми...

— И на шею себе посадишь?

— Посажу...

— Не возьму!

— Ну почему?

— Нет возврата к матриархату, Оленька! Ты меня и в ЗАГС понесешь, и на шею посадишь, домохозяйкой сделаешь, а потом... рожать заставишь!

— Фу, лейтенант Кудрин! Я тебе припомню твое зубоскальство! Не возьмешь — замуж не пойду... За Кацо выйду... Он давно ко мне присматривается.

— В тебя все мои ребята чуточку влюблены, я не ревнивый... А за меня пойдешь! Еще как пойдешь, ласточка ты моя!

— Не подлизывайся, Олежка... Ну что тебе стоит?

— Нельзя, Ольга. Матвеев полетит. Мы быстро вернемся... Послушай лучше, как ребята поют! Самошвили, Садыков! Спойте что-нибудь веселое на прощание.

Лукаво взглянув на влюбленную парочку, сержант ударил по струнам, а Кацо, откинув автомат и скинув с головы панаму, закрутился в лихом горском танце:

Если б я был султан, я б имел трех жен!

И тройной красотой был бы окружен!

Но с другой стороны при таких делах...

Нужно мне их кормить... Ах спаси, Аллах!

Не очень плохо иметь три жены...

— Но очень плохо с другой стороны, — рявкнули в десяток глоток десантники, окружившие исполнителей.

Ольга рассмеялась, ласково взглянула на Кудрина, но вспомнила о своем споре, тут же надула губки и обратилась за помощью к подошедшему Садкову:

— Товарищ капитан! Прикажите ему, чтобы он меня взял!

Не понявший сути разговора, Владимир неопределенно махнул головой и хмыкнул:

— Не имею такого права, Оля... Это дело добровольное.

— Я ему и говорю, что сама хочу. А он мне: не возьму да не возьму... Прикажите вы ему, товарищ капитан... Я же добровольно...

— Да куда взять-то приказать? Замуж, что ли? Странно, что он от такой девушки отказывается. Сейчас, Оля, я ему мозги пропесочу, — поняв, о чем речь, сквозь смех произнес Садков.

— Ну вас, мужиков! Вечно с этими... шуточками. Товарищ капитан! Прикажите взять на операцию. Что вам стоит?

— Здесь, Оленька, я пас. Вот если бы замуж... Серьезно, говоришь? А если серьезно, Ольга, мужское дело — воевать! Не спорь. Попрощайтесь по-доброму, и благослови нас на удачу. Олег, нам пора.

Кудрин кивнул и демонстративно протянул ей руку.

Она нехотя выдернула свою маленькую ладонь из его руки и прошептала:

— Я буду ждать...

Владимир резко повернулся к построившимся в две шеренги десантникам и буднично проговорил:

— Грузимся, ребята! Пятнадцать человек во главе с Садыковым на ведомый вертолет к Ваканову. Радист и фельдшер — на ведущий. Ахмет, ты летишь со мной...

Усман Алиханов расчесал седую белую бороду, выдернул пару серебристых волосков и, дунув на них, долго следил слезящимися глазами, как они падали. Волоски затерялись в ворсе персидского ковра. Он нагнулся, пытаясь их найти, и чуть не упал от прилива крови, ударившей в голову.

— Постарел Усман, постарел, как эти волоски, затерялись мои годы в вихре бесплодной борьбы. — Посмотрел в осколок зеркала и недовольно поморщился. — Да, годы ушли, остался совсем один на белом свете. Был Усман-хан, теперь просто гражданин Алиханов, восьмидесятилетний старик. Без дома, родных и близких ... На склоне-то лет! О, Аллах, верни мне младшего брата, убийцу и изверга рода человеческого. Я бы сам его покарал, жаль, не успел — переселился хитрец раньше времени в мир иной. Верни мне среднего брата Талгата, кото-

рого враги приказали предать жуткой смерти. Верни мне единственного сына Ахмета, который предал дело отца, переметнулся к горлопанам Бабрака Кармаля. Верни мне из всех моих жен одну только Лизу, ту веселую Амазонку, которая повстречалась мне в пору моей молодости. Прости меня, Всемогущий, если скажу правду, что любил ее больше тебя. Верни мне ее, и я буду счастлив!

Он опустил вскинутые руки, хорошо понимая, что чуда не случится. “Скоро и меня призовет Магомет, может, и встречу на небесах с зарезанной Ибрагим-беком Лизой”, — горько подумал он, тоскливо окидывая взглядом свое жилище. Вытащил баночку с жиром и смазал плешивую голову. Аккуратно обмотал ее белоснежной чалмой, надел дорогой, блестящий золотыми стежками халат. Опоясал себя старомодным русским кушаком и, вытащив из обыкновенного рюкзака хромовые сапоги индивидуального пошива, бережно натянул их на ноги. — Вот и собрался я в дорогу, — устало усмехнулся он. — В последнюю...

Три раза звонко хлопнул в ладоши. На пороге показался его бессменный адъютант, такой же старый и седой, Абдулла Кадар. С достоинством поклонился и застыл в ожидании.

— Абдулла, караван готов?

— Так точно, курбаши. Прикажете выступать?

— Подожди... Еще не стемнело. А впрочем... прикажи Тур Мухамеду двигаться строго по маршруту, указанному мною, вперед выслать разведку. Я их догоню... Ты, Абдулла, останься здесь.

— Но, мой господин!

— Мое слово — закон, Абдулла. Сотворим вечерний намаз и расстанемся. Чувствую, это будет последняя моя дорога.

— Не говорите так, господин. Не накликайте гнев Аллаха!

— Поэтому и останешься здесь, Абдулла. Если я умру, найдешь мой труп. Не перебивай! Найдешь мой труп, перевезешь останки и похоронишь на родной земле. Помнишь скалу, с которой мы мальчишками прыгали в пропасть? Там небольшое плато и два крюка, за которые мы привязывались. Взорвешь динамитом гранит и положишь меня там. Я так хочу, Абдулла.

Такова моя последняя воля... Держи все, что у меня есть, — он протянул слуге туго набитый старинной работы кошель. — Здесь золото, Абдулла. После моей смерти раздашь бедным и сиротам. Это все, что удалось мне скопить. А сейчас оставь меня, я хочу побыть один.

Абдулла дрожащими руками взял кошель, сунул за пазуху и, поклонившись, вышел из шатра.

“Ты всю жизнь был рядом со мной, Абдулла, — подумал старик, ложась на пуховые подушки и закрывая глаза. — Теперь мы впервые расстаемся и, быть может, навсегда. Но так надо. Ты переживешь меня и похоронишь как следует. Больше некому. Теперь можно смело сказать самому себе — жизнь прошла, Усман, и ты остался совсем, совсем один. — Он перевернулся на другой бок и снова ушел в воспоминания.

“Умен был Амманулла-хан. Вот единственный из правителей, который заслуживает уважения. Не мой ли отец поддержал Амманулла-хана в далеком девятнадцатом году? Сарбары Аммануллы разгромили летучие отряды англичан. Афганистан стал свободным. Отец упустил тогда прекрасный момент, единственный, подаренный Магометом — не поднял руки на Амманулла, не убил его. Не принял хан учения Кропоткина, стал создавать государство. Отец увел своих джигитов и через Ферганскую долину решил пробиться на Украину. На пути встали красные аскеры и загнали нас в горы Туркестана. Там и встретил я Лизу, бывшую княгиню, вдову убитого белого генерала. Спас ее от головорезов Ибрагим-бека и женился на ней. Это была единственная любимая моя жена. Были и потом жены, и даже родился сын, но такой, как Лиза, больше я не встретил. Злой дух преследовал нас. Ибрагим-бек напал ночью, и все наши джигиты полегли под саблями его всадников. Отец тоже погиб, а я, весь израненный, спасся вдвоем с Абдуллой. Потом я узнал, что Лиза не покорила Ибрагим-беку, и этот мясник зарезал ее, как барана.

В двадцать девятом либерал и размазня Амманулла был свергнут Надир-ханом. Я поспешил на Родину, где меня знали и уважали. Собрал отряд и предложил Надир-хану установить анархию на всей афганской земле. В ответ он ехидно предло-

жил мне должность евнуха в своем гареме. Я схватился за кинжал, но, как собака, пинком был выброшен из дворца. Этот сын шакала прижал мою сотню к границе русских и в долине реки Аму-дарья разбил меня. Опять меня спас Абдулла, и целых тридцать лет мы скитались по свету.

Мой час пробил, и я благодарил Аллаха, что он продлил мою жизнь. Я поддержал родственника Надир-шаха — принца Давуда, и в семьдесят третьем мы свергли короля, вынудили его отречься от престола и сослали в эмиграцию. Давуд жестоко обманул меня. Он сохранил старую феодальную систему с привилегиями для аристократов, хотя и провозгласил республику, став ее президентом.

Все так запуталось в грешном мире, я был в отчаянии. Один, без верных моих джигитов, я ворвался во дворец и потребовал объяснений. Давуд рассмеялся в ответ, сказав, что принимал наш договор за шутку и предложил мне, как и Надир-хан, должность главного евнуха в своем гареме. Я как тридцать лет назад схватился за кинжал, но спрятанные за занавеской телохранители схватили меня и обезоружили, посадили на цепь в темницу королевской тюрьмы.

Я готов был перегрызть тяжелую цепь и три дня выл от бессилия и отчаяния. Аллах смилостивился, — я не наложил на себя руки и мне вернули моего Абдуллу. Он сам пришел и сдался на милость Давуда. Абдулле разрешили свободно передвигаться на территории тюрьмы, есть и спать сколько влезет, дали мягкую постель и перевели в мою камеру. День и ночь следили за ним и били палками, если он пытался мне помочь чем-либо. Давуд так и не понял, что спас меня от ужаса одиночества и голодной смерти. Абдулла часто ел и часть еды оставлял во рту и приносил мне. Так он спас меня третий раз.

Пять лет кормили меня помоями, тыкали как последнего смерда и ждали, пока я издохну. Но я выжил! Аллах и в этот раз не обошел меня милостью. Я приветствовал начало апрельской революции. Думал, исполнится моя мечта, и народ обретет свободу. Давуд был свергнут. Руководство страной взял на себя Тараки, который назвал мои идеи бреднями выжившего из ума старика. Как он оскорбил меня!

Неожиданно меня пригласил Амин. Лживая лисица, он сочувственно посетовал над моей судьбой и предложил заключить союз для борьбы с Тараки. Я мудро рассудил, что если грызутся собаки одной стаи, они непременно сообща загрызут чужака, а уж потом уничтожат друг друга. Я пообещал помощь, а сам скрылся из столицы к себе на Родину.

В сентябре семьдесят девятого Амин убил Тараки и захватил власть. Он заявил, что народ сам выберет свой путь развития. Я несказанно обрадовался, думал, что Амин пришел к моему решению. Еще немного, думал я, и он примет великое учение Кропоткина.

Я загнал двух лошадей и... О, Аллах! Прибыл в приготовленную западню. Амин, будь он проклят, похлопал меня по плечу и, вызвав охрану, отправил меня в ту же камеру, где я сидел при Давуде! — Старик застонал, как от зубной боли, встал с подушек, обхватил голову своими высохшими, с выступившими венами руками. — Кто бы знал, сколько слез негодования и ненависти я пролил в той тюрьме. Даже Абдуллы не было рядом. Я устал жить, я ждал смерти, как избавления. Но Всевышний и на этот раз смилостивился надо мной! В борьбе за власть этот выродок пал, был схвачен, приговорен к смерти и казнен во славу Аллаха! Теперь я уже не верил никому. К руководству страной пришел Бабрак Кармаль. Боясь не удержаться у власти, он обратился за помощью к русским. Против русских я ничего не имел. Но их вмешательство в наши дела принял как сигнал к действию. Ждать следующего крупного переворота мне не позволяет возраст.

Мне нужен преемник моего дела, и я нашел его в лице Ахмат-хана. Может быть, он сможет закончить дело моей жизни, растоптанное моим неблагодарным сыном”.

Вспомнив о сыне, старик заскрежетал зубами, рывком растегнул ворот рубахи.

“Его тоже зовут Ахметом, может быть, поэтому я и поверил хану. Нет, жить без веры нельзя. Это мой последний шанс. Необходимо выручить хана. Я сам поведу этот караван и, если

мне удастся добраться до Ахмат-хана, останусь у него. Найду своего сына, посмотрю ему в глаза и убью своей рукой. Пусть не дрогнет моя рука и покарает клятвоотступника и предателя.

О Аллах! Благослови меня на последний в моей жизни путь!”

Глава 2

Вертолеты с десантниками вырулили на взлетно-посадочную полосу. Звено прикрытия капитана Голикова рассредоточилось клином метрах в двухстах, на траверсе командного пункта.

— Три тройки! Карту выполнил. Взлет парой, — нарушил эфир голос Садкова.

— Взлет разрешаю. Счастливого пути!

— Понял. Взлетаем.

Вертолеты оторвались от бетонки, зависли и перешли в разгон скорости. Под колесами замелькали проволочные ограждения, склады, фигурки людей. Невдалеке от военного городка пролегла оросительная система, вблизи которой раскинулись мандариновые и апельсиновые рощи. Справа виднелся город — зеленая жемчужина Афганистана. Город прорезала автомобильная дорога, соединяющая юго-восток со столицей страны. Она делала характерный крюк возле водохранилища в районе Черной горы. По ночам на Черной горе зажигались костры, хорошо видимые на десятки километров. Это обогревались враги, с тоской смотревшие на город, залитый светом электричества. Душманов неоднократно выбивали оттуда, но они упорно возвращались обратно, создавали новые базы, укрепляли горные вершины и надеялись, что этот город падет к их ногам.

Пара Садкова на предельно малой высоте и максимальной скорости неслась над зеленой полоской долины. Вверху и взади примостились похожие на щук остроносые двадцатьчетверки. Владимир поменял курс и неожиданно услышал в наушниках веселый голос капитана Голикова:

— Три тройки! Смотри прямо.

Вертолет Садкова был в развороте, и правая полусфера кабины закрывала обзор. Он вопросительно взглянул на Ивлева. Правачок незамедлительно ответил:

— Дим Димыч тренируется. По Черной горе стукнул.

— Ну, как мы их? Должно быть, прищучили с десяток? — вновь нарушил эфир Голиков.

Владимир не удержался и коротко заметил:

— Иди проверь...

— Я — Омар! Что у вас там за пальба? Кто и куда?

— 261-й доложит, — ехидно заметил Садков.

После длительного замешательства раздался недовольный доклад Голикова:

— Обстрелял противника... На Черной горе, на всякий случай.

— 261-й, с вами все ясно. По прибытии доложите подробно.

— Будет Дим Димычу банька. Комполка ему “харакири” сделает, — оживленно заявил Ивлев.

— И поделом. Нечего в белый свет палить, — отозвался Литвиненко. — Снаряды тоже деньги народные стоят.

— Интересно, попал он или нет? Взрывы видел, людей нет.

— Наверяд ли, а ему попадет. Это точно, — откликнулся Садков. — Прекратите болтать. Смотреть в оба.

Лейтенант Кудрин, прислонив лицо к иллюминатору, наблюдал за изменяющимся ландшафтом местности. По склонам долины громоздились отвесные скалы, прорезанные тонкими жилками высохших речушек. Местами долина расширялась и отвесные скалы сменялись пологими склонами, к которым пригнулись серые постройки разбросанных дувалов. Чем ближе к границе, тем унылее и сиротливее они выглядели. Олег знал, что большинство дувалов покинуты людьми. Брошены с трудом возделанные поля, угнан скот, и только дикие звери и пришельцы из-за границы скрывались в полуразвалившихся мертвых кишлаках. Олег почувствовал жуткое одиночество и страх

перед могучей силой природы. “Как жалок и крошечен человек, как одинок в стремлении покорить неизведанное, завоевать Вселенную, — подумал он. — Люди жили здесь столетиями, убирали хлеб, растили детей, любили и умирали. Они не догадывались, что их потомки покинут могилы предков. Пришла беда и поставила крест на сложившемся за сотни лет укладе жизни. Нарушилась гармония человеческих отношений, разобщила и раскидала по свету трудолюбивых крестьян. Земля оскудела, покрылась пылью и копотью. Выкопанные колодцы засыпал песок, а могилы умерших сравнял с пустыней коварный “афганец”. Только развалины дувалов напоминают о прошлой жизни людей. И над всем этим погибшим крошечным миром, как и сотни лет назад, возвышаются снежные вершины, бегут по весне полноводные горные реки, бродят в поисках пищи дикие звери, светит яркое солнце и плывут по небу облака. Вечная Вселенная”.

Кто-то толкнул его в плечо. Кудрин встрепенулся и вопросительно повернул голову.

— Вышли в заданный район, — прокричал ему в ухо борттехник. — Сейчас начнется кордебалет. Не паникуйте, этот танец Шурик разработал. Все будет в ажуре.

Сколько раз Кудрину с ребятами приходилось бывать в заданном районе? Во все направления Афганистана пролегли трассы винтокрылых машин. И все так просто и обыденно. Заданный район.

Вертушки резко свернули влево. Переключив переключатель на стрельбу из бортовых пулеметов, Владимир нажал на кнопку. Оба пулемета ударили короткими оглушительными очередями прямо по горизонту. Литвиненко передернул затвор носового пулемета, вправил патронную ленту и весело стукнул кулаком по стволу. Пулемет как будто этого и ждал, невнятно рыкнул и затараторил. Юрий приподнял ствол и веером полоснул длинную очередь по пикам горных вершин.

В кабине неприятно запахло пороховыми газами. Садков приоткрыл боковой блистер и отчетливо услышал, как выстрелили пушки группы прикрытия. Впереди по курсу возникли фонтаны вздыбившейся земли и камня. Раздался ракетный залп ведомого вертолета капитана Ваканова. Неуправляемые ракеты унеслись с бешеной скоростью и врезались в скалы. Вертолеты загасили скорость и произвели ложную посадку. Взлетели, постреляли и снова сели. И так три раза в разных местах.

“Пусть “духи” разбираются, что мы тут вытворяли”, — со злорадством подумал Ивлев, показывая Садкову на карте обходной маневр с выходом в квадрат 43 с севера.

Капитан повернул вертолет на 90°, развернул прямо в горловину ущелья. И вдруг услышал слабые хлопки выстрелов с земли. Он непроизвольно отшатнулся к бронеспинке сидения. Пуля прошила обшивку вертолета позади сидения и вышла в правый блистер, чудом не задев остолбеневшего от неожиданности Литвиненко. Он осторожно потрогал пальцами рваную пробоину и воскликнул:

— Бьют с крупнокалиберного, черти!

Еще одна пуля заставила вздрогнуть всех. Она снова вошла с левой стороны, ударила по приборной доске и, чудом не разбив приборы, рикошетом ушла под нижний обрез переднего стекла.

С невероятным скольжением, изменяя диапазон скоростей, выводил вертолет Садков из-под убийственного огня пулемета. Как привязанный, за ним следовал вертолет Ваканова. В эфире раздался тревожный голос Голикова:

— Три тройки! Что там у вас?

— Нас обстреляли. Сейчас найду гадов.... Как поняли, 261-й?

— Вас понял. Не зарывайтесь...

Ивлев настороженно взглянул вниз и отпрянул от блистера. Кучка людей в разношерстных халатах залегла за россыпью мелких камней. Казалось, они целились и стреляли в него одного. Александр быстро передернул предохранитель автомата и одним нажатием на спусковой крючок выпустил весь рожок. Тут же опомнился и во все горло заорал:

— Командир! Вижу! Они под нами.

— Спокойно. Не суетись. Разворот влево.

По прямой, как на учениях, издалека заходили вертолеты на залегших за камнями людей. Почти в упор Юрий Литвиненко выпустил всю ленту крупнокалиберных патронов. Его побелевшие пальцы продолжали давить на гашетку умолкшего пулемета. Сзади справа раздался мощный залп ведомого. Ракеты кучно легли на землю, перепахав каждый метр каменистого грунта. Вертолеты прошли над безжизненно разбросанными, исковерканными телами врагов. Зашли на повторный круг.

— Я—Три тройки! Захожу на посадку. 334-й! Прикрой меня. Десантуре приготовиться.

Вот и земля, покрытая черной копотью. Неожиданно почти из-под колес выскочил человек и, размахивая руками, бросился бежать прочь.

Литвиненко дал короткую предупредительную очередь, которая пересекла дорогу бежавшему. Он упал на колени, схватился за голову руками и замер на месте.

— Не стрелять! Возьмем живым, — скомандовал Садков.

Ахмет и Хасан, а за ними и Кудрин выскочили из вертолета и подбежали к вращающему обезумевшими глазами человеку. Подхватили его под руки и волоком затащили в вертолет. Десантники осмотрели валяющиеся трупы и, прихватив оружие убитых, влезли в грузовую кабину.

— Девятерых накрыли. Живых и раненых нет. Пулемет вдребезги, — прокричал Кудрин в ухо Садкова.

— Хорошо! Взлетаем, идем к месту высадки.

Наконец-то земля покрылась вечерними сумерками. Солнце спряталось за вершины гор, и лишь звено поддержки Голикова виднелось на фоне потемневшего неба.

— Командир! Под нами район высадки. Ветер 340°. Можем десантировать.

— Хорошо. Десантникам приготовиться. Высадка с режима висения.

Олег Кудрин приподнялся с сидения, поправил висевшие на ремне гранаты, передернул затвор автомата. Десантники последовали примеру командира.

Ахмет склонился над Кудриным и прокричал:

— Что с пленным делать будем?

— Возьмем с собой. Допросим в спокойной обстановке.

Садков привычными координированными движениями гасил скорость. Стрелка указателя подошла к отметке 50 км/ч, когда раздался тревожный голос Дим Димыча:

— Три тройки! По курсу 1,5-2 км вправо наблюдаю лежащих вьючных. Единиц шестьдесят-семьдесят. Что будем делать?

Считанные секунды Садков принимал решение. Он успел подумать, что высаживать ребят нельзя. Мирный или военный караван, все равно обратят внимание и разведгруппа будет рассекречена. И не известно, сможем ли мы помочь ребятам, если они вступят в бой. Скоро ночь.

— 261-й! Передайте Омару — иду на проверку каравана. Юра! Объясни Кудряшу ситуацию. Пусть готовит гвардейцев к высадке.

Вот она, горка, разворот и перед глазами сбившиеся в группу животные. Верблюды и ослы, насторожив уши, прислушивались к шуму приближающихся вертолетов. На спины животных были навьючены длинные деревянные ящики и тюки. Людей не было видно. Это и насторожило Садкова. Он три раза нажал на кнопку СПУ, что означало: “Будьте готовы”. Юрий вновь припал к пулемету, а Ивлев высунул ствол автомата в прорезь двери. Обычно караванщики приветливо махали руками, вывешивали флаги, сходились группками и терпеливо ждали соблюдения необходимых формальностей проверки. Здесь все как-то странно.

— Проверить пулеметом, командир? — спросил Литвиненко.

— Не надо. Может, мирный. Хотя, какой хозяин бросит свое добро. Будем садиться, Юра.

Ночь быстро опускалась на землю. Еще немного и придется возвращаться. Он ждал и уже догадывался, что эта встреча не случайна. Что-то должно было случиться. Так и произошло.

Звонко бухнул выстрел английской винтовки, протарахтел автомат. В ночную тишину ворвалась разноголосица беспорядочной стрельбы. Из-под туш животных показалась вооруженная охрана. Владимир толкнул ручку управления вертолетом от себя и с левым креном отошел от каравана.

Звено прикрытия открыло стрельбу по периметру. Снаряды рванули вблизи каравана, но урона не нанесли. По неписаному закону, после предупредительных выстрелов караванщики должны поднять руки и выйти на открытое место. Но по группе прикрытия ударил тяжелый пулемет, застрекотали автоматы.

— Я — 263-й! Поднялись давление и температура двигателя. Вероятно, пробита маслосистема. Возвращаюсь на базу. Как поняли? Прием.

— Возвращайтесь. Всем внимание! По готовности открыть огонь.

Земля вздрогнула от десятков снарядов, вонзившихся в ее тело. 263-й выпустил весь боезапас и, бухнув на прощание кормовой пушкой, ушел на север.

Ракеты рвали все живое на своем пути. И людей, и животных разносила в клочья злая сила, вырвавшаяся на волю. Вверх полетели ящики, вьюки, тела животных и людей. Но еще строчил заколдованный пулемет, неслись в сторону вертолетов огненные автоматные трассы.

— 261-й! Подавите пулемет. Произвожу посадку.

Раздался залп пушек пары прикрытия. Вторым заходом Дим Димыч прочесал караван из пулеметов. Владимир успел заметить, как подкашивались ноги верблюдов и они в смертельном страхе неуклюже падали на землю. Ослы пытались вырваться из огненного мешка, но сползшие со спин ящики не давали беднягам тронуться с места. И только сорвавшиеся с привязи лошади с громким ржанием уносились прочь, в ночной сумрак.

Садков выполнил разворот в наветренную сторону и произвел посадку. Ведомый вертолет капитана Ваканова сел рядом. Кудрин дал команду, и десантники один за другим покинули вертолет.

Усман Алиханов осмотрел пустые стены шатра. Достал из сундучка туго набитый мешочек и сунул его в карман.

Он встал на колени лицом на восток, склонил плешивую голову и долго читал молитвы, усердно отбивая поклоны. В последний раз провел по лицу ладонями и решительно направился к выходу.

Около шатра били копытами и беспокойно ржали застоявшиеся, почуявшие близкую дорогу лошади. Его верные телохранители расположились у костра и пили чай. Увидев своего повелителя, вскочили на ноги и почтительно склонили головы. Эти люди были оттуда, с Родины, его земляки, и он, как мог, заботился о них, оберегал и лелеял. В благодарность они поклонялись ему, верили каждому слову, были преданны и надежны.

— Я отправляюсь на Родину. Поведу караван к моему побратиму Ахмат-хану. Дорога трудна и опасна! Кто не хочет идти со мной — может остаться в кишлаке. Я не буду держать обиды. У каждого своя дорога в жизни. Я свою прошел и возвращаюсь на вечный покой на могилы предков. Вы свободны в выборе. Да продлит Аллах вашу жизнь!

Усман обвел взглядом отряд конников и отвернулся. За его спиной послышался приглушенный шепот. Вперед выскочил Мамед Керимов, тридцатилетний великан с живыми детскими глазами и шрамом, пересекшим щеку надвое. Упав на колени перед стариком и обшлюнявив полу его халата, он заговорил:

— Учитель! Господин! Осыпь своей милостью верных своих псов, не обижай сыновей Аллаха и твоих детей. Мы выбрали твою дорогу и не свернем с нее. Умрем, но не бросим своего хозяина...

Старик прослезился, обнял за плечи верного джигита, посмотрел в его преданные глаза и троекратно расцеловал.

— Я горжусь тобою, Мамед. Если бы у меня был такой сын...

— Мы все твои сыновья, хозяин. Умрем, но не покинем тебя, — под восторженно одобряющий гул голосов закончил Мамед.

— Спасибо вам... Помолитесь. Попросите у Аллаха прощения грехов, и на Родину...

Усман подошел к старому, седому своему адъютанту и положил руки ему на плечи:

— Прощай, Абдулла, друг детства, соратник и побратим. Помни мой приказ. И еще... Помнишь, в Ферганской долине ты искал меня трое суток? Я был на могиле у Лизы и взял на память горсть земли, вот она в мешочке, в кармане... Хотя и была она не нашей веры, но мы искренне любили друг друга. Высыплешь землю в мою могилу... Такова моя последняя просьба к тебе. Мешочек с землей, где бы я ни погиб, ты найдешь на моем теле. Двигайся за нами в одиночку. Я хочу, чтобы ты пережил и похоронил меня. Ну, а теперь прощай.

Они обнялись, два старых, засохших дерева. Абдулла постариковски, всей пятерней вытер выступившие на глазах слезы и прошептал:

— Все сделаю, как ты велишь, Усман.

Алиханов отстранил от себя Абдуллу, долгим взглядом оглядел его лицо, крепко поцеловал в желтые потрескавшиеся губы. Резко повернулся, подошел к склонившему голову коню, похлопал его по огненно-рыжей гриве и вставил ногу в стремя. Абдулла помог ему запрыгнуть в седло. Подняв руку вверх, Усман произнес одно-единственное слово:

— Вперед!

Всадники гикнули, лошади сорвались с места и понеслись вдогонку за лошадьёю Усмана. Абдулла остался один.

Солнце закатывалось за дальние горы, когда Абдулла услышал далекий гром. Он выскочил на улицу и прислушался. Снежная лавина в середине лета? Гром в ясном небе? Может быть, показалось? Он засеменил на торговую площадь, где еще был народ. Знакомый торговец мукой, обтерев белую пыль с лица, произнес:

— Стреляют. И когда это кончится?

Старый Абдулла подумал, что ослышался и, подойдя к торговцу, дрожащим голосом спросил:

— Где стреляют?

Торговец махнул рукой:

— Везде стреляют. А сейчас там, за перевалом, на севере. Аксакал, вам плохо? Может, чем помочь?

Абдулла уже не слышал его. Не чувствуя под собой ног, он поспешил обратно в шатер. Собрал в рюкзак свои пожитки, сунул в него ломоть хлеба, запасся водой. Зыркнув по сторонам, спрятал кошель с золотом на груди. Подобрал крепкую, суковатую палку, повесил на нее сапоги, поклонился и босиком отправился в путь.

Он шел на север, по следам хозяина, наверняка зная, что скоро встретится с ним.

Глава 3

Выпрыгнув из вертолета, лейтенант Кудрин огляделся. Впереди что-то горело и гулко взрывалось. По долине стелился еле видимый черный дым, щипавший глаза и оседавший черной копотью на землю. Вечерние солнечные лучи затерялись в вершинах гор. Дневной зной сменился вечерней духотой. По бокам вертолета залегли Дектярев и Неделин. Метрах в двадцати от хвоста примостился пулеметчик Виктор Озеров со своим незаменимым ручником. Подняв облако пыли, метрах в тридцати выполнил посадку второй вертолет. Открыв блистер, Ваканов помахал кому-то рукой. К нему подбежал сержант Садыков, что-то спросил и оглянулся в поисках Кудрина. Олег сам подскочил к сержанту, кивнул Ваканову.

— Садыков, зайдешь им в тыл. Обойдешь по кромке долины. Постарайся не обнаружить себя. Я ударю в лоб, — прокричал, сложив ладони рупором, Олег.

Сержант, перекинув ремень автомата через плечо, покивал головой, хрипло ответил:

— Садыков не подведет, как змея подползет. Возьму первое отделение, командир, мы быстро.

— Ударишь после нашей атаки. Впрочем, смотри по обстоятельствам. Дай знать красной ракетой. Все понял?

Садыков весело козырнул и попытался еще что-то сказать. Олег толкнул его в плечо и, показав кулак, бросился догонять основную группу десантников во главе с сержантом Ефремовым.

— Ахмет! Командуешь левым флангом. Ефремов, руководишь правым. Я в центре. Взять караван необходимо до темноты. Короткими перебежками, марш!

Первые выстрелы прозвучали неожиданно. Олег пробежал несколько метров, когда пуля сорвала панаму с его головы, и он, больно ударившись коленкой, плюхнулся на землю. Искал глазами укрытие и, перевернувшись, спрятался за круглый камень. Лежа на животе, с любопытством ощупал аккуратную дырочку правее кокарды. Поморщился и засунул панаму под ремень. Скосил глаза в сторону и увидел торчавшие толстые подошвы ботинок. Потянул за ногу. В ответ кто-то лягнул его по скуле. “Живой! — обрадовался Олег. — Лягается, как жеребец”. Он рванул тело за обе ноги, и неизвестный юзом влетел в укрытие.

— Ларин, ты? Миша, где рация?

Радист с трудом оторвал голову от земли, посмотрев на командира бессмысленными глазами.

— Рация где? — спокойно повторил Кудрин.

В глазах Ларина мелькнул страх и ужас. Он по-мальчишески шмыгнул носом, вытерев его рукавом маскхалата.

— В вертолете.

Лейтенант понял, что впопыхах, надеясь на скорое возвращение, Ларин оставил рацию в вертолете.

— Успокойся, Миша. Вот так... Давай по-пластунски к летчикам. Слышишь? Пулемет заговорил. Пусть прижмут “духов” к земле и подавят его. Действуй. Я тебя прикрою.

Опомнившийся радист виновато взглянул на командира, молча развернулся и ловко, как ящерица, пополз обратно. Вскочил на ноги и, петляя, как заяц, двинулся короткими перебежками.

Кудрин высунулся из-за камня. Прицелился и короткими очередями ударил по огонькам, сверкающим в наступающей темноте. Рядом кто-то пустил длинную очередь в небо. Спихватился. Выровнял прицел и уже спокойно повел огонь по каравану. Дружно заговорили автоматы всей наступающей цепи десантуры.

Лейтенант облегченно вздохнул. Как он сам, так и его ребята оправились от внезапного встречного огня “духов”. Пройдет немного времени, и они возьмут этот окрысившийся караван. Он оглянулся и увидел темный силуэт Ларина с рацией на плечах. Вертолеты огневой поддержки встали в круг и, беспрерывно пикируя, атаковали остатки каравана. Наконец-то обнаружили замаскированный пулемет. Голиков ударил из пушки. Песчаный грунт вздыбился, завалив огневую точку и похоронив пулеметчика. Кудрин под прикрытием огня вертолетов вплотную подполз к каравану. Вскочил на ноги и метнул гранату. Мельком увидел Ахмета, Неделина, Дектярева... Десантники, яростно строча из автоматов, опередили его и ворвались в расположение каравана. Кудрин быстро сменил рожок и, стреляя короткими очередями, бросился следом. Кто-то закричал “Ура!”, он подхватил звонким голосом и закружился в вихре рукопашной схватки.

Садыков собрал свое отделение у подножья каменистого плато. Энергично жестикулируя, объяснил задачу. Оставив лишнее снаряжение, десантники двинулись в противоположную сторону от каравана. Пробежали с полкилометра. Сержант оглянулся и увидел, что они вышли из-за прикрывающих их вертолетов на открытую местность. Приказал продвигаться ползком. Преодолев на животах не одну сотню метров, они очутились в тылу каравана: Теперь Садыков терпеливо ждал атаки основной группы. Десантники кружком расположились около командира. Тревожно вслушиваясь в звуки отдаленного боя, Самошвили открыл портсигар и протянул сигарету Садыкову:

— Закури, Рустам. Утро вечером мудро. Лейтенант даст, и мы поддадим и зададим эту гидру революции.

— Контрреволюции, ---- поправил Садыков, чиркая спичкой о коробок. ---- И не мудро, а мудренее.

---- Я и сказал: ликвидацию беспорядка будем делать, --- попытался разговорить сержанта неунывающий Самошвили.

Садыков отмахнулся от друга-говоруна, переполз к краю ущелья. Прижавшись к гладкой скале, выглянул наружу. Они

сделали большой крюк, и караван был намного ближе, чем он ожидал. В сгущающихся сумерках Садыков видел далекие силуэты родных двадцатьчетверок и яркие вспышки в центре каравана. Атака вертолетов разрешила мучивший его вопрос “Когда начинать?” Как замороженные, смотрели десантники на работу винтокрылых машин. Вертушки стремительно носились на малой высоте, сотрясая тишину ракетными залпами.

Несколько ослов с налитыми кровью глазами пронесли мимо, волоча за собой обрывки веревок и привязных ремней. Проковылял исполосованный осколками верблюд. Метрах в двадцати от них он упал на передние ноги и дико закричал. Из горла хлынула кровь, и бедняга захлебнулся ею. Повалился на бок и задергался в предсмертной агонии.

Садыков зло сплюнул, затянулся сигаретой и бросил окурок под ноги.

— Все, ребята, пора... Приготовьте гранаты.

Он достал ракетницу и выстрелил. Мгновение подумал, резко повернулся и, вскинув автомат, дал очередь по умирающему верблюду. Махнул рукой и побежал в сторону шарахающихся от него животных. Преодолев метров триста, разгоряченный сержант увидел первых врагов. Кучка оставшихся в живых “духов” еще сопротивлялась в центре каравана. А эти бежали вслед за ослами, спешили спасти свою шкуру. Самый трусливый, самый слабый оказался в первых рядах отступающих. Его ужасающий вопль при виде приближающихся десантников пронесся над ущельем и тяжелым эхом отозвался в горных вершинах. Садыков огрел его прикладом и, вертанув автомат в руках, расстрелял в упор. Крик застрял в горле душмана, и он свалился под ноги наступающим. Сержант запнулся за распластанное тело и рухнул рядом. Через него перескочил Самошвили с автоматом в одной и гранатой в другой руке. Навстречу ему поднялся поджарый, заросший бородой великан. Кацо нажал на спусковой крючок, но выстрелов не последовало. “Кончились патроны”, — промелькнуло в голове. Вспомнил про гранату и швырнул ее. Граната волчком покатилась под ноги великану. Душман ловко прыгнул в сторону, спрятал голову за тушу мертвого верблюда и замер в ожида-

нии взрыва. Самошвили упал метрах в трех от него и инстинктивно прикрылся руками. Прошло несколько секунд, пока враги поняли, что граната не взорвалась. Оба поднялись с земли, встретились глазами. Кацо выругался по-грузински, душман хмыкнул по-своему. Одновременно вскочили на ноги и бросились друг к другу. В руках душмана мелькнул нож, но очередь автомата Садыкова сразила его наповал.

Самошвили дрожащей рукой смахнул выступивший пот со лба. Почувствовал, как нервно дрожат колени.

— Рустам, — прерывающимся голосом выдавил он. — Я плачу долг...

— Ты лучше про патроны не забывай, — крикнул обогнавший его сержант.

Попавшие в капкан душманы походили на диких зверей, стремившихся во что бы то ни стало прорваться через заслон охотников.

Садыков столкнулся с невысоким юрким коротышкой лет двадцати. Обнявшись, они упали и покатались по земле, царапаясь и сворачивая шею друг другу. Душман подмял сержанта. Придавил коленом ему грудь. Выворачивая, ломая руки, дотянулся до горла и сомкнул грязные пальцы на шее Садыкова. В глазах Садыкова потемнело. Спазмой сдавило горло. Он отчаянно выгнул спину, рванул “духа” за волосы. Слабеющая рука все же нашла нож, подвешенный на боку комбинезона. Теряя сознание, изловчился и со всей оставшейся силой вонзил нож под левую лопатку врага.

Подбежавший Самошвили столкнулся с сержанта мертвого “духа”, несколько раз ударил Садыкова по щекам, открутил колпачок фляжки и насильно влил воду в рот. Садыков поперхнулся и закашлялся, с трудом открыв глаза.

— Будем жить, Рустам. “Духа” сильно тебя задушил?

Сержант тяжело вздохнул и прошептал:

— Ничего... До свадьбы заживет.

Прошло несколько томительных минут. Работали двигатели, и где-то наверху тарахтела пара Дим Димыча. Владимир открыл блистер. В лицо брызнул выброшенный из выхлопного

патрубка двигателя теплый воздух. Послышалась трескотня пулемета и гулкие хлопки винтовок. По бокам и сзади вертолета залегли десантники. Лиц не было видно. Лишь силуэты вырисовывались на фоне потемневшей земли. Садков повернулся к Ивлеву:

— Молодец, Кудряш. И об охране не забыл! Как с топливом?

— До дома хватит.

— Ну и ладно. Подождем Кудрина и домой. Что там видно?

Ивлев высунул голову из кабины и всмотрелся в ночной сумрак.

— Да ничего, командир, не видно. Тьма, как в преисподней. Кто-то бежит к нам. Вроде, наш.

В грузовую кабину влетел Миша Ларин и возбужденно затараторил:

— "Духов" полно, нас прижали к земле, голову не дают поднять, гады. Лейтенант приказал подавить пулемет и расстрелять караван. Я забыл рацию, бегу обратно. Все.

— Подожди, торопыга. Опять без рации убежишь. Передай Кудрину: мы взлетаем через десять минут. О дальнейших действиях договоримся по рации. Связываюсь с Дим Димычем. А ты смотри, Маша-растеряша, головой за связь отвечаешь. Умри, но рацию сбереги, иначе труба дело.

— Все ясно, командир. Я пошел.

Садков подмигнул сконфуженному радисту. Юрий помог надеть ему ремни рации на плечи, шлепнул Ларина по заднему месту:

— Смотри мне, раззява! Голову не потеряй и то, что в штанах имеешь. Торопыга.

По переговорному устройству раздался спокойный голос Садкова:

— Ивлев, займись расчетами. Будем взлетать без включенных фар. "Духи" не все перебиты, не приведи господь, вдарят по свету. Рассчитай время прохода по ущелью и точку набора высоты. Я не горю желанием расцеловаться с горной вершиной.

— Понял, командир. Будем верны женам. Смотри! Дим Димыч атакует.

— Вижу, позови Дектярева, — Садков высунулся из кабины и прокричал в ухо подбежавшему командиру группы прикрытия: — Мы взлетаем. Забирай своих и к лейтенанту. “Духов” много, вы там нужней. Передай — после набора выйдем на связь. Все. Выполняй.

Дектярев выскочил на открытое место и помахал рукой. К нему подбежали трое десантников, и вся четверка бросилась к каравану.

— Три тройки! Произвожу взлет. 334-й, взлет одна минута, скорость 120, смотри маяк. Набор в квадрате 40. 261-й, вам выход в квадрат 40. Набор высоты после выхода из ущелья.

Плавным движением Садков отдал ручку управления от себя. Открыв блистер, бросил взгляд в кромешную темноту. Вся эта масса каменистых нагромождений просматривалась более темным сплошным пятном по границе ущелья. Будто чудовище сжимало и раздвигало свои огромные ручища, пытаюсь сомкнуться и раздавить вертушку, осмелившуюся нарушить вечный покой гор. Наконец чудовище как бы нехотя разжало ладони, выпуская пленников на волю. Кончилось ущелье.

— Командир, вошли в квадрат 40.

— Три тройки. Квадрат 40. Набор 1200. 334-й, дистанция три, набор и выход на базу самостоятельно. 261-й, наблюдаете проблесковый?

— 261-й. Наблюдаю южнее 2-3.

— Следуйте на точку. Волга! Я — Три тройки. Как слышно? Прием.

— Я — Волга. Слышу вас хорошо. Докладываю обстановку. Караван взят. Тьма оружия. Бросить не могу. Остаюсь до утра. Как поняли? Прием.

— Вас понял. Решение поддерживаю. Слушай внимательно. Сигналы ракетами, как договаривались на базе. Рабочая частота прежняя. Границу перекроем авиацией. Над вами постоянно будут дежурить вертолеты, указывай место удара. Много осталось недобитых?

- Пока не знаю, но постреливают.
- Как потери?
- Двоих насмерть, пятеро раненых.
- Держись. Мы скоро вернемся. Ни пуха ни пера тебе, Олег.
- К черту. Вам счастливо добраться...

После посадки на аэродроме капитана Садкова вызвали к подполковнику Мордуховичу. Лицо командира выглядело усталым. Сказывалось волнение за исход операции. В кабинете находились командир батальона спецназначения усатый подполковник, начальник разведки бригады майор Быстров и капитан Голиков. Мордухович подошел к стене и отодвинул занавеску, прикрывающую мелкомасштабную карту.

— Докладывайте подробнее, капитан. Что, где и как.

Садков взял указку и подошел к карте.

— В район высадки мы вышли нормально. Выполнили ряд необходимых маневров. Уничтожили случайно замеченную группу “духов”, одного захватили в плен. В момент приземления в квадрате 43 Дим Дим..., извиняюсь, капитан Голиков обнаружил замаскированный караван. Я решил группу в засаду не высаживать. Несомненно, нас заметили погонщики каравана.

— Правильно решил. Продолжай.

— В момент посадки для досмотра по нам открыли сильный огонь. Нервишки не выдержали у “духов”? Голиков сделал предупредительный выстрел из пушки. В ответ ударил пулемет. Я принял решение на уничтожение каравана.

— Вы уверены, капитан, что это не мирный караван?

— Абсолютно, товарищ подполковник. Во-первых, они выступили на ночь глядя, хотя известно, что передвижения через границу запрещены. Во-вторых, первыми открыли огонь по нам. Не из допотопных ружей, а из современных винтовок и автоматов. В-третьих, лейтенант Кудрин подтвердил очевидное. Там и сейчас не прекращаются выстрелы.

— Убедительно. Продолжайте.

— Я связался с Кудриным. Он принял решение брать караван. Мы согласовали дальнейшие действия. Прошу моим эки-

пажам продолжить работу. Мы освоились в том районе и нам будет легче, чем другим.

— Я сам хотел вас просить об этом. Идите отдыхать. Через час вам вылет. А вы, Голиков, задержитесь на минутку...

— Так вот, Дим Димыч. Я не постесняюсь присутствия офицеров из родственной бригады и объявляю вам выговор за ваши неуместные шутки. Вы понимаете, о чем речь?

— Так точно. Оплошал, командир. Уж больно зуб на них чешется.

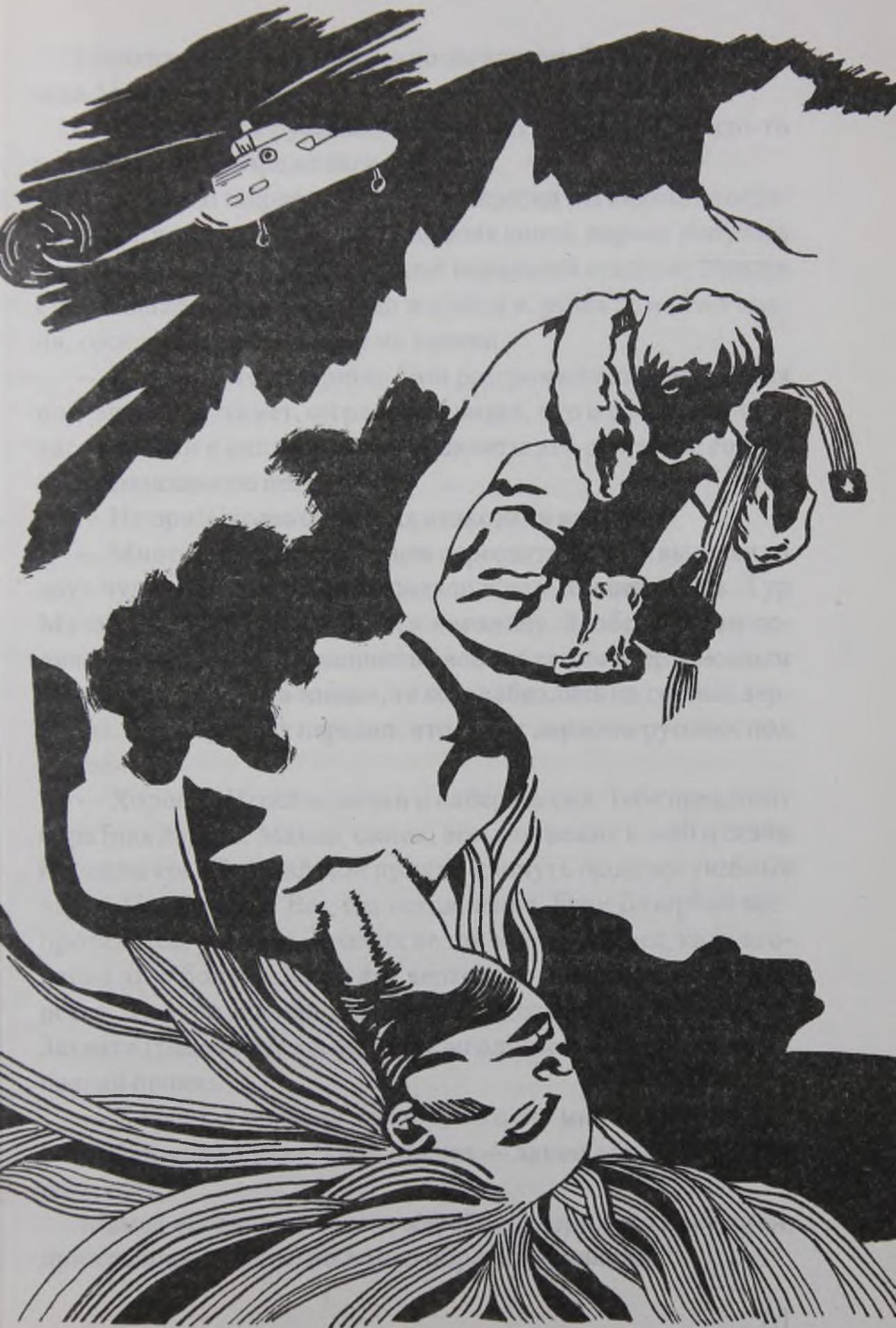
— Вот и почеси... Там, в ущелье... Иди отдыхай. Все, товарищи офицеры, действуем, как договорились. Торопите броню. К рассвету они должны быть на месте.

Усман Алиханов подгонял коня. Чем ближе к границе, тем скорее хотелось пересечь незримую полосу, отделяющую чужую страну от долгожданной Родины.

“Нет, еще не все потеряно, — пела в душе радостная струнка. — Я жив и вновь сижу на коне. Я чувствую силу в руках, и разум мой светел и чист. Я проведу караван к Ахмат-хану, брошу клич на родной земле. В мои отряды вольются новые люди и я смогу покарать неверных.

Мои конники примчатся в Кабул, схватят блюдолиза Кармаля и повесят в центре города, на священной площади. Главой правительства я поставлю Ахмат-хана, который примет мои идеи и установит царство справедливости и счастья. Мы раскрепостим людей и установим на всей многострадальной земле Афганистана всеобщее братство. Мне приведут моего сына с веревкой на шее. Я посажу его в тюрьму и заставлю жестоко раскаяться в содеянном. Пусть сам увидит, что отец его был прав и народ наконец-то освободился от власти государственных узурпаторов, полиции, чиновников и бюрократов. Я стану пророком Магомета на земле, и люди возвеличат мое имя в веках. Вперед, старый Усман, только вперед!”

Конь неожиданно заржал и встал, как вкопанный. Тревожно задрал морду и странно фыркнул. Высоко в горах загремел гром. Вспыхнули и погасли далекие вспышки огненных стрел. Где-то гулко ухнуло, как при землетрясении.

Телохранители встревоженно загалдели. Вновь вперед выехал Мамед Керимов.

— Хозяин! Это русские. Они громят караван. Нас кто-то предал! Надо возвращаться в кишлак.

Усман дико закричал и, ударив жеребца нагайкой, не оглянувшись, понесся к ущелью. Подгоняя коней, охрана ринулась следом. Почти на входе в ущелье показался всадник. Увидев стену лошадей, он придержал жеребца и, узнав старого Усмана, соскочил с седла и упал на колени.

— Хозяин! Это неверные. Они разгромили караван. Меня послал Тур Мухамет, он ранен. Я видел, что и с тыла обошли нас. Караван в капкане. Будь прокляты эти огненные гориллы, ползающие по небу!

— Не ори! Сколько русских атаковали вас?

— Много. Не хватит пальцев пересчитать. Они вылезли из двух чудищ и, как змеи, подползли к нам. Видит Аллах, Тур Мухамет не подпустил бы их к каравану. Злобствующие гориллы уничтожили большинство воинов своим смертоносным огнем. Кто остался в живых, те вскарабкались на горные вершины. Тур Мухамет передал, что будет держать русских под огнем.

— Хорошо. Испей водички и наберись сил. Тебе предстоит обратная дорога. Мамед, сынок, возьми свежих коней и скачи в спецлагерь. Передай мой приказ: двинуть сюда все учебные части. Понял меня? Все, без исключения. Если Базарбай воспротивится, убей его. Русских не так много, Мамед, как наговорил этот болтун. Всего два вертолета — полсотни не наберется. До утра мы или погибнем, или прорвемся на Родину. Захвати гранатомет, он может пригодиться. Я все сказал. Выполни приказ.

— Хозяин, я приведу воинов, чего бы мне это ни стоило. Базарбай мне не указ. Твой приказ — закон для всех. Береги себя, отец.

Мамед вскочил на своего жеребца, ударил его плеткой и, прижавшись к холке, поскакал обратно в кишлак.

Усман повернулся к принесшему горькую весть всаднику:
— Показывай дорогу, еще не все потеряно.

Из его души рвался крик отчаяния. Хотелось завывать во весь голос. Но он понимал, что надо сдержаться, не показать людям свою слабость. Он пришпорил жеребца, горестно думая про себя:

“О, Аллах, за что ты наказываешь меня? Неужели мечты не сбудутся и мои предчувствия верны? Русские овчарки перегородили дорогу на Родину. Зачем они здесь, что им нужно? Я стар и, видно, многого уже не понимаю. Меня, всю жизнь отдавшего делу освобождения моего народа, превратили в бродягу и бандита. Кто, кто в этом виноват? Русские? Значит, я должен бороться с ними. Но разве раньше они мешали мне? Наоборот, это мои люди рубили русских воинов в песках Туркестана. И не они, а Ибрагим-бек перебил моих всадников, погубил Лизу и ранил меня. Русские закрыли границу, помогают Кармалю утвердиться у власти. От этого кроме слез матерей и цинковых гробов ничего не имеют, не просят, не требуют. О, Аллах! Направь мои мысли на истину, дай понять перед смертью, где правда. Ясно одно: я должен вернуться на Родину живым или мертвым. А теперь надо решать, как вырваться из ада лжи и предательства. Это последний шанс в моей жизни. Итак, предательства быть не должно. Что пойдет караван, знали многие. Но это ущелье, тропу я выбирал сам. Точный маршрут я сообщил перед выходом одному Тур Мухамеду. О, горе мне, мой сын! Предатель! Он тайно перерисовал мою карту и теперь знает все, абсолютно все. Как же я забыл, не подумал, не догадался сменить маршрут? Он снова предал меня.

Но Ахмет не знал времени и дня выхода. Я решил в последнюю минуту. Я поторопил Тур Мухамеда. Не дождавшись темноты, дал приказ выступать. Я так торопился встретиться с Родиной, что не подумал об ищейках, искавших караван с оружием.

О, Аллах! Ты отвернул от меня свой лучезарный лик. Дикий случай помешал мне выполнить благие намерения. Только я сам виноват в случившемся. Но еще не все потеряно! Необходимо уничтожить русских, осмелившихся встать на моем пути.

Освободить караван, разбить его на мелкие части и затеряться в “зеленке”.

Он остановился. Развернул дряхлую, пожелтевшую от времени карту. Кто-то зажег факел и услужливо осветил ему. Над головой протарахтели вертолеты, помигали красными огоньками и ушли на север.

“Пошли заправляться, — подумал он. — Еще есть время. Итак, первый удар в лоб, на входе в ущелье. Пошлю всех оборванцев, которых набрал в Пакистане. Во главе поставлю эту свинью Базарбая. Позади пару пулеметов. Пусть знают: дороги назад нет. Если собьем заслон, чалмисты быстро разделяются с кучкой неверных и тогда наш путь свободен.

А если не удастся? Остается эта тропа. Потеряем много времени, но спасем хоть остатки каравана. Ее середину как раз оседлал Тур Мухамед”.

Он подозвал ожидавшего приказа проводника.

— Передай Тур Мухамеду или тому, кто остался за него... Мы ударим со входа в ущелье. Пусть они пошумят сверху. В случае удачи немедленно спускайтесь по тропе, ждать не будем. Если постигнет неудача, второй удар нанесем именно с этой тропы. Возьми с собой пару человек и разведайте хорошо дорогу. Одного верни ко мне с точным и самым близким маршрутом. Поспеш.

Бой кончился. Кругом чернели трупы убитых, раздавались стоны раненых. И своих, и чужих. Распрямив плечи, стерев пот с лица, лейтенант Кудрин осмотрел то, что осталось от каравана. Чудом уцелевшие ослы и верблюды сбились в кучу. Они прижимались друг к другу, испуганно косясь на чужаков.

Туши мертвых и раненых животных лежали вперемежку с убитыми душманами. Вид их был жуток и ужасен. Кудрин отвернулся. Боясь, как бы не стошнило, нагнулся и хотел погладить раненого верблюда. Тот резко дернулся, с трудом приподнял голову и харкнул прямо ему в лицо.

Кто-то толкнул его в бок, осторожно обнюхивая карманы. Кудрин нагнулся и увидел ластившуюся к нему обыкновен-

ную дворняжку. Собака настороженно вильнула хвостом, готовая молниеносно отскочить в темень. Олег осторожно погладил ее по прижатым ушам, провел ладонью по кончику холодного носа. Собака лизнула его пальцы и осторожно улеглась у его ног, жалобно повизгивая.

Кудрин пошарил в кармане, сожалеюще развел руками. Собака испугалась его движения и бросилась наутек. Олег внезапно, как там, в вертолете, ощутил жуткое одиночество. И все окружавшее его показалось нелепым, противоестественным, плохим фильмом.

А в это время в подмосковной деревушке бродили по улицам пыльные курицы. Вышагивали строем гордые гуси, крикали на речке хлопотуньи утки, вился над ульем пчелиный рой, мычала на пастбище корова Дуня, хрюкали в хлеву свиньи. Спозаранку вертелась у горячей плиты бабка Анисья, а вечером поставит сети в речке добрый дедушка Максим.

Только здесь, на войне, понял Олег деда Максима. Он и курицы не обидит, и злого слова соседу не скажет. Вечно бабка беззлобно ворчала: “Голову курице рубить мне, а навар тебе. А еще мужиком называешься”. Дед Максим, посмеиваясь, благодушно отвечал: “Повоюй, Анисья, и ты, а я свое отвоевал”. Погладит шершавой ладонью по голове внука и, вздохнув, добавит: “Эх, кабы и тебе не пришлось”.

Соберутся, бывало, безногие и безрукие ветераны за большим деревенским столом, поставят бутылочку “Московской” и давай вспоминать, как Сталинград защищали и Киев брали. Сидит Олежка, затаив дыхание, слушает. И почему-то все чаще захмелевшие старики, расходясь по домам, вздыхали, сетуя, что не все сбылось, о чем мечтали в окопах.

Кудрин тоскливо вздохнул, вспомнив о стариках и милой сердцу деревне. А теперь... Война продолжается. Он приподнял ствол автомата и выстрелил в раненого верблюда.

—Что случилось, командир? — подбежал встревоженный сержант Ефремов.

—Вот... Верблюда пристрелил. Из жалости, понимаешь?

—Понимаю, командир. Погибших ребят и раненых куда?

— Укройте под скалой, которая на отшибе. Что в ящиках— проверили?

— Уйма патронов, пулеметы, зенитные ракеты “Стингер” или “Блойпап” — в темноте не разберешь, винтовки М-16 и мины итальянские. Раненых “духов” шестеро, двое почти готовы.

— Так. Их тоже под скалу и перевязать, как следует. Где Садыков?

— Помяли его немного, через полчаса очухается. Двоих наших, командир, насмерть в рукопашной зарезали, Говорова и новичка Свежина. Пятеро ранены. Ничего, ребята держатся.

— Жаль Говорова и Свежина, да только завтра оплакивать будем. Сегодня еще придется поработать, чувствует мое сердце. Где афганцы?

— Ахмет пленного допрашивает. Говорит, караван будто тот самый. На ловца и зверь бежит. Командир, мы до утра останемся здесь?

— Слушай, Ефремов. Поставь по пулемету на вход и выход из ущелья, в сторону границы усиль гранатометом. Всем окапываться. Под укрытия применяйте туши животных, ящики, камни. Все, что можно. Надо остаться, Ефремов, надо. Зверь уж очень крупный попался, не выпускать же хищника.

— Я так же думаю, командир, и ребята гутарят об этом. Не бросать же столько оружия. До утра продержимся, да и струхнули они, не сунутся.

— Не говори гоп, пока не перепрыгнул, сержант. Оружие просто так хозяева не позволят бросить. Готовьтесь к бою. А я на рацию. И про животных не забудь... Зачем им мучиться.

Сержант Ефремов выполнил все указания лейтенанта. Вход и выход из ущелья перекрыл пулеметами. В каменистом грунте вырыли щель и установили гранатомет. Под козырьком скалы расположился импровизированный госпиталь, где властвовал военфельдшер Матвеев. Рядышком примостился и радист Миша Ларин, обложившись со всех сторон ящиками, набитыми камнями. Помнил свою оплошность и наказ летчиков: от радиации не отходить ни на шаг. Десантники перетаскивали десятки

ящичков на вход в ущелье, не побрезговали и трупами животных. За пулемет залег сам сержант Садыков, вторым номером примостился неунывающий Кацо.

— Рустамчик, как твое горлышко? Надо сладким смазать, заживет скорей.

— Сойдет и так. Где тут сладкого возьмешь, в горах-то?

— Момент, брат. Имей сто рублей и тысячу друзей.— Грузин пошарил в своих необъятных карманах, спрятанных под складками маскхалата и извлек пару конфет. Протянул сержанту: — На, вылечивай гортань.

— Ух ты. Где взял? — удивился довольный вниманием друга Садыков. — С тобой и на том свете не пропадешь, Кацо. Бьюсь об заклад, что у тебя целый кулек припрятан. Поделись с ребятами.

— Им горло не давили. До утра далеко, сами съедим.

— Жадюга ты тбилисская.

— Зачем опять ругаешься? Ешь, пока я дала.

— Ладно, давай вместе.

— Вот это друг и называется. Тебе пополам и мне пополам.

— Ну да, как в песне: тебе половина и мне половина.

Посасывая конфеты, они продолжили неторопливую болтовню, внимательно вглядываясь в кромешную тьму.

За тушей верблюда, выкопав небольшой окопчик, залегли два ленинградца— Дектярев и Неделин. Дектярев перевернулся на спину и, не вынимая изо рта потухшую сигарету, смотрел на звезды.

— Венера... Звезда любви. Я первый раз влюбился в девочку из параллельного класса. Как сейчас помню — мы ездили на экскурсию в Пушкино. Как-то так получилось, мы отстали от основной группы и задержались около памятника Александру Сергеевичу. Она мне говорит: “Послушай, как звучит”. И прочитала: “Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты”. Знаешь, рядом с великим поэтом его стихи воспринимались совсем по-другому, чем на уроке литературы. И сам он, каменный, неодушевленный, становился родным и близким. Вот и явилась в тот миг передо мной Оксана. Через год ей признался в любви.

— А чем ваша любовь кончилась? — после минутного молчания спросил Неделин.

— А у нас и не кончилась. Шестнадцать стукнуло — я на завод. Оксана тоже работать пошла. В семнадцать мы поженились.

— Рано ты, Витек, хомут на шею повесил. И дети есть?

— При чем здесь хомут, если по любви. И дети есть, двое короедов. Моя Оксана говорит, что не остановимся на этом. Любит она детей.

— Ну ты даешь, Витька. Здесь героя не заработаешь, так там получишь.

— Ты не смейся, Дон-Жуан с Невского проспекта. Как хочешь, а я своей Оксанке верю. Хорошая женщина — это дом добрых советов и необходимых ответов. И нам, мужикам, без них не обойтись.

— Если честно, Витек, я вам завидую. И хорохорюсь я так. Не встретил я такую, как твоя Оксана.

— Правильно, Серега. Держи краба. Ищи свою единственную и неповторимую. А после дембеля заходи в гости, будешь третьего короеда крестить.

Лейтенант, перескакивая через туши животных и невольно вздрагивая от беспорядочных выстрелов, оседлавших горные вершины и спрятавшихся в расщелинах недобитых душманов, обходил линию обороны, на ходу объясняя сержанту Ефремову свой замысел:

— Они полезут только на входе в ущелье. Время их поджигает. Чтобы ударить с севера, надо минимум три часа на преодоление горной гряды и выхода нам в тыл. Могут послать небольшую группу. На всякий случай, пошли двух ленинградцев с пулеметом. Чем черт не шутит. Сам останешься у этой тропки, будь она неладна. И прикажи ребятам прекратить ответную пальбу, толку нет — только шумиха одна. Может, успокоятся и эти охламоны. Я буду находиться в нише радиста, послушаю, что пленный скажет.

— Хорошо, командир. Я здесь поставлю третий пулемет. Если они прорвутся на входе через Садыкова, то мне недолго

повернуть ствол в их сторону и ударить отсюда, прикрыв таким образом госпиталь.

— Правильно. Командным пунктом будет та скала, где расположились Матвеев и Миша Ларин. Повнимательнее, сержант.

Кудрин чертыхнулся, запнувшись о что-то мягкое, завизжавшее под ногами. С удивлением узнал ту собачонку. Задрал лапы кверху, она как бы сдавалась в плен человеку, дрожа всем телом.

“Не можешь жить без человека, — подумал Кудрин, взяв осторожно ее на руки и прижав к груди. — Ну ладно, пошли, землячка твоего проведедем. Пить, наверное, хочешь и поесть бы не против?”

Ахмет, увидев лейтенанта с собачкой в руках, рассмеялся:

— Где взял такого “волкодава”?

— Тоже из охраны... В плен сдался. Матвеев, дай ему напиться и пожевать. Что, Ахмет, пленный говорит?

— Зовут его Махмуд, лет семнадцать, сам точно не знает. Говорит, их много было у родителей, отец со счета сбился. Родился в кишлаке около Матерлама. Мальчишкой забрали в банду и увели за кордон. Там поднатаскали. Это его третья ходка через границу. Ты видел сам, когда брали в плен, кусался, как звереныш. Сейчас немного обмяк. Не беспокойся, я его быстро обработаю.

Ахмет скороговоркой спросил о чем-то пленного. Тот исподлобья взглянул на лейтенанта и буркнул в ответ. Они заговорили на своем языке.

Собачонка вылакала чашку воды и спряталась в ногах сидящего на корточках пленного.

— Он говорит, что не верит русским. Какой-то Базарбай сказал, что пленным мы вспарываем животы, достаем потроха, набиваем кишки мясом, потом жарим их на костре и съедаем. Из головы и костей делаем холодец и кормим своих ханум. Я ему вправил мозги. Слушает внимательно, видно, не совсем свихнулся и пожить еще хочет. Говорит, устал питаться объедками со стола хозяина, но очень боится гнева Базарбая и его подручных. На днях тот безжалостно расправился с афганца-

ми, которые сбежали из лагеря и были пойманы близ перевала. Всех повесили в центре лагеря, предварительно испоганив их мужское достоинство. Махмуд сам напросился с караваном. Вдвоем с земляком, кстати, собачка эта его, хотели незаметно скрыться и вернуться домой. По его словам, караван вышел на пару часов раньше запланированного. Причину не знает. Впереди шла разведка, уничтоженная вертолетами. Никто не подумал, что их атакуют на ночь глядя, да еще вблизи границы. Махмуд благодарит Аллаха за свое спасение. На полпути караван должна встретить охрана Ахмат-хана. Случайно он слышал, где должна состояться встреча.

Кудрин достал из планшета карту, подготовленную майором Быстровым, и протянул ее Ахмету, который спросил о чем-то пленного.

Увидев голубое пятно озера, Махмуд ткнул грязным пальцем в название кишлака, притулившегося с восточной стороны перевала и перечеркнутого на карте жирным крестом, удивленно взглянул на Ахмета.

—Все точно, лейтенант! Мы сработали неплохо. Можете передать майору Быстрову, пусть встречает моего тезку на перевале.

—Передам... Спроси, какой была охрана каравана, кто старший.

Ахмет вдруг нахмурился и, не глядя на Кудрина, ответил:

—Я спрашивал. Охрана 120 человек. Старший каравана Усман Алиханов. В настоящее время в лагерях и учебных центрах находится около тысячи боевиков, имеется ударный батальон чалмистов.

—Что за чалмисты?

—Это мой отец так называет 0 отборных головорезов, элиту отряда.

—А какое отношение имеет твой отец к этому воинству?

—Видишь ли, в чем дело, лейтенант. Мне говорить об этом не следует, но раз так получилось. Усман Алиханов — мой отец.

Кудрин разинул рот от удивления.

—Не беспокойтесь, лейтенант. Меня проверяли кому сле-

дует. И майор Быстров знает. Я сам удивился, когда узнал об этом. Обычно отец отправлял караваны к Ахмет-хану, но чтобы сам пошел... Подозреваю, что он решил вернуться на Родину, ему восемьдесят. Хочет умереть по-человечески. Пленный говорит, что здесь есть звериная тропа в ущелье. Она помечена на карте моего отца. Я знаю эту тропу, надо перекрыть и ее, лейтенант.

Кудрин автоматически мотнул головой.

— Ахмет, извини, я просто опешил от такой новости.

— Я тоже, когда узнал, что отец ведет этот караван. Мой отец — фанатик-анархист. С двадцатого года носится с идеями Кропоткина. Раз отец отправился с караваном, он от своего не отступит и нам надо готовиться к тяжелому бою.

Михаил Ларин откинул антенну, подключил питание, включил тумблер и протянул наушники Кудрину.

— Три тройки! Вас вызывает Волга. Прием, — несколько раз повторил в эфир лейтенант и замолчал в ожидании ответа.

— Волга, я — 333-й. На подходе, — откликнулся Садков. — Как обстановка? Что нового?

— Все нормально. Ждем гостей. Недобитые постреливают. Передай на командный пункт, пусть высылают группу захвата в квадрат сорок, по улитке шестерка. Пленный подтвердил данные разведки. Встреча намечена именно там.

— Понял. Я тебе горячего чайку привез, три резиновых баллона. И гостинцев, которые ты просил. Сориентируй ракетами место выброски.

— Спасибо, Володя. Гостинцы пригодятся.

В воздух взлетели ракеты, вырвав из темноты зловещие контуры ущелья. Снова серия ракет и оглушительное гудение одиночного вертолета над головой.

— Командир! Садков просит отойти. Темнота, как в преисподней, боится обжечь кого-нибудь, — крикнул Кудрину радист.

Лейтенант кивнул и застыл, как вкопанный. На входе в ущелье, именно там, где ожидал Кудрин, застрочил пулемет, раздались автоматные очереди, грозно рявкнул гранатомет.

Мельком заметил, как Матвеев с кем-то из десантников подбирает сброшенные с вертолета боеприпасы.

— Миша! Доложи летунам, что началось. Пусть будут готовы к удару по входу в ущелье. Разберусь в обстановке — пришлю наводчика, — крикнул он радисту, выскакивая из укрытия.

— Командир! Баллоны с водой лопнули, — подвернулся под руку Матвеев. — Без чая остались.

— Черт с ними, не до чая. Оставшуюся воду как зеницу ока береги. Крылов! Со мной, бегом марш...

Чертыхаясь и запинаясь о камни, припустили к входу в ущелье. С разбегу чуть не перепрыгнули через ящики, вовремя услышав приглушенный голос Садыкова:

— Командир, сюда!

Сержант бил из пулемета короткими очередями в ночную мглу. Кто-то кинул гранату, толкнув лейтенанта на землю.

— Докладывай, сержант, — крикнул Кудрин, больно стукнувшись коленкой о камень, выматерился, скидывая с плеча автомат.

— “Духи” пытались просочиться, командир. Да Кацо заметил. У него глаза кошачьи, ночью видит.

— Подошли, сволочи! Торопятся сбить с ходу. Посмотрим, чья возьмет, — со злорадством ответил лейтенант, поворачиваясь к примостившемуся рядом грузину. — Кацо! Дуй на рацию. Передай летунам: пусть осветят вход в ущелье. Сигналы дадим ракетами. И метров двести от ракет нужно обработать эрэсами. Все понял? Садыков, ты как? Очухался?

— Норма, командир. Повоюем еще.

— Тогда быстро к гранатомету, стрелять на дальнюю позицию, в глубину ущелья. Создать панику и страх перед атакой. Остальное сделают летуны. Крылов, замени сержанта. Стрелять только по моей команде.

Вертолеты зашли на бомбометание. В небе появились светлячки, которые, падая на землю, разгорались, выхватывая из темноты что-то черное и жуткое, заполнившее ущелье. Бомбы, упав на землю, какое-то время продолжали гореть, тускнели и гасли. Горловина ущелья не давала “духам” рассредоточиться.

Они катились безмолвной массой костей, мяса и плоти, из которой невозможно было вырваться, спрятаться, притаиться. Передние ряды застопорили движение, подняв невообразимый гвалт, но задние надавили, и вся дико закричавшая толпа с воплем ринулась в атаку. Выстрелы гранатомета вырывали людей из обезумевшей толпы, но ряды смыкались, и новые смертники вступали в поединок со смертью.

Кудрин с ужасом смотрел на серую массу людей, заполонивших горловину ущелья. Он вскочил на ноги, передернул затвор автомата и, не спуская глаз с орущей толпы, протяжно крикнул: "Огонь". Крылов что-то пробормотал и, сжав тело, как пружину, ударил длинной очередью, прорезав широкую просеку в набегавшем людском потоке. Затем плавно повернул ствол и без суеты скосил всю первую шеренгу наступающих свинцовым шквалом. Толпа громко зарыдала, завизжала, захныкала, застонала, заорала жутким гулом. А из ущелья выкатилась новая волна, которая была намного грознее первого шквала наступающих.

Сплошной линией перегородила путь наступающих заградительная черта взрывов. Кто-то все же переступил ее, но тут же упал, скошенный очередью пулемета. Их нагнала третья волна и сходу смела.

Кудрин размахнулся и кинул гранату. Она упала под ноги толстому, в длиннополом халате, душману. Тот успел заметить ее, дико закричал и попытался остановиться, упасть, спрятаться, провалиться сквозь землю. Но сзади толкнули, и, падая, он продолжал кричать истошным срывающимся голосом. Его тело не успело коснуться земли и, подкинутое взрывной волной, отлетело назад в объятия новой жертвы. Огромный бородатый детина попытался бросить гранату, запнулся и вместе с ней упал в самую гущу мечущейся толпы. В горячке боя мало кто заметил, что погасли осветительные ракеты и снова нарастает шум вертолетных двигателей. Словно сварка, прорезали темень яркие вспышки. Земля вздрогнула от десятков снарядов, вонзившихся в ее чрево. Ракеты рвали все живое на своем пути, уничтожая остатки тройного вала наступающих. Разрывы чередовались, пропахивая каждый метр каменного

грунта. Невозможно было понять, как можно выдержать этот ад, не сойти с ума, остаться живым.

Десантники не стреляли. Они в оцепенении смотрели на вереницу разрывов, разносивших людей в клочья. Садыкова стошнило. Крылов икал, уткнувшись лицом в землю. Губы побледневшего лейтенанта Кудрина выдавили вслух: “Ну и мясорубка”.

Вертолеты прекратили атаку, и снова в небе повисли ракеты, осветившие страшное ущелье. Вокруг все стонало и корчилось в предсмертных судорогах. Оставшиеся в живых люди, оглушенные, подавленные, безразличные к жизни и смерти, не таясь, в полный рост брели в обратную сторону. Раненые стонали, тщетно звали на помощь. Кто-то предложил провести переговоры.

— Ахмет, узнай, что они хотят, — нарушил жуткое молчание лейтенант.

Афганец перекинулся несколькими словами с невидимым собеседником и, повернувшись к Кудрину, объяснил:

— Попросят подобрать раненых. Я ответил, что мы согласны. Думаю, вы не будете против?

— Наоборот. Спасибо, хоть догадались.

Всем своим видом показывая миролюбие, подняв высоко над головой горящие факелы, душманы медленно двигались по ущелью. Обогнав их, с двумя факелами в руках на пригорок поднялся мулла и стал читать молитву.

Кудрин неожиданно для самого себя вскочил на ноги, встал на снарядный ящик и замер в неподвижности. Враги заметили его, одобрительно загалдели. Так он и стоял у всех на виду, иногда сталкиваясь взглядом с грустными глазами мุลлы. Лейтенанта толкнули в бок, и четыре руки решительно стащили с ящика.

— В чем дело, сержант?

— Не надо, командир, так стоять. Чем черт не шутит, стреляют.

Он сам понимал, что задержался на пьедестале и стал хорошей мишенью для их снайпера.

Лейтенант повернулся и молча зашагал в глубину своих позиций. Садыков и Ахмет молчком шли рядом.

“Итак, в ущелье все кончено. Будем думать, Олег Константиныч, как жить дальше, — подумал Кудрин, остановившись около медпункта. — Теперь вход в ущелье закрыт накрепко. Выход тоже перекрыт, и не сунутся они с севера. Перед рассветом попасть в мешок и быть расстрелянным вертушками мало кто захочет. Остается звериная тропа. Навязалась она на мою голову, будь неладна. Здесь не прорвались — там обязательно полезут. Пожалуй, самое уязвимое место. И вертолеты мало помогут. В такой темноте точности не будет, да и узковата она. Надо перебираться к тропе”.

Он остановился и положил руку на плечо Садыкова:

— Рустам, останешься здесь за старшего. Я с Ахметом на тропу. Чаше освещай местность и наводи вертолеты, радиста оставим тебе.

— Будь спок, командир, как говорит товарищ Кацо. “Духи” получили свое, даже сверх меры. Надо будет — добавим еще. Скоро утро, там подмога придет. Все будет в ажуре.

Усман Алиханов не слезал с коня, готовый в любую минуту немедленно пустить своего аргамака обратно в лагерь творить суд и расправу. Наконец появилась конница во главе с Мамедом Керимовым. Позади — пеший отряд новобранцев и отдельный батальон чалмистов.

— Хозяин, — отрапортовал запыленный с ног до головы Мамед Керимов. — Ваш приказ выполнен, люди прибыли. Базарбая пришлось связать и доставить к вам.

— Что сделал этот сын шакала?

— Он приказал закрыть ворота и не пускать нас в лагерь. Заявил, что ваша власть, аксакал, кончилась и теперь он главный в лагере. Пригрозил, что откроет огонь из сторожевых пулеметов, если мы не уберемся вслед за вами. Я хотел брать ворота штурмом, но тут подъехали на автомобиле советники. Узнав, в чем дело, вправили Базарбаю мозги, выделили грузовики и передали вам, аксакал, пожелание удачи. Из-за этой гиены мы потеряли минут пятнадцать времени. Вот он, перед вами, — скинул Мамед с крупа лошади обвязанного веревками человека.

— Развяжите его, — распорядился Алиханов. Когда Базарбай встал на ноги, добавил: — Говори, как выполняешь мои указания?

Толстяк расплылся в лстивой улыбке, упал на колени, чмокнул полу халата старика и елейным голосом заговорил:

— Усман-хан, да продлит твои годы Аллах, дай сказать слово твоему верному слуге, который может попасть в немилость твою из-за грязных слов возомнившего о себе Мамеда Керимова.

— Довольно, лиса, чесать языком! Объясни, шакал, почему не пускал моих людей в лагерь? Да поскорей оправдывайся, иначе без покаяния помрешь.

— Я подумал, что они бросили тебя. Разве можно напугать настоящих воинов двумя стальными трубками?

— Значит, две стальные трубки для тебя чепуха, Базарбай? Хорошо. Ты возглавишь наступление на неверных. Подожди благодарить. Даю тебе всех людей, кроме батальона чалмистов и моего отряда. Атаку провести тремя волнами. Думаю, воинов у тебя предостаточно. А позади вас я поставлю два пулемета и за одним будет лежать Мамед Керимов. Он лучший стрелок в лагере, об этом ты хорошо знаешь. Тебе, Мамед, приказываю: если вдруг Базарбай не справится с поставленной задачей, открыть огонь на уничтожение трусов. Понял, Базарбай? Горе тебе, если ты проиграешь...

Алиханов слез с коня и, подняв руку, установил мертвую тишину.

— Земляки. Я буду жесток сегодня с вами. Так поступать велит необходимость и наш всемогущий Аллах. Дорогу на Родину нам преградила шайка неверных, высадившихся из стальных птиц. Необходимо смять их заслон, уничтожить иноверцев и освободить караван. Обратной дороги нет, дети мои. Трусы будут расстреляны огнем пулеметов моих телохранителей. Ваш командир — сотник Базарбай, он и поведет вас в бой. Спешите, пока не вернулись стальные птицы. Да хранит вас Аллах.—

Он встал на колени, и вслед за ним рухнули сотни людей. Слова молитвы слились в монотонный гул, из которого выделялся красивый баритон воинственного муллы.

Алиханов вскочил на ноги и обратился к Мамеду Керимову, но так, чтобы слышали стоявшие рядом воины:

— Поставь пулеметы и положи за них метких стрелков. Открывать огонь по трусам без команды, — затем повернулся к поникшему Базарбаю и отрывисто бросил: — Это тебе не в лагере дурака валять.

Окруженный телохранителями с горящими факелами в руках, он стоял, обняв за холку своего коня, и жестко смотрел вслед уходящим в темноту отрядам. Подозвал командира чалмистов, молодого, с решительными чертами лица сотника, развернул потрепанную карту.

— Рафис, отбери пяток удалых бойцов и направь их через перевал в тыл русским. К рассвету они должны быть там. Они ударят в спину, мы вырвем караван из рук неверных. Помни, необходимо успеть до первых лучей солнца, иначе к ним подойдет подкрепление и стальные птицы уничтожат нас. Все, выполняй.

Из ущелья донеслись выстрелы, ударил пулемет, бухнули разрывы гранат. Донеслись истошные крики наступающих, и старик замер в ожидании.

Впереди творилась дикая и ужасная бойня. Шеренги шли во весь рост и падали, скошенные очередями пулеметов и автоматов десантников.

Бесполезно Базарбай носился позади наступающих цепей, хлестал плеткой малодушных воинов, паля из револьвера по убегающим.

Предупредительно твякнули тяжелые пулеметы, и рой пуль прижал бежавших к земле. Мамед выскочил из-за пулемета и заорал во все горло:

— Вперед! Вперед! Все вперед!

Толпа ахнула в общем стоне. Поднять кого-либо в атаку было уже невозможно.

Чуда, на которое надеялся Усман-хан, не случилось. В небе появились вертолеты. Усман прыгнул в седло и поскакал туда, где рвались бомбы и умирали его земляки. Мамед схватил жеребца Алиханова за узду, остановил его. Разгневанный Усман ударил плеткой своего верного телохранителя, хлестнул и коня.

Охранники замкнули вокруг кольцо и оттеснили Усмана в глубь ущелья.

Вертолеты повесили осветительные ракеты. Десантники не стреляли, давая возможность оставшимся в живых выбраться из кровавой мясорубки.

Усман проглотил слюну, старчески прокашлялся и, указывая плеткой на ущелье, промолвил:

— Зажгите факелы, договоритесь о перемирии. Надо подобрать раненых и погибших. Уберите пулеметы, страх здесь бессилен что-либо изменить. А ты, Мамед, приведи этого труса... держать ответ.

Телохранители подтащили упирающегося, смертельно бледного Базарбая. Алиханов с оттяжкой ударил плеткой по его трясущейся физиономии и, глядя прямо в глаза, сказал:

— Ты умрешь, собака, лютой смертью. Это ты, завистливая харя, виноват в гибели людей и в моем проигрыше. Ты протянул время там, в лагере, и дал возможность вернуться вертолетам. У русских не хватило бы патронов отбиться. Воины растоптали бы, смяли кучку неверных и спасли караван. Будь проклят ты, Базарбай, и пусть не будет тебе покоя на том свете. Керимов, посадите его на кол, пусть помрет лютой смертью.

— Не надо, Усман-ага, не надо, — завопил толстяк, валяясь в ногах Алиханова. Старик отвернул голову, напряженно сжимая кобуру маузера. Охранники схватили Базарбая, связали его руки поясом, заткнули рот куском размотанной чалмы и, вытаскивая ножи, подтащили к отвесной скале. Прозвучал сухой выстрел маузера. Колени Базарбая подкосились и, хватая живительный воздух беззубым ртом, он замер на руках телохранителей. Те отпрянули от него, как от прокаженного, бросив дергающееся тело в пыль. Старик сунул дымящийся маузер в кобуру, взял за узду жеребца:

— Здесь нам делать больше нечего. Вертолеты уничтожат нас всех, прежде чем мы подойдем к русским. Оставим несколько человек с гранатометом, пусть исправно обстреливают их позиции. Вы, — он повернулся к командиру батальона чалмистов, — двигайтесь за проводником. Торопитесь, если не успеете до утра — вертолеты уничтожат вас.

— Понял. Усман-ага, а вы?

— Мы будем ждать вашей атаки. Они оставят здесь лишь прикрытие, и я со своими телохранителями сомну их в момент вашей атаки. Надеюсь встретить вас живыми на трупах наших врагов. Аминь...

Он повернул коня и, тронув за плечо Керимова, прошептал:

— Здесь пахнет мертвечиной, Мамед. Отойдем назад.

— Смотрите, хозяин! --- воскликнул верный джигит, указывая плеткой вдаль. На позиции русских в свете факелов застыла фигура одинокого человека.

— Командир! Я сниму его одним выстрелом, — оживленно проговорил Керимов, скидывая с плеча автомат. Но удар плеткой охладил его пыл:

— Мамед, моя плетка не всегда бьет без пользы. Разве ты не видишь, что это их командир-смельчак? Это сердобольный человек, и я уважаю его за смелость и доброту. По всему видно, что он молод, как и ты, не чета трусу Базарбаю, который только и умел прятаться за чужие спины. Надо уважать смелого врага. Распорядись открыть огонь из гранатомета сразу же, как уберут раненых. Не трогай русского, Мамед. Меня найдешь в той лощине, где поили коней. За мной, джигиты.

Глава 4

В небе гудели вертолеты. На горной вершине вспыхнул огонек костра.

— Обогреваются, гады, — подумал лейтенант Кудрин, перескакивая через тушу верблюда и направляясь в нишу радиста. — Ну давай, давай, — разозлился он. --- Мало вас учили уму-разуму, поучим еще.

Он приказал Ларину связаться с вертолетчиками и с нетерпением схватил наушники:

— Три тройки! Волга с вами говорит! Наглецы чаевничать вздумали, взгрейте их как следует.

--- Видим, Олег, --- назвал его по имени Садков. — 261-й на подходе. Пусть заварку бросят, а сахарком мы угостим.

Кудрин успокоился и, захватив с собой радиста, направился на середину участка обороны.

— Ищи, Миша, укрытие и располагайся. Теперь твое место здесь.

— Понял, командир, — весело отозвался Ларин. — Мы сварганим укрытие.

У подножия тропы расположились десантники во главе с сержантом Ефремовым. Ковырялись в земле, окапывались.

— Тихо у вас? — спросил Кудрин сержанта.

— Тихо, командир. Только позиция мне не нравится, закидают гранатами.

Лейтенант понимал, что местность для обороны выбрана неудачно. Тропа круто уходила вверх, и душманы непременно воспользуются преимуществом высоты. На рассвете снайперы будут стрелять сверху вниз. Отойти к северной стороне ущелья и отдать южную без боя? Но в такой темноте “духи” подползут, как змеи, и задавят количеством. Повесить осветительные? Нас тоже, как на ладони, видно будет. Навести вертолеты на ущелье? Сами пострадаем от осколков. Отойти под козырек скалы? Закидают гранатами. Где же выход?

— Командир! А что, если мы заминировем тропу, — слышался голос сержанта. — Как горохом посыплем мины по всему склону. Тогда им придется атаковать только с этого плато. Мы отойдем на северную сторону и сосредоточим огонь на этом пятачке. В трудную минуту отойдем к медпункту, а сюда наведем вертолеты.

— Ты думаешь, успеем заминировать?

— А я проявил инициативу, тропу мы уже заминировали, осталось здесь. Мины немного прикроем и рассеем по краю ущелья. Не будут же “духи” со спичками искать их. Пока поймут, в чем дело, глядишь, и рассвет. А утром им крышка.

— Крышка, говоришь... Хорошо. Возьми всех свободных и минируй. А мы отходим на северную сторону.

Лейтенант совсем забыл о разозлившем его костре. И внезапный залповый выстрел, разорвавший тревожную тишину, заставил его вздрогнуть и оглянуться. Костра как будто и не бывало. Для верности вертолетчики дали повторный залп.

— Вот и чайку попили, — усмехнулся он, — да еще с сахаром...

Кудрин никогда не узнает, что прибывшие вскоре чалмисты обнаружили десяток обгоревших, разбросанных трупов и чуть в стороне бездыханное тело Тур Мухамеда. В живых от охраны каравана остался один лишь посланный Тур Мухамедом гонец, который вскоре, подорвавшись на mine, вознесется на небеса вслед за товарищами.

Лейтенант удовлетворенно колупнул грунт саперной лопаткой и вдруг неожиданно услышал свист, и метрах в двадцати от него раздался взрыв. Ничего не поняв, он упал на землю и задрал голову. Второй взрыв, подкинувший труп верблюда, рассеял сомнения.

— Этого еще не хватало, гранатомет подтащили, — выругался он. Поискал глазами кого-нибудь. Темнота, словно все вымерли.

— Есть кто живой? — крикнул он.

— Я живой, — появилась неунывающая физиономия Самошвили.

— Кацо! Быстро к Садыкову. Пусть организует уничтожение гранатомета. В лепешку расшибитесь, но заткните ему глотку. Иначе не дотянем до рассвета, накроют минами.

Самошвили, вспомнив про устав, лихо вскинул руку к головному убору, но, услышав свист мины, тут же распластался на животе.

Когда Олег поднял голову, грузина уже не было. Самошвили подбежал к сержанту Садыкову и выпалил:

— Командир приказал уничтожить пушку. Скорее! Тянуть надо до утра.

Садыков, несмотря на серьезность положения, улыбнулся:

— Пушку, говоришь? Хорошо. Попробуем. Пойдешь со мной?

— Айда, Рустам, и в огонь, и в воду.

— Про медные трубы не забудь, — пошутили рядом.

Сержант молниеносно составил план. Решил под видом отходящих “духов” подползти к гранатомету и уничтожить его. А дальше как получится.

Они сняли с себя маскхалаты, напялили замызганные, воняющие дымом и потом халаты. Кое-как обмотали головы длинными кусками материи. Садыков осмотрел с ног до головы грузина и, повернувшись к ефрейтору Лунину, с усмешкой сказал:

— Вылитый Ахмат-хан. Душман Самошвили, вы готовы?

— Так точно, хозяин. Молиться будем?

— После помолимся, Кацо... Когда вернемся. Стреляют, сволочи.

Над головой пролетела очередная граната и разорвалась в глубине ущелья, беспорядочно разбрасывая смертоносные осколки.

Уничтожить гранатомет было чрезвычайно трудно, но необходимо. Поэтому сержант торопился.

— Лунин, остаешься за меня. Передай вертолетчикам, что пойдем по западной стороне ущелья. Понадобится помощь — дам знать ракетами, пусть бьют по восточной. Ну, Кацо, Аллах с нами.

Он перескочил через линию обороны и сразу ощутил жуткое одиночество. Невольно оглянулся на товарищей, как бы прощаясь с ними. Позади запыхтел Самошвили, и они поползли, натываясь на валуны и безмолвные трупы людей. Случайно Садыков прикоснулся к липкому холодному лицу и резко отдернул руку. Захотелось вымыть ее, так омерзительна была встреча со смертью. Трупов попадалось все меньше, и Садыков понял, что они вышли из зоны вертолетной атаки. Проползли еще метров двести и неожиданно услышали приглушенные голоса.

Минут пять лежали, прислушиваясь. Поняли — боевое охранение. Должно быть, двое. Хриплый голос о чем-то рассказывал напарнику, который время от времени нервно затягивался сигаретой. “Влепить бы пулю по огоньку, — подумал Садыков. — Нельзя, шум подымет, надо снять осторожно, тихо”.

— Кацо, — прошептал он, — ложись ко мне на спину, стони, как можно сильнее и приготовь нож. Приблизимся вплотную — бей левого, а я правого. Если больше двоих, придется пошуметь. Может, обойдется.

Грузин обхватил сержанта за шею, взгромоздился на него, зажав нож в зубах, и застонал. Садыков привстал на колени, затем выпрямился во весь рост и сделал первый шаг. Под ногами предательски зашуршали голыши. Голоса смолкли, шелкнули затворы автоматов. Хриплый голос о чем-то спросил и, не дождавсь ответа, тревожно крикнул. Садыков ущипнул Самошвили за ноги, который удручающе застонал в ответ. Шаг за шагом они приблизились к охранению. “Духи”, прошедшие огненный ад воздушной и рукопашной мясорубки, сочувственно переговаривались и тревоги не поднимали. Да и не первыми были эти бедолаги, полуживыми возвращавшиеся из неудачной атаки. Сержант осторожно снял со спины стонавшего Самошвили. Будто в изнеможении прислонился к скале, вытащив из кармана нож. Его снова окликнули. Он промычал что-то в ответ. Из темноты выступили двое. Один подошел к грузину, держа в левой руке автомат. Склонился над ним, пытаясь выяснить, куда он ранен. Второй похлопал по плечу Садыкова и ободряюще затараторил на своем языке. Так и не вытащив нож, сержант опрокинул его на землю. Пнул носком сапога в висок. Оглянулся и увидел резкий выпад правой руки грузина в сторону нагнувшегося “духа”. Тот упал на Самошвили, который вторым ударом прикончил его.

Вдвоем они быстро связали руки и ноги, заткнули рот не пришедшему в сознание крестнику Садыкова. Не таясь, побежали по ущелью.

За поворотом тропы показался слабый огонек. Они остановились и замерли в ночной темноте. Костер горел в небольшой пещерке. Полукругом сидели несколько человек. Лица их были сумрачны и хмуры. Скупно перекидывались фразами, потрясенные пережитым недавно испытанием. Держали в руках кто кружку, кто консервную банку, отхлебывая из них горячий чай. Оружие лежало в стороне, забытое и никому не нужное. В отблесках пламени огня мерцал гранатомет, расположенный на открытой местности.

Садыков рукой указал грузину на костер, ткнул пальцем себя в грудь и указал на гранатомет. Кацо закивал головой и прошептал:

--- Понял, Рустам.

Около гранатомета суетились двое молодых веселых душманов, третий угрюмо наблюдал за ними. После каждого выстрела они удовлетворенно хмыкали и готовились к новому выстрелу. Эти двое, вероятно, не участвовали в рукопашной схватке. Совсем молодые парни радовались жизни, надеясь, что беда обошла их стороной. Угрюмый поторапливал их. Еще не очухавшись от страшного боя, он был зол на весь мир и торопился отомстить русским, которые захватили караван, защищаются, а не спасаются бегством, как сделал недавно он. Угрюмый первым заметил выступившего из темноты Садыкова, растерянно заморгал глазами, поперхнулся, произнеся протяжное “а-а-а”. Двое весельчаков удивленно взглянули на него. Один украдкой повертел пальцем у виска и, сдерживая смех, подал гранату товарищу.

Садыков выпрямился во весь рост. Чалма на его голове разматалась, и конец ее свесился на землю. Халат он скинул, и в своем “хэбэ” почувствовал себя уверенней. Не торопясь, размахнулся и одну за другой швырнул две гранаты, спрятавшись за выступ скалы. Первая ударила в грудь оцепеневшего от страха угрюмого, отскочила к ногам и взорвалась, отбросив его тело на ствол гранатомета. Вторая граната упала между весельчаками, изрешетив их осколками. Сержант выскочил из укрытия, оттолкнул труп угрюмого и сунул гранату в ствол гранатомета. Раздался глухой взрыв.

Самошвили не стал долго раздумывать. Все его гранаты полетели в середину костра, разметав людей в разные стороны. Для верности пустил веером длинную очередь из автомата. Приподнялся с земли и приблизился к трупам. Машинально ковырнул носком сапога тлеющие головешки костра. Обошел всех семерых убитых, которые в разных позах застыли на камнях. Посмотрел первому в лицо и отшатнулся. На безусом молодом лице застыла вечная добрая улыбка. Глаза смотрели на грузина, как бы пытаясь рассказать ему веселую историю. Кацо подумал, что он жив. Взял теплую ладонь, пощупал пульс. Пульса не было.

Смерть душмана потрясла его. Молодой парень, не старше его. И почему он так хорошо улыбался, сидя у костра? Само-

швили захотелось вернуться обратно, еще раз посмотреть на доброе веселое лицо парня и, может быть, спасти его. Но вспомнив о красных пятнах на груди душмана, он отбросил эту мысль и ускорил шаги. Неосторожно толкнул в спину Садыкова, который удивленно оглянулся:

— Ты как лунатик, Кацо. Что тебе, места мало? Или все переживаешь? Самошвили промолчал и обогнал сержанта. Бояться было некого и они шли в полный рост. Тишину нарушил выстрел из винтовки, потом еще один. Чем-то обожгло живот грузина. Он недоуменно поднял голову и тут же застонал от резкой боли, ноги подкосились, и он рухнул на спину. Садыков волчком крутанулся на земле и, не обращая внимания на боль в правом плече, выпустил длинную очередь из автомата в сторону выстрелов. Быстро перезарядил его и, стреляя на ходу, бросился вперед. Его душман, тот самый, которому связали руки и ноги, дергался в судорогах. Руки его были развязаны и сжимали винтовку. Очередь из автомата сержанта вошла в голову душмана, изуродовав лицо и шею. Он еще услышал шаги Садыкова. С трудом поднял свое изуродованное лицо, превращенное в красноватый кусок пульсирующего мяса, жалобно простонал и затих, уткнувшись кровавым месивом в песчаную пыль. Садыкова, как на входе в ущелье, снова чуть не вырвало. Он отвернулся и нагнулся над телом грузина, обмотал бинтом его живот и взвалил на спину. Теперь он брел обратно, и снова грузин лежал на его спине и снова стонал разрывающим душу голосом. У сержанта подкашивались ноги, хотелось протереть глаза, которые щипало от попавшего пота и слез, выступивших от перенапряжения. Жгло рану, гудело в голове. Как заведенный, он упорно передвигал ногами, пока не свалился на землю. Встать на ноги он не смог и тогда пополз, как червяк, таща за собой грузина. С трудом вытащил ракетницу и выстрелил в небо.

Их ждали. Подхватили под руки Самошвили. Кто-то сунул фляжку в губы Садыкова, который захлеб опорожнил ее. Вверху загудели вертолеты. Ларин бросился к рации и предупредил вертолетчиков о ложной тревоге. Когда он вернулся, Садыков подозвал его:

— Забирай ребят и к лейтенанту. Оставь мне пулемет, не бойся, они тут не пойдут, а там будет жарко. Доложи, гранатомет уничтожен. Матвееву передайте: за жизнь Кацо отвечает головой, так и передай — головой. А теперь идите, — устало проговорил он, удобней устраиваясь за пулеметом.

Вновь наступила тишина. Зловещая, предугрениая. И только утюжили небо невидимые вертолеты.

Самое безопасное место было под козырьком скалы, где расположился фельдшер Матвеев. Он сновал между носилками и поил раненых водой. Воды оставалось мало, и вся она была сосредоточена в руках Юрия. Кудрин приказал вырыть котлован и обложить его камнями. Сюда собрали всех раненых, а в дальнем углу положили убитых. Пленный освоился со своим положением и неумолимо носился среди раненых, стараясь заслужить доверие сердитого доктора.

Ахмет сел рядом с Кудриным. Второй афганец, неразговорчивый, с обожженным лицом — Хасан, куда-то запропастился, что не в меньшей степени волновало обоих.

— Как думаешь, Ахмет? Где он? — спросил Кудрин.

— Мститель-одиночка. Засел где-нибудь с ножом и поджидает жертву.

— Может, Махмуд видел его?

Пленный утвердительно замотал головой и, указывая рукой на север, затараторил. Ахмет оживился:

— Гляди-ка, справочное бюро. Возьму его в свою команду, глазастый, черт. Говорит, что Хасан ушел следом за ленинградцами. Он, Олег, жареного петуха носом чует, надо бы еще послать кого-нибудь им в подкрепление.

— Людей мало, Ахмет. Видишь, в котловане большинство ребят. Если бы не Садыков с Самошвили — все бы там были. Огонь гранатомета по пристрелянной цели — опасная штука. Кстати, Ахмет, сержант ранен и остался один. Вот кому необходимо послать подкрепление.

— Идти надо мне. Я думаю, мой отец не захочет лазить по горам, слазить с коня. Не тот возраст. Старик неплохой стратег, всю жизнь с кем-нибудь дерется. Если я не ошибаюсь, основной удар нанесут отсюда, а вспомогательный с обоих

выходов из ущелья. Людей у отца много, и он может себе позволить распылить силы.

— По докладу Садыкова, на входе в ущелье душманов нет.

— Они могли спрятаться в какую-нибудь лощинку или каньон, выждать и ударить.

— Убедил, Ахмет. Двигай к сержанту.

Ахмет подозревал пленного и долго ему что-то втолковывал. Махмуд кивнул головой и приложил руки к груди, с уважением посмотрев на Кудрина.

— Я ему сказал, если что случится со мной, держись командира. Неплохой парнишка. Говорит, раз я его спас, теперь буду ему старшим братом и его долг подчиняться мне. У нас развито чувство почитания старших. Нахваливает моего отца, говорит, старик честный, справедливый человек, а вокруг него одни собаки и кровососы. В этом духе. Мне пора, командир. Скоро утро. Встретимся на рассвете.

— Хорошо, Ахмет. Будет худо — отходите к скале, здесь будем держаться до последнего.

Лейтенант обошел раненых, задержался около Самошвили. Грузин был без сознания и тяжело стонал. Рядом с перебитыми осколками гранаты ногами лежал Крылов.

Олег взглянул в конец котлована, где лежали семеро погибших ребят его взвода. Он тяжело вздохнул и вышел наружу. Все боеспособные десантники находились на северной стороне ущелья, метрах в трехстах от медпункта. Кудрин насчитал четырнадцать человек. Садыкова с Ахметом и ленинградцев в расчет не брал, знал, что без приказа они позиции не оставят. В зыбкой полутьме рассвета догорали деревянные ящики, и дым тонкими струйками поднимался в небо. Всюду громоздились скалы, вершины которых терялись в сумрачной темноте. Ущелье выглядело пустынным. Как-то не верилось, что на входе его залегли Садыков и Ахмет, на выходе притаились ленинградцы и где-то спрятался мрачноватый Хасан. Не было видно и котлована с ранеными, скрытого козырьком огромной скалы. Вверху монотонно и однообразно работали двигатели вертушек. Слух принимал шум двигателей как должное и необ-

ходимое. Словно так было всегда. Глаза лейтенанта поочередно выхватывали лица десантников. Он старался отыскать в них что-то особенное, памятное. Это утро и этот бой не повторятся. То, что они сделали и еще предстоит сделать, будет единственным и неповторимым в их жизни делом и, может быть, подвигом. Но лица ребят были спокойными и до обидного обыденными. И вряд ли кто думал о подвиге, о героизме, о возвышенном. Каждый оставался наедине с собой и думал о чем-то своем, сокровенном, скорее всего, совсем отдаленном от настоящей действительности.

Сержант Ефремов кусал стебелек травинки, полуобняв ствол автомата, устремив немигающий взгляд в сумрачную даль.

Рядовой Дима Озеров щелкал патронами, заполняя пулеметную ленту, что-то бубня себе под нос. То ли напевая песню, то ли считая патроны.

Снайпер Аркаша Старостин, прищурившись, смотрел в оптический прицел.

Миша Ларин прислонился к радию и дремал с наушниками на ушах.

Остальных десантников не было видно. И предстоящий бой показался Олегу нереальным и невероятным, противоестественным в этой идиллии наступающего рассвета. Не хотелось верить, что нарушат тишину разрывы мин и снарядов, снова прольется кровь. И эти парни, его родные ребята, забудут о матерях и невестах, отбросят усталость и застрочат из автоматов с яростными и злыми лицами. И ему самому будет некогда философствовать. Как все, он азартно и безжалостно будет стрелять и стрелять в таких же озверевших врагов.

“Еще часок, и нам сам черт не страшен, — удовлетворенно подумал он, взглянув на часы. — Наши где-то на подходе, да и десант можно будет высадить поутрае. Может, и ошиблись мы с Ахметом? “Духи”, махнув рукой на караван, убрались восвояси? Все, что ни делается, — к лучшему. Однако не затем положил Усман Алиханов своих людей там, на входе, чтобы смириться с поражением. Старик с гонором, тем более, рвется на Родину. Надо ждать...”

Он встrepенулся от разрыва мины, потом еще одной. Пoслышался чей-то жалобный крик. По спине пробежал озноб, стало страшно. “Сейчас пойдут!” — решил Кудрин. Вскинул руку и выстрелил осветительную ракету. Радостно понял, что темень отступает, и с каждой минутой становится светлее. Приставил к глазам бинокль и напpяг зрение. В утренней дымке различил маленькие фигурки людей, спускающихся по склону тропы. Впереди на карачках ползли несколько человек, отыскивая мины и тут же обезвреживая их. То и дело раздавались взрывы. Поняв, что обнаружены, “духи” пошли напролом, погнав впереди смертников.

— Ларин! Передай вертолетчикам: полезли и здесь.

Радист включил рацию. В наушниках затрещало и Михаил услышал голос 261-го.

— Броня на подходе. Через полчаса будет на месте. Противника не наблюдаю, работаю по разрывам мин. Как поняли?

— Командир, — крикнул Ларин Кудрину, — броня будет через полчаса. Дим Димыч спрашивает: работать по разрывам мин? Душманов не наблюдает.

— Передай, работать с курсом 200⁰, строго вверх, — крикнул радисту лейтенант, пристраиваясь около пулеметчика.

Капитан Голиков знал свое дело. Султаны разрывов накрыли смертников, заставив основную массу наступающих отхлынуть назад. Душманы рассредоточились по краям тропы, и теперь отвесные скалы предохраняли их от прямых попаданий реактивных снарядов. Некоторые смельчаки пытались, минуя узкий пятачок, переползти в ущелье, но были остановлены серией внезапных подрывов замаскированных мин. Сотник Рафис, командир батальона чалмистов, очень гордился расположением Усмана Алиханова. Теперь он должен оправдать доверие старого хана и разбить этих русских. Базарбай поторопился встать на пути старика и безжалостно раздавлен. Туда ему и дорога. Теперь он, Рафис, займет его место. Путь к почестям и славе идет через это проклятое ущелье. Он сломит сопротивление неверных, возьмет караван и даст старику прорваться на Родину. Рафис хорошо понимал, что под непрерывными ударами вертолетов их воинство не выдержит. Исход

боя может решить одна мощная атака в лоб. Необходимо пожертвовать ударным отрядом головорезов, прошедших спецподготовку и названных стариком Усманом чалмистами. Потерь среди них не было. Они шли сзади, по следам “пушечного мяса”. От общей массы душманов они отличались молодостью, отвагой, организованностью и дисциплиной. Самое главное — утопической верой в ислам и ненавистью ко всем иноверцам. У них была и своя форма, позволяющая отличить чалмиста от всякого сброда.

Белая чалма, красиво обмотанная вокруг головы, черные халаты, подогнанные по размеру, кожаные полусапожки или хромовые сапоги, плотно обтягивающие икры ног. Они были опоясаны широким ремнем, на котором болтались гранаты и запасные рожки. У каждого современный автомат, в кобуре на боку пистолет и в чехле под халатом нож.

Все же Рафис сделал серьезную ошибку, не захватив с собой миноискатель и гранатомет. Теперь он наверстывал упущенное, посылая жалких оборванцев торить дорогу чалмистам. Он махнул рукой, и его элита, скользя, как змеи, маскируясь за трупы убитых, заняла плато.

Снайпер Аркадий Старостин вопросительно взглянул на лейтенанта.

— Давай, Аркаша, выбирай чернохалатников, создай им нервную обстановку.

Кудрин повернулся к Ефремову:

— Игорь, первыми атакуют чалмисты. Передай по цепочке: надо заставить их залечь. Затем быстро все под козырек скалы. Сюда наведем вертолеты. Броня на подходе, продержимся. Огонь по моей команде.

Старостин неторопливо передергивал затвор “снайперки”, выискивал жертву в оптический прицел и плавно нажимал на курок. Отсюда не было видно результатов стрельбы. Но по первым вскрикам можно было судить, что такое положение долго не продержится, и душманы поторопятся с атакой.

— Командир! “Духи” пошли, — крикнул, оторвавшись от прицела, Старостин, торопливо передергивая затвор и почти не целясь, стрелял в сгрудившуюся на пяточке толпу.

— Вижу, — процедил сквозь зубы Кудрин, опуская бинокль и выкладывая на бруствер ручные гранаты. Повернулся к пулеметчику. — Уменьши прицел, не суетись, жарь длинными, заставь их залечь.

Мощный рев сотни глоток ворвался в предрассветную тишину. Сплошная серая масса спустилась с плато в ущелье, начала наступление. Казалось, этот черный поток вырвавшейся на свободу горной реки не сможет остановить никакая сила, что он сметет все препятствия на своем пути. Разгоряченный, подхваченный общим воем Рафис, размахивая наганом, рвался протолкнуться вперед, устремляясь навстречу гибели.

Лейтенант сохранил спокойствие до последней минуты. Он отбросил ставший ненужным бинокль. Как там, на входе в ущелье, все казалось невероятным, нереальным, происходящим не с ним, совсем не вписывающимся в красоту наступающего утра. Он неожиданно громко простонал, представив этих людей в той омерзительной картине смерти, которая открылась ему там, на входе. Помедлил секунду, чувствуя на себе недоумевающие взгляды ребят, и решительно махнул рукой.

Кинжальный огонь пулемета врезался в толпу. Застрочили автоматы, и редко какая пуля пролетала мимо. Чалмисты падали десятками. Живые давили раненых и упавших, ступали по трупам, упорно преодолевая оставшиеся метры до десантников. А на открытое плато стекали новые волны душманов и устремлялись вслед товарищам. Метрах в тридцати атака чалмистов выдохлась. Трудно было понять, кто убит, а кто жив, — так густо чернели тела на песчаном грунте.

Кудрин отчетливо понял, что подошел предел возможностей. Если он не предпримет что-либо экстренное, им не сдержать удара залегших вблизи чалмистов.

— Дима, передай по цепочке. Всем отходить к скале немедленно! Я прикрою, — крикнул он Озерову, лежавшему за пулеметом. — Ларин, вызывай огонь вертолетов на себя, бросай рацию и — к скале. Только быстрее, ради Бога!

Пулемет неожиданно смолк. Кончилась лента. Кто-то протянул Олегу новую. Краем глаза заметил Озерова, выругался и снова нажал на гашетку.

— Командир! Вертолеты атакуют, — услышал он голос Ларина.

— И этот тут, — разозлился Кудрин и, оглянувшись назад, заметил, что большинство десантников приблизились к спасительной скале. Из котлована им протягивали патронные рожки, ручные гранаты, и ребята падали в укрытия, огнем прикрывая командира.

— Миша, отходите, — крикнул лейтенант радисту, зарядив новую ленту в пулемет.

— А вы, командир?

— Двигайте. Марш в укрытие оба. Я следом.

Михаил вскочил на ноги и побежал. Запнулся о камень и ткнулся носом в чье-то тело. Удивился, увидев живого и невредимого пленного.

— Ты чего? — угрожающе рыкнул на Махмуда. — Сбежать хочешь?

Тот глазами показал на Кудрина и, схватив Ларина за рукав, что-то затараторил. Оглушительный грохот прервал их объяснения. Несколько ракет попали в ящики с боеприпасами, которые взорвались, разнося в клочья набегающую толпу. Обезумевшие люди метались в логове дыма и гари, вскидывая в ужасе руки, кричали, пытаясь вырваться из огненного ада. Позади них бушевало всепожирающее море огня, впереди строчили автоматы в руках десантников, а с безоблачного неба убийственно грохотал ракетный гром вертолетных выстрелов.

Кудрин успел отбежать несколько шагов от пулемета, когда за спиной раздался грохот. Он хотел оглянуться, но что-то ударило в голову и толкнуло в спину. Олег еще успел сообразить, что это взорвались боеприпасы. В глазах его потемнело и, сделав еще шаг, он рухнул на землю. Завыл, закричал пленный афганец. Полуоглохший Ларин с трудом оторвал голову от земли и взглянул на пленного. Перевел взгляд назад, куда тыкал пальцем Махмуд. Вздрыгнул от вида горящих людей и подскочил, как на пружине, не увидев нигде командира. Снова услышал бормотание Махмуда. Увидел лежавшего на краю огненного вала Кудрина. Вскочил на ноги и бросился к нему. Махмуд обогнал его и первым склонился над Кудриным,

поцокал языком и осторожно приподнял за плечи. Они подхватили тело командира подмышки и, не оглядываясь, потащили в сторону от огня и пламени. Навстречу выскочили сержант Ефремов и Старостин.

Наступило утро.

Два ленинградца — Виктор Дектярев и Сергей Неделин долго выбирали удобную позицию. В принципе, выхода из глубокой лощины не было. Она продолжалась и дальше. Но здесь ущелье пересекал узкий, с отвесными скатами, каньон, который, изгибаясь в виде подковы, брал свое начало на той стороне границы.

Лейтенант подробно объяснил им его местонахождение. Выходило два километра от медпункта, взятого за точку отсчета. Ближе выходов в лощину не было, и они, добросовестно отсчитав шаги, зажгли факел.

— Мертвецки темно, — выругался Виктор, озираясь вокруг. — И какой дурак будет лазить по горам в такую ночь?

— Кому как, — отозвался Сергей. — Кто в городе никогда не бывал, тому село Ленинградом покажется.

— Ты-то когда-нибудь в деревне был?

— Случалось. У меня дядя в Поволжье живет. Ездил к нему в гости.

— А я только в пионерлагере город повидал, а так не приходилось.

— Много потерял. Отстал ты, Витя, от жизни.

— Стоп, Серега! Вот он, этот каньон. Ошиблись на сто шагов.

— Ты уверен, что не прошли?

— Уверен. Ты шаги считал, а я стену ощупывал. Ни одного спуска не было, сплошной камень. Тут расположимся?

— Нет. А вдруг этого аксакала принесет сюда нечистая сила? Прыг из расщелины, и заказывай панихиду по рабам божьим Виктору и Сергею, усопшим по своей глупости. Надо отойти назад и там залечь.

— Верно, пошли, а то хрен его знает, что у них на уме.

— Потуши, Витя, факел, неприятно. Будто целится кто в тебя.

— Ладно. Считай шаги, выберем позицию и уйдем во мрак.

Отсчитав сто шагов, осмотрели обрывистые скаты. Не обнаружив признаков тропок и сухих русел речушек, установили пулемет, обложили его камнями. Потушили факел и затихли, вслушиваясь в тревожную тишину.

Вдруг послышались легкие шаги и чье-то бормотание. Неделин, перевернувшись на левый бок, крикнул:

— Стоять!

— Своя, своя. Хасана я, — отозвался из темноты знакомый голос афганца.

— Ей-Богу, Хасан, — удивился Дектярев. — Тебя командир послал?

— Помощь пришел, сама пришел, душман лезет, — убивать буду.

— С чего ты взял? Светать скоро будет, а ты — “духи”. Лейтенанта или Ахмета предупредил?

— Ага, Махмуда сказал, пошла к вам.

— Нашел кому докладывать. Вечно ты, Хасан, со своими фокусами. Раз пришел, не маячь, ложись рядом.

— Нет. Дальше надо засад делать, душман вас погоню.

— Откуда им взяться, Хасанчик? Ложись рядом, дорогой, не ерпенься.

— Не уговаривай, Виктор. Он только майора Быстрова слушается. Хасан, мы через часок к своим рванем. Тебя подождать или ты весь день в засаде просидишь?

— Душман старый, умный аксакал, он послал джигит на перевал, хребет. Эта, как ее, дырочка выйдет. Я бить их спину, вы пулеметом та-та-та.

— Предложение дельное. Только навряд ли кого тебе бить придется. Слышишь взрывы мин? Полезли, сволочи, на ребят.

— Возвращаться надо. Нашим трудно придется.

Хасан протестующе замахал руками. Постукал пальцем по циферблату часов:

— Ждать надо, будет душман. Я пошел засад.

Неделин нервно закурил, пряча бычок в широких ладонях.

Минут пятнадцать лежал молча, с беспокойством прислушиваясь к разгоревшемуся бою. Когда ударили вертолеты, не выдержал и вскочил на ноги.

— Уходим, Витек. Кудрин приказал с первыми петухами возвращаться. Там каждый ствол на счету, а мы загораем, ждем у моря погоды.

— Да, штормит у ребят. Хасана предупредить надо, пусть вылезит из своей берлоги.

Неделин кивнул, встал на ноги, отошел метров пятьдесят от пулемета, сложил ладони рупором:

— Хасан! Мы уходим. Догон... — оборвал он, хватаясь руками за грудь и падая на живот.

По ущелью прокатилось эхо одиночных выстрелов. Пуля, взвизгнув, срикошетила о камень у головы Дектярева. Виктор вдруг осознал, что случилось страшное и непоправимое. Понимая, что Неделин убит, все же крикнул:

— Серега, назад! Серега... — он захлебнулся в собственном крике, почувствовав, как больно обожгло ноги. Подтянул их под себя и осторожно выглянул из-за камня. Успел заметить несколько чьих-то фигур, приближающихся к нему. Резко нажал на гашетку пулемета, срезав нападающих длинной очередью.

Забыв о боли, он костерил последними словами “духов”, стрелял, стрелял и стрелял. Все же вовремя распознал ползущего Хасана и отвел ствол пулемета в сторону. Афганец сорвал с плеча винтовку и несколькими выстрелами добил оставшихся в живых “духов”. Прислушался и победно затряс карабином в воздухе.

Виктор, преодолевая боль в ногах, пополз к Сергею, растегнул его маскхалат и попытался остановить кровь, заливавшую сильную грудь друга. Прислонил ухо к его сердцу, схватил руку, пытаясь нащупать пульс. Обнял Сергея за плечи и заплакал, уронив голову на бездыханное тело земляка. Вскоре, объезжая их, пронеслись юркие бэтээры, с которых смотрели десятки сочувственных глаз. Его обняла Ольга Данилова, ласково погладила волосы, прошептала:

— Мальчики, что они с вами сделали...

Усман Алиханов успокаивал всхрапывающего коня, гладил по упругой шее. Жеребец испуганно танцевал на месте, взрагивая от выстрелов. Верные воины перебирали поводья в руках, готовые по сигналу старого аксакала пустить лошадей в атаку. Солнце коснулось лучами отвесных скатов лоцины, и выглянувший из-за горного выступа Мамед Керимов немедленно доложил:

— Двое с пулеметом. Идут вниз. Что делать будем?

— Лишь бы эти двое не помешали нам. Пока не трогай. Помолимся, Мамед, вложим в руки Аллаха наши души.

Не успели колени Усмана коснуться скалистого грунта, как яркие вспышки прорезали горизонт. Старик встрепенулся и с ненавистью проводил взглядом вертолеты. Понял, что нужно немедленно атаковать, иначе будет поздно.

Он молодо вскочил на своего жеребца, выхватил из кобуры маузер и, потрясая им в воздухе, закричал:

— Вперед! Покараем неверных.

Полусотня, скинув с плеч винтовки, понеслась по ущелью.

Ахмет с тоской смотрел на вершины гор и горестно думал об отце. Перед глазами проносились картины далекого детства, их кишлак и отец, подсаживающий его на круп кобылы. Из дувала выходит счастливая мать и, прищурившись, смотрит на сына. Затем Ахмет держит в руках отцовский маузер и целится в старый горшок, повешенный на изгороди. Отец часто пропадает из дома, и в один несчастный день мать умирает от брюшного тифа. Приходят какие-то люди и посылают Ахмета учиться в Советский Союз.

Грянула революция, и сын обнял постаревшего отца на пороге тюрьмы.

Старик не допускал мысли, что его сын может думать по-иному и является работником органов контрразведки. Они колесили по свету, клянчили оружие и деньги, создавая опорные базы подготовки отрядов. Уходили караваны и банды через границу и попадали в искусно расставленные засады. Нашелся предатель и рассказал все отцу. Усман проклял сына и поклялся своей рукой покарать изменника.

Залп вертолетов и черные клубы дыма, вырвавшиеся в поднебесную высь, накрывшие черной копотью одинокую скалу, где находился последний пункт обороны, заставил Ахмета и Садыкова выскочить на середину ущелья. Послышалась стрельба где-то вблизи. Садыков вопросительно посмотрел на Ахмета. Тот приставил палец к губам и замер в неподвижности. Уловил не вписывающиеся в общий грохот далекие выстрелы.

— В тыл ударили, там ленинградцы и Хасан прикрывают. Неужели отец сам полез в горы? — нерешительно проговорил он.

— Какой еще там отец? Что будем делать, Ахмет?

— Бери пулемет и двигай на подмогу лейтенанту. Неужели ошибся, не разгадал старого аксакала?

— Что-то темнишь ты, Ахмет. То отцом, то аксакалом какого-то “духа” называешь, — на ходу бросил Садыков, торопливо засовывая запасные ленты в патронный ящик и взваливая на плечо пулемет.

Ахмет не ответил. Схватив патронный ящик, бросился догонять тяжело идущего сержанта. Впереди вспыхивали зарницы пожара, суетились фигурки людей. С новой силой застрочили автоматы из-под козырька скалы. Вдалеке за клубилась пыль, слышалось урчание двигателей бэтээров. Сержант устало опустил пулемет на землю, обтер панамой пот с лица. Радостно повернулся к Ахмету. Охнув, бросился за пулемет, крикнув:

— Ахмет! Сзади “духи”!

Афганец упал лицом вперед, развернулся, сорвал с плеча автомат и передернул затвор. Перед глазами мелькало лицо отца. Их взгляды встретились, засветились мгновенной радостью неожиданной встречи. Ахмет задержал свой палец на спусковом крючке и, как замороженный, уставился на морщинистое лицо старого Усмана. Он не заметил, как всадник, скакавший бок о бок с отцом, приподнял дуло винтовки и, не целясь, ловко выстрелил. Что-то обожгло его левый глаз, прострелив вместе с яблочком образ отца, вошло в мозг и расколело черепную коробку, брызнув сгустком кровеносных пульсирующих сосудов на воротник маскхалата.

Сбоку торопливо ударила пулеметная очередь, и несколько всадников кубарем скатились на землю. Остальные, не останавливаясь, проскакали метров двести и встали, как вкопан-

ные, подняв коней на дыбы. Навстречу по ущелью неслись бэтээры и танки. Всадники повернули лошадей и, нахлестывая их плетками, понеслись обратно под губительный огонь пулемета Садыкова.

Мамед Керимов снова приподнял дуло винтовки, но выстрелить не успел. Он, вытаращив глаза, захлебываясь кровью из перерезанного пулями горла, вылетел из седла под ноги скакуна Алиханова. Жеребец Усмана испуганно заржал, вздрогнул и остановился. Упал на передние ноги, дико фыркнув, повалился на бок. Старик соскочил с лошади и, держа маузер в руке, подошел к сыну. Да, это был его Ахмет, убитый верным Мамедом, который еще хрипел простреленным горлом, выплескивая на песок остатки жизни.

“Ему не поможет и сам Аллах, — подумал старик, проходя мимо верного телохранителя, направляясь к сыну. Увидев рану, понял, что Ахмет мертв. Осторожно положил простреленную голову сына на колени и погладил его курчавые волосы. Посмотрел на спину русского. Садыков, заметив старика с маузером в руке, беспомощно повернулся к нему, с ужасом понимая, что не успеет развернуть пулемет и упадет сраженный пулей этого плешивого старика. Но душман не выстрелил. Долгим печальным взглядом посмотрел на молодого безусого русского, опустил маузер, уронил голову. Садыков схватил автомат, наставил ствол на старика, держа дрожащий палец на спусковом крючке. Успокоился, увидев подъезжавшие бэтээры. Неожиданно вспомнил последние слова Ахмета о каком-то отце-аксакале. Веря и не веря догадке, подошел ближе и ужаснулся выражению лица старика. Любовь, жалость и усталость отражались в его слезящихся глазах, застыв в них всеми муками и печалью разбитого сердца. Старик приподнял голову, сознание его прояснилось, и он виновато улыбнулся молодому солдату. Повелительным жестом властной руки попросил оставить его одного.

Сержант, как замороженный, поспешно кивнул, повернулся к подъехавшему бэтээру, почувствовав сильную слабость. Вздрогнул от одиночного близкого выстрела. Повернулся и удивленно посмотрел на старика, который, неуклюже положив голову на плечо Ахмеда, застыл в неподвижности.

Садыков, догадываясь о случившемся и боясь поверить в это, еле передвигая ноги, подковылял ближе. Откинул носком ботинка еще дымящийся маузер, увидел струйку крови, сбегавшую изо рта старика на его подбородок.

Вокруг сгрудились прыгнувшие с бэтээров десантники и отводили в сторону глаза, инстинктивно боясь встретиться с печальным взглядом старика.

Сержанта обняли за плечи, и он услышал знакомый голос комбата:

— Пойдем, старина. Нам здесь делать нечего.

ЭПИЛОГ

Электричка остановилась на небольшой опрятной станции в Подмосковье. Я спустился на землю из полупустого вагона и снял летнюю кожаную куртку. Вечер обещал быть теплым и солнечным. Подхватив небольшой чемодан, вышел на окраину поселка и зашагал по пыльной дороге в сторону лесного массива. На опушке, заросшей сердитой крапивой вперемежку с широкоухими лопухами, стояла выцветшая от времени табличка: “Берегите лес — наше богатство!” Усмехнулся про себя, подумав, что наверняка она на десяток лет постарше этого соснового бора, а тот лес, который она призывала беречь, давно уже срубили. Я передохнул на ветхой скамейке, чудом не подломившейся подо мной, и уверенно зашагал по утоптанной тропинке в глубь леса.

Примерно через час появились редкие просветы в сменившейся ровные шеренги молодых сосенок смешанной чаще лиственных деревьев. С нетерпением прибавил шаг и наконец-то увидел деревушку, живописно раскинувшуюся по берегам небольшой речки, запруженной старым дедовским способом — землей и лопатой.

Вся поверхность пруда была покрыта овальными пожелтевшими листьями, стебли которых терялись в темно-зеленом скоплении вязкого ила. Лишь в середине и около самой запруды контрастно вырисовывались окна чистой воды, притягивающие к себе внимание рыболовов и детворы.

Память не изменила мне. И станция, и табличка, и тропинка, и деревушка были в точности такими, какими я их пред-

ставлял со слов Олега Кудрина. Наугад постучался в ближайший дом, приглянувшийся мне красотой резных наличников. Вышедшая на порог хозяйка отряхнула покрытые белой мучной пылью руки и сдержанно поздоровалась, с какой-то суровостью и подозрительностью спросила:

— Вы кто будете? Не из райсобеса ли, молодой человек?

Я отрицательно помотал головой и, чтобы отделаться от лишних вопросов, пояснил ей, кто я такой, к кому и зачем приехал.

Морщинистое лицо пожилой женщины расцвело доброй, приветливой улыбкой, и, гостеприимно приглашая меня в дом, она скороговоркой пояснила:

— Ездют тут все... Агитируют перебираться в райцентр. Сколько деревень загубили, все им мало. Не пойму, зачем нам покидать родное местечко: и лес здесь, и речка, и воздух чистый, без машинной гари, мама с папой похоронены...

Она подала мне кринку парного молока. Я с удовольствием припал к ней губами.

— Вот так, сыночек, мы и живем, — насладившись зрелищем моей довольной физиономии, продолжила она. — Молодежь-то на стройки да в города подалась, одни старики остались. А что молодым-то здесь делать. Ни работы, ни театров, дорогу и ту сделать не могут. И начальства никакого, некому за нас заступиться. Бригадир Ванька Погорелов вечно в райцентре околачивается, приедет домой, так в стельку пьяный в клубе отсыпается или шукает, где бы опохмелиться. Давно пора гнать его в шею, не знаю, о чем только в правлении думают. Слышала я по радио, что больше зорить деревни не будут. Правда ли это, сынок?

Немного опешивший от потока информации о жизни сегодняшней деревни, я собрался с мыслями и в простых словах постарался пояснить ей сегодняшнюю политику по сельскому хозяйству.

Она неожиданно прослезилась, но затем облегченно вздохнула.

— Дай-то Бог. Может, и сыночки мои вернуться. Напишу им, нечего блукать по свету. Мой старик-то тоже говорит, опомниться власти должны, нельзя землю без присмотра оставлять. Мы умрем, кто ее приголубит, родимую? Ванька Погорелов? Так он и пьет-то потому, что на все махнул рукой. А в парнях

справным был, и руки золотые. Поставить над ним умного человека, уважить его, так он горы свернет и пить бросит. Это я вам точно говорю. Ну да ладно, заговорила я вас. Спасибо вам на добром слове. Значит, вы к Кудриным, внучка Олежки товарищ? Больно уж убивались старики, получив похоронную. Мамаша-то его, дочка Анискина, Наташенька, слегла, говорили, парализовало ее. Единственный сынок. Наталья-то на поправку пошла, но пока еще не приезжали; хорошо, мужик ейный, отец Олежки, золотой попался. Ухаживает за ней. Старики на все праздники в город ездют, могилку попроведовать. И к ним приезжают, наведывают. И сейчас девушка, баская с лица, поговаривают, Олегова невеста, с мальчонкой своим гостит. Она часто приезжает. Максим-то у нас за главного, если бы не он, так, наверное, сосватали бы нас в райцентр, погибла бы деревня, — пояснила женщина на прощание.

Я пожелал ей долгих лет жизни. Благодарный и озаренный счастливой догадкой, поспешил к указанному дому, расположившемуся вблизи величественной полуразвалившейся кирпичной кладки старого строения. “Церковь, что ли, была?” — подумал я, открывая проржавевшую щеколду голубой калитки.

Двор был полон птицы и скотины. Около сарая жевала свежий клевер белобокая корова со звездочкой на лбу. Рядом прилежал теленок, тыкаясь теплой мордочкой в бок матери. Довольно хрюкали в хлеву свиньи, в огороде носился выводок желтых цыплят, резво сбегаясь на зов-кудахтанье матери, вдоль палисадника расположились дремлющие куры, возле которых, искоса поглядывая на них, выхаживал коричневый петух. Над деревянной колодой горделиво гоготали серо-белые гуси, щипая друг друга, копаясь клювами в пушистом оперении. На припеке возле окошка, на мягком половичке развалились сомлевшая кошка и пара котят, усердно сосущих молоко, а под навесом сарая, заполненного наполовину чурками сухих дров, аккуратная конура с внимательно наблюдавшей за мной собакой. На задах, за невысокой изгородью, сделанной из обыкновенных сосновых и еловых жердей, ломились под тяжестью спелых ягод кусты малины, привязанные верхушками к деревянным кольям, манили к себе гроздья черемухи, облепившие ветви дерева. Вдоль палисадника росло несколько молодых яблонь, и карапуз, лет трех от роду, вооружившись сучковатой палкой, настойчиво сбивал ядреное яблоко.

Что-то знакомое мелькнуло в его облике, и я, убежденный в верности моей догадки, окликнул его. Мальчишка недовольно взглянул на незнакомого дядю, отвлекшего его от важного дела. Тут же, не выдержав моего нахального вторжения, залаял пес каким-то не злым, а вызывающим отрывистым лаем. Послышался скрип открываемой двери, и я увидел Ольгу Данилову. Она ничуть не изменилась, разве только пополнела, приобретя ту неповторимую женскую прелесть, которую принято называть материнством. В своем легком платьице и стоптанных тапочках на босу ногу она выглядела милее и домашнее, чем в армейской зеленой рубашке и такой же юбке, в которых мне довелось ее видеть...

—Фу, Дружочек, фу, — проговорила она и, откинув прядь волос со лба, вопросительно взглянула на меня, растерянно заморгав глазами и залившись краской. Забыв о мальчишке, я подбежал к ней, обнял ее хрупкие плечи и замер, взволнованный и потрясенный долгожданной встречей. Она разрыдалась на моем плече, обхватила за шею руками и поцеловала в губы. Я заметил настороженные лица стариков, мелькнувшие из-за отодвинутой занавески окна, услышал какую-то перепалку между ними, а за спиной Ольги увидел насупившуюся физиономию мальчишки.

— Вот мы и встретились, — еще всхлипывая и не обращая внимания на расплывчатые от слез круги туши под глазами сказала она, рассматривая меня с грустной улыбкой. — Не в форме ты другой какой-то, непривычный. Как ты нас нашел?

— Олег рассказывал... Да и дело небольшое к старикам есть.

Я торопливо и сбивчиво поведал ей о цели своего приезда, затылком ощущая на себе колючие взгляды терпеливо ожидающих объяснения хозяев.

Ольга поняла мое состояние, кулачком постучала по плечу и рассмеялась.

— Боятся, что какой-нибудь принц похитит меня от них, даже к первому парню на деревне, пьянчуге Ивану Погорелову, ревнуют. Меня и внука... — громко добавила она и пояснила: — Его тоже Олегом зовут. Олег Олегович... Мы приезжаем в деревню второе лето и гостим по два месяца кряду. Вот так и живем. — И, чтобы не сердить стариков, крикнула: — Выходите, отшельники! Олежкин друг приехал!

Тут же растворились настежь двери веранды, и первой выкатилась оживившаяся старушка, а следом, покашливая в кулак, седой дед, с достоинством протянувший мне руку. Теперь я не мыслю моей России без таких стариков, всеми корнями приросших к своей земле, и деревушек, сохранивших самобытную красоту Отечества.

— Заходите в избу, гостем будете, — степенно произнес он, пропуская меня вперед, как желанного гостя.

Мы просидели до первых петухов, вспоминали, грустили, пропускали по маленькой. И еще я три дня провел у них, отдыхая душой и телом.

Поезд умчал меня обратно на Север, но я часто вспоминал склонившегося над моей писаниной деда Максима с дымящейся трубкой в зубах и бабу Анисью, скорбно поджавшую губы, сидящую на табурете, внимательно слушавшую хозяина, время от времени украдкой от своего “безбожника” озаряя себя поспешным крещением. А на печи в уголке — свернувшийся клубочком, утомившийся голубоглазый мальчик, продолжатель рода Кудриных.

А недавно мне приснился сон: перед шеренгой замерших по стойке “смирно” молодых десантников стоит знакомый мне сержант Садыков и, открыв список вечерней поверки, звонким голосом зачитывает: “Лейтенант Кудрин?..” И правофланговый торжественно отвечает: “Лейтенант Кудрин геройски погиб при исполнении интернационального долга...” — “Рядовой Неделин...”

В конце строя замерли девчонка с санитарной сумкой на боку, с выбившейся из-под берета челкой, и маленький мальчик с игрушечным автоматом на груди и глазами погибшего Олега Кудрина. И я сам, в голубом летном комбинезоне, нетерпеливо открываю блистер, выглядываю наружу и докладываю капитану Садкову о готовности вертолета капитана Ваканова и пары прикрытия капитана Голикова к вылету. Напряженное лицо Юры Литвиненко за гашеткой крупнокалиберного пулемета. На траверсе середина ВПП, метров двести левее расположились наши модули и над СКП полотнище красного флага. Подполковник Мордухович берет в руки микрофон, нажимает на клавишу “Радио”, и мы слышим в эфире: “Три тройки! Я --- Омар. Взлет группой”.

Вертолет разгоняется, отрываются колеса и куда ни кинешь взгляд — горы, одни только горы. А под нами — зеленая жемчужина Афганистана, вечно цветущий солнечный Джелалабад.

РАССКАЗЫ

ВЫСТРЕЛ В ДОЛИНЕ

— Омар, я — Три тройки! Выхожу в заданный район. Как поняли? Прием.

— Понял все. Работайте по плану.

Обогнув Черную гору, мы летим над старой кабульской дорогой. Петляя вдоль перевала, она уходит к Пакистану. С северной стороны перевала проложена новая автомобильная трасса, напичканная советскими постами и афганскими частями. По ней непрерывно движутся колонны танков, автомашин. Везут продовольствие, медикаменты в Джелалабад. Приткнувшись к колоннам, едут местные торговцы, многочисленные семьи кочевников, крестьяне.

Старая дорога угрюма и пустынна. Лишь иногда можно заметить на ней цепочку каравана. Промчится одиночная машина, пройдет путник. Близка граница, рядом опасность.

Мы выполняем свободный поиск и осмотр караванов в районе кишлаков Фатихабид и Шаве в русле полувысохшей реки Сухраб. Смотрю в них и узнаю знакомые островки “зеленки”, разветвляющиеся скелеты высохших русел рек и огромный караван, остановившийся на отдых вблизи кишлака.

— Приехали! — кричу командиру Владимиру Садкову и для убедительности тыкаю пальцем вниз.

— Караван? — вопросительно смотрит на меня он, машинально нажимая на черную кнопку рычага шаг-газа.

Утвердительно кивнув, поворачиваюсь к борттехнику и весело кричу:

— Проснись, засоня, немцы в городе!

Юрий, зевнув во весь рот, сладко потягивается и, привстав с сиденья, невозмутимо заявляет:

— Ну и что?

Он у нас то флегматик, то холерик. Иногда слова не вымолвит, угрюм, как король Лир. Иногда зубоскалит, шутит, как бравый солдат Швейк. Впрочем, я привык к нему, как и он ко мне. Понимаем друг друга с полуслова.

В дверном проеме появляется добродушная физиономия командира десантников старшего лейтенанта Трухина. Внешность его обманчива. Он опытный, умелый командир, достаточно понюхавший пороху. Их батальон спецназначения недавно перекинули из-под Кандагара. Там они здорово потрясли “духов” — разгромили несколько крупных банд и караванов с оружием. Наш район для них непривычен. В Кандагаре — пустыни, здесь — горы. Не учтя специфики рельефа, излишне самоуверенные десантники в двух последних операциях понесли значительные потери. Теперь злы, как черти. Подчиненные Трухина — рослые крепкие парни. Научены убивать всеми видами оружия.

Сквозь шум двигателей слышу голос старшего лейтенанта:

— Кого заметил — мирных, военных?

— А шут их знает. Сходи посмотри, — смеюсь в ответ.

— Посмотрю, — кивает он и кричит в ухо Садкову: — Командир! Двигай вниз, будем осматривать!

Хотя и младше по званию командир десантников капитан Садков, но окончательное решение должен принимать он. Капитан опускает рычаг шаг-газа вниз до упора, вертолет стремительно падает. Садкову около тридцати. Лицо почерневшее, обожженное афганским солнцем. Глаза сосредоточенно смотрят на приборы. Движения точные и плавные. Он мастер своего дела. Смел, решителен, скромн. Таких летчиков обычно называют “работягами”.

Мы снижаемся. С любопытством вглядываюсь в расположившийся у подножия горки караван, на снующих около костров людей. Как в кино о басмачах, вижу равнодушных верблюдов, лошадей и ослов, испуганные взгляды спрятанных под паранджу женщин, стайки детворы, напряженные позы муж-

чин и вознесенные к небу руки седобородых старейшин. Вдруг откуда-то сбоку бухает выстрел.

— Из “бура”! — кричу я. Откидываюсь на спинку кресла, хватаю с коленей автомат и дрожащей рукой открываю блистер сдвижной двери. Вновь выстрел из крупнокалиберной винтовки. Осторожно, ожидая удара в лоб, выглядываю наружу. Под нами — голое плато, а позади, справа — несколько залегших людей и два осла, задравшие к небу головы.

Быстро захопываю дверку, облегченно тру рукой вспотевший лоб и нажимаю на кнопку переговорного устройства.

— “Духи”! Сзади, справа!

Садков рвет вверх рычаг шаг-газа, резко нажимает ногой на правую педаль, вертолет с боковым скольжением удаляется от земли. Оттолкнув Трухина, в кабину врывается борттехник. Глаза Юры расширены, он кричит во все горло:

— В фюзеляже дыра величиной с кулак! Я слышал удар в хвостовую балку. Что будем делать, командир?!

Сам не знаю для чего, вновь выглядываю наружу. Как на зло, на глаза попадают караваны. “Один, два, три, четыре”, — считаю вслух. Большими и малыми караванами кишит долина. Попробуй найди тех с ослами. Зло кричу Садкову:

— Спрятались, гады! Хрен с ними. Надо возвращаться.

— Омар, я— Три тройки. Обнаружил караваны. На снижении был обстрелян. Получил пробоину в хвостовой балке. Как поняли? Прием, — после секундного замешательства доложил на командный пункт Садков.

— Возвращайтесь на базу немедленно, курс — на аэродром, — отозвался голос подполковника Лысько, руководителя полетов.

С трансмиссией шутки плохи. Вдруг задеты тросы управления хвостом и тогда... Что будет тогда — думать не хотелось. Весь обратный полет мы были в напряжении. Юра то и дело заглядывал в хвостовую балку и, покачивая головой, возвращался в кабину. Десантники с надеждой поглядывали на него. Ахмет, офицер афганской контрразведки, забыв обо всем на свете, старательно отбивал поклоны Аллаху.

Вот и ставший родным аэродром на окраине Джелалабада.

Севернее вьется и теряется в горах автомобильная дорога. С южной стороны виднеются ровные линии канала оросительной системы. Вдоль канала, как горькое напоминание о войне, застыли развалины брошенных кишлаков. Несколько возвышенностей, на которых расположены замаскированные танки и орудия второго кольца обороны. С востока, у кишлака Шамархель, раскинулись стройные шеренги плантаций цитрусовых. По слухам, апельсиновые и мандариновые рощи принадлежат самому Бабраку Кармалю.

По границе аэродрома растут зеленые мохнатые эвкалипты, под кронами которых темнеют бетонные доты внутреннего кольца обороны. С запада и севера аэродром защищают два ряда колючей проволоки и минные поля. В конце взлетной полосы, слева, оборудованы стоянки “восьмерошников”, впереди — ремонтная база, небольшая банька на берегу пруда — бучила. А справа застыли остроносые двадцатьчетверки. Рядом с пунктом инженерного управления, где притулилась пара вертолетов поисково-спасательной службы, — модули, столовая, санчасть, выкрашенные в зеленый цвет, и командно-диспетчерский пункт с красным флагом и пулеметом на крыше.

Приземляемся и заруливаем на стоянку в конец полосы. К вертолету бегут наземные специалисты, мчится пожарная машина. Пожаловал на “санитарке” и наш Васильич, полковой доктор. Весь обслуживающий народ с интересом и уважением рассматривает рваную пробоину на хвостовой балке. Разгорается спор, из какого орудия нас продырявили. Разговоров хватит до вечера. Неторопливо подхожу. Трогаю рукой вмятые внутрь зазубрины пробоины.

Вдвоем с Садковым осматриваем вертолет. Больше пробоин нет. Отмахнувшись от расспросов техников, спешим на бучило. Оба молчим. Раздевшись, Владимир потягивается всем телом и, хлопнув меня по плечу, тихо говорит:

— Прекрасная штука — жизнь, не ценим мы ее в Союзе, размениваемся на мелочи... Говорят, человек перед смертью начинает многое понимать, да поздно уже, возврата оттуда нет.— Садков тычет пальцем в землю и, разбежавшись по мостику, ныряет в воду. Вынырнув на середине бучила, отфыркивается и кричит мне:

— Жить — это прекрасно, жить — это хорошо! Ныряй, Садков, смело!..

Я плюхаюсь в воду, и мы наперегонки плывем к противоположному берегу.

— Экипаж капитана Садкова здесь? Срочно к командиру полка, — лениво кричит с мостика совершенно голый прапорщик.

Настроение сразу портится. Сердито ворча и чертыхаясь, натягиваю на себя комбинезон.

— Слушай, Володь. Как ни приду купаться, этого пижона встречаю. То он баньку топит, то веники вяжет, то загорает голышом. Уж не директором ли бучила он устроился?

— Угадал, — отзывается хмурый Садков.

— А начальство куда смотрит?

— Начальство и распорядилось... Сам знаешь, в эту баньку не каждый попадет. Кабульское начальство, всякие комиссии любят в ней помыться... Вишь, какую рожу наел? Вот-вот медальку нацепит “За боевые заслуги”. Проза жизни, друг мой. Каждому свое...

Садков зло сплюнул, натянул на сырое белье комбинезон.

— Ладно, пошли скорей. Начальство ждать не любит.

В штабе — уйма командиров. Все заместители командира полка, начальник штаба, начальник разведки, штурман, командиры эскадрилий, политотделовцы и штабисты.

Командир полка подполковник Поварев встает из-за стола и протягивает руку капитану Садкову:

— Докладывайте, капитан, что, где и как.

Садков прокашливается и, повернувшись ко мне, бросает:

— Докладывай ты...

Я разворачиваю карту с маршрутом нашего полета и тыкаю ручкой в кишлак Фатихабид. Все внимательно слушают, особенно на галерке. Про себя жалею последних. Бедняги, только и живут нашими рассказами. Постреляют иногда для разнообразия по консервным банкам — вот и вся их боевая деятельность. А ведь получают ордена. Говорят, жребий кидают. Большинство штабников и политотделовцев уже сейчас наградами “брякают”.

— Так-так, — задумчиво говорит после моего доклада подполковник Поварев. — И много караванов?

— Вся долина ими забита, — с готовностью отвечаю я.

— Это хорошо, будет где разгуляться бомберам.

— Командир! Но там большинство мирных!

— А ты откуда знаешь? Было решение правительства, запрещающее караванам переходить границу? Было. Должны “духи” об этом знать? Должны. Целая радиоволна на них работает? Работает. Вас обстреляли, пробоину сделали? Сделали. Приказ у нас есть? Есть. Будем выполнять, товарищи.

Он взглянул на часы, потом повернулся к Садкову и приказал:

— Через полчаса — колеса в воздух. В одиннадцать тридцать с Баграма взлетают самолеты. Ваша задача — навести бомбардировщики на караваны. Работать будете на уничтожение.

Разинув рот от удивления, я толкнул побледневшего Садкова. Не дав нам возразить, подполковник поспешно добавил:

— Я доложил обстановку командующему, и он приказал наводить самолеты именно вам. Так и сказал, что вам лучше знать обстановку, а за наградой дело не станет. Так что держайтесь, товарищи.

— Но как мы определим, какой караван стрелял по нам? — опомнился я, с ужасом понимая, что в опознавании “объекта для уничтожения” мне отводится решающая роль.

— Там, на месте, разберетесь. Вы видели караваны, вам будет легче, чем другим, — в мертвой тишине закончил он и, обращаясь ко всем, добавил: — Полк в Баграме третий день без работы сидит. Ухватились за мой доклад, будь он неладен. Честно сказать, мне самому не по нутру эта затея. Но, я повторяю, приказ есть приказ. Не подкачайте, ребята, сам командующий на проводе будет, — он похлопал меня по плечу и подтолкнул к выходу.

Как сквозь сон услышал голос капитана Садкова, хотел окликнуть его, но не решился. Проводил взглядом его коренастую фигуру, скрывающуюся за дверью кабинета командира полка. Мимо меня, сочувственно кивая, прошли замы. Оживленно

переговариваясь, вышли на перекур “бездельники”. Мой непосредственный шеф, штурман полка, с долей зависти проговорил:

— Не торопись с расчетами, учти ветер, возьми поправку. Не подведи меня. Слышал — сам командующий следить будет. Толком отработаете — по звездочке получите. Чем черт не шутит, может, на золотую потянете, — вполне серьезно закончил он свое напутствие.

В сердцах я сплюнул под ноги, потоптался на месте и уныло побрел на стоянку. “Придет, не маленький, — подумал о Садкове и тут же чуть не взвыл от бессилия: — Какая там к черту операция! Где теперь найдешь тех людей с ослами?”

На хвостовой балке красовалась свежая заплата. Можно только удивляться работоспособности техников. Выбросив клубы черного дыма, отъехал от вертолета топливозаправщик. На земле лежали снятые ракетные блоки. Рядом стояли прямоугольные зеленые ящики, в которых аккуратными рядками были уложены неуправляемые снаряды. На месте блоков висели двухсоткилограммовые бомбы. Лейтенант Костин, закончивший подсоединение бомб, отряхнул руки и удовлетворенно сказал:

— Готово.

Кивнув ему, я молча поднялся по стремянке в грузовую кабину. Мурлыкая под нос, Юрий набивал ленту крупнокалиберного пулемета. Он только что искупался. Весело взглянул на меня:

— Загораем, флагман? Иди ополоснись. Десантура на базу подалась, отбой на сегодня.

— Обойдусь. Как машина? — хмуро поинтересовался я.

— Нормально машина. Пуля в молоко угодила. Как не задела усилительный шпангоут — ума не приложу. Повезло нам, Санек.

— Повезло, как утопленникам, — не выдержал я. — Готовься, через пятнадцать минут взлет.

— Куда?

— На кудыкину гору! — отрезал я.

— Чего злишься, сказать не можешь толком? Балабол несчастный!

— Сам ты балабол. Придет командир, скажет, куда, — переразнил его я, растянувшись на боковом сиденье.

Юрий обиженно фыркнул и согнулся над стальным патронным ящиком. Я закурил, уставившись в потолок. Было душно, мухи и те куда-то попрятались. Неудачно затянулся дымом и закашлялся. Щелчком швырнул окурочок в дверной проем, смахнул с губ крошки табака и закрыл глаза. Тут же прозвучал на повышенных тонах голос борттехника:

— Убери, не свинячь.

Я открыл глаза:

— Ты кого обзываешь?

— Вас, сэр... Я твои бычки убирать не нанимался.

Мой окурочок действительно угодил под ноги Юрию. Привстав с сиденья, я носком ботинка пнул по окурочку.

— Ладно, не злись. Давай помогу?

— Иди ты со своей помощью знаешь куда?

— Слышь, Юра, ты извини. Нам с тобой обоим напакостили. Подложили ежа под задницу. Так вот...

Юрий рассмеялся. Ткнув меня кулаком в бок, сказал:

— Еще бы! Садков доложил таким тоном, что можно было подумать, нам вот-вот каюк. Подполковник Лысько еще пороха подсыпал. Теперь готовься к бою. Так, что ли?

— Догадливый ты, Юрка. Сам командующий приказал наводить авиацию на грозного противника.

— Ты что, серьезно? Самолеты! Мать честная! Я-то думал, на доразведку! Вы что, все с ума посходили?..

— Ты на меня не ори. Тоже мне, критик нашелся. Я, что ли, затеял эту кутерьму? Будут меня спрашивать!

— А кого же спрашивать, если не тебя? Ты же первый заверещал: “Стреляют...” У меня чуть перепонки в ушах не лопнули.

— Ты тоже хорош! Вытаращил шары, кричишь во всю глотку: “Дыра в фюзеляже, трансмиссия пробита, спасайся, кто может!”

— А сам-то в штаны не наложил?

— Не успел, Юра, не успел. И вообще, что ты ко мне привязался? Придет командир — пытай его на здоровье. Мое дело маленькое.

— Все вы такие. Привыкли на горбу командира в рай въезжать.

— Когда это я въезжал? Сам ты шестерня ржавая. Только и делов у тебя — винтики, болтики, гаечки. Скажут налево — пойдешь налево. Направо — так направо. Прикажут открыть огонь — откроешь. Даже не пикнешь. Нашелся мне борец за справедливость...

— Что ругаетесь? — раздался снаружи вертолета бас заместителя командира полка по боевой подготовке полковника Нечаева. — Неубитого зверя делите?

— Никак нет, командир. О женщинах толкуем. Как вы думаете, при матриархате мужчина женщиной овладевал или она им?..

— О вылете надо думать...

— Блоки заряжены. Заправка полная. Ждем капитана Садкова, — доложил Юрий.

Нечаев с любопытством оглядел аккуратную круглую заплату на хвостовой балке, осмотрел вертолет, не забыв похлопать по брюху серую бомбу, натянул на голову шлемофон и влез в кабину. Юрий потоптался на месте и нехотя полез следом за подполковником. Включил аккумулятор и спросил:

— Запускать?

— Давай, Юра, давай...

— Командир, можно вопрос? — сказал я. — А где Садков?

— Приболел ваш командир, животом страдает. Доктор его отстранил.

— Понятно... И второй вопрос. На кого бомберов наводить будем?

— А это уже не твоего ума дело. Найдем на кого... Надо отбить им охоту обстреливать вертолеты.

— Да где их найдешь, товарищ подполковник, ослов тех!

— Найдем. Не тех, так других. На наш срок “духов” хватит. Пора, ребята. Юра, включай “радио”.

Говорят, война списывает все ошибки и просчеты. Но свои собственные грехи ложатся тяжелым камнем на сердце. О них мы умалчиваем, но не забываем никогда! Как знать, внезапно заболел Нечаев — был бы тот вылет или нет. Однако сейчас я знаю наверняка — добродушный, исполнительный Нечаев больше никогда не согласится на подобный вылет, он заболел. А я буду всегда завидовать Садкову и злиться на него...

...Самолеты бомбили, расстреливали караваны. Ревущие турбины авиационных двигателей наполнили долину сплошным душераздирающим грохотом. Пара за парой выныривали из-за перевала ширококрылые бомбардировщики и, сорвавшись в пике, неслись к земле. На нужной высоте умелые руки пилотов нажимали на кнопки пуска и тяжелые пятисоткилограммовые бомбы отрывались от брюха и падали вниз. Тут же раздавались залпы реактивных снарядов и ракеты устремлялись вдогонку пузатым чудовищам. Не успевали самолеты выровнять полет, как раздавался грохот бомб, и тут же — токующая трель взрывов реактивных снарядов. Так и не увидев результатов своей стрельбы, летчики разворачивали самолеты вблизи пакистанской границы, освобождали боевой курс и скрывались за перевалом, готовясь к повторному удару. Не успевала земля оправиться от безжалостного укола, как следующее звено “сухариков” выпускало серию ядовитых жал в ее тело.

Внизу творилось невообразимое. Вся долина представляла собой развороченный муравейник.

Караваны перемешались в кучу. Испуганные животные, обезумев от ужаса, шарахались от разрывов, падали на землю, срывались в огромные воронки. Я видел, как выбегали из шатров люди. И снаряды вонзались им прямо под ноги. Оставшиеся в живых тут же падали, пораженные осколками. Несколько мужчин, выставив дула допотопных винтовок, открыли по нам огонь. Огненный смерч взрыва поглотил их. Ветерок раздул дым, и на месте лежавших людей открылось лишь пятно черной копоти. А самолеты все срывались и срывались в пике. И невозможно было остановить эту ужасную мельницу, запущенную чьей-то безжалостной рукой.

— Уйдите с боевого курса, вы нам мешаете! — раздался азартный голос кого-то из летчиков.

Они тревожились за нас! Нас прогоняли, мы мешали им! Пикирующие коршуны боялись столкнуться с птахами, парящими у земли.

С набором высоты мы отклонились к югу. Закрыв лицо руками, я просидел до конца операции. В эфире звучали слова команд, ликующие возгласы летчиков, веселая перепалка при выборе очередной цели. Нас никто не вызывал. Долина кишела караванами. Ведущие сами выбирали объекты для уничтожения. Отработала последняя пара и, пожелав нам удачи, самолеты скрылись за перевалом.

Все было кончено. Зашли на фотографирование. И убрались восвояси. На базе вдруг обнаружилось, что фотографирование не получилось. Юра забыл включить необходимые тумблеры.

Поздно вечером в комнату кто-то постучал. Я валялся на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Послышался приглушенный разговор, а затем голос капитана Садкова:

— Ты не спишь?.. Выйдешь?..

Оттолкнувшись от подушки, я рывком соскочил на ноги и подошел к двери. Встретился взглядом с добрыми грустными глазами Юрия. Кивнув на Садкова, он постучал пальцем по кадыку и для убедительности задрал комбинезон. За поясом у него была бутылка водки.

— Пойдем покурим на свежем воздухе, — нарочно громким голосом сказал он, подмигивая левым глазом.

Я повернулся к Садкову. Он отрицательно покачал головой и вполголоса сказал:

— Мне нельзя, завтра спозаранку — на Кабул. А ты сам смотри. Командир распорядился дать вам выходной, так что гуляй.

Я вышел, чувствуя на себе его озабоченный взгляд. Владимир переживал за нас.

В небе сверкали звезды. На четвертом развороте урчал вертолет. Мы стояли около умывальника и молча всматривались

в ночной сумрак. Зажглись посадочные огни, показалась тень вертолета, потом возник яркий сноп посадочных фар и пыльный вихрь отброшенного лопастями воздушного потока. На смену севшему вертолету взмыл в небо его ведомый, выключил фары и скрылся во мраке.

— Патрулируют, — нарушил молчание Юрий. — Пойдем, Саня, в укромное местечко. Помянем убиенных сегодня воинов ислама.

Укромным местечком стал дежурный вертолет поисково-спасательной службы. Юра открыл дверь, достал два граненых стакана, наполнил их.

— Закуски не взял, занюхаем рукавом, — сказал он. — Выпьем, потом поговорим.

Мы выпили, но разговор не клеился. Юрий разлил остатки водки и, хлопнув себя по лбу, выбежал из вертолета. Я закурил, слушая непривычную тишину. Не прошло и минуты, как появился Юрий. В руках он держал ломоть хлеба и луковицу. Из кармана торчало горлышко второй бутылки.

— Хотел оставить на праздник... Будет день — будет пища. Сегодня она нужнее. Выпьем, флагман, и споем песню. Ты знаешь русские народные? Нет? Я тоже не знаю...

Юрка молотл всякую чепуху и чем больше пил, тем болтливее становился. Постепенно и мое тело налилось приятной теплотой, захотелось говорить, плакать, смеяться. Забыв обо всем на свете, мы о чем-то спорили, злились, потом обнялись, как братья, и загорланили:

*Ах, зачем я на свет появился,
Ах, зачем меня мать родила...*

Смутно помню, как мы добрались до модуля и кто нас растащил по комнатам. Садков раздел меня и уложил в постель.

А на следующий день, больной и помятый, я вышел из модуля и столкнулся с подполковником Нечаевым.

— А я к тебе, — весело поздоровался он. — Ты что такой бледный? Перебрал вчера? Нет? Молодец! Переболею, а вечером заходи ко мне. У меня бутылочка коньяка припрятана, из отпуска привез. Ты слышал? Разведка доложила, что самолеты уничтожили до шестисот “духов”... Разведке верить надо.

На то они глаза и уши, — добавил он, выжидающе взглянув на меня.

— Глаза и уши... — иронически протянул я, морщась от головной боли. — Уж вы-то сами видели “душманов” в юбках...

— Ты это дело брось, — нахмурился Нечаев. — Потери среди населения неизбежны, ты это прекрасно знаешь. А шестьсот “духов” — это кое-что...

— Я верю своим глазам, командир...

— Знаешь, парень, ты бы лучше помалкивал. Есть официальные данные разведки, а свое мнение оставь при себе. Так-то... Приходи вечером на коньячок...

— Спасибо, командир, в следующий раз. Завтра мне на вылет.

Вот и все, что случилось в тот день.

В отпуске я встретился с подполковником Нечаевым. Мы выпили бутылку коньяка, вспомнили друзей-товарищей. И знаете, что он сказал мне на прощание? “Я не знаю, куда девать свои воспоминания...”

КАПКАН

Безымянному офицеру Советской Армии и его солдатам, погибшим в июле 1984 года в Афганистане, в восточных отрогах Гиндукуша вблизи озера Суруби, посвящаю.

Лейтенант Андрей Оверин с тоской и грустью провожал взглядом меркнувшие лучи вечернего заката. Прищурившись, через разбитое оконце в стене он наблюдал, как желто-оранжевый диск солнца нехотя перевалил за горную гряду и окончательно спрятался за изгибом русла полноводной в это время года реки. Он облизнул губы, такой близкой показалась ему живительная вода, в которой, напившись досыта, утонули цветастые блики заката. Ему захотелось вскочить на ноги и, послав всех к черту, припустить что есть сил под гору. По пути скинуть с плеча автомат, отстегнуть поясной ремень с гранатами, снять промокшую кровью куртку, остаться в чем мать родила и бухнуться с разбега в зеркальную гладь воды. Он представил, как обожгло грудь холодом, свело руки и ноги ледящим зудом. Как от удовольствия закричал, и вода хлынула ему в глотку. И он, захлебываясь, пил, пил, пил. Долго, непрерывно, как огуречный рассол после недельной пьянки... Потом развалиться на мягком песке, зарыться по уши в теплом иле и безмятежно уснуть. И снова купаться, и снова пить. Набрать полную горсть мелких круглых камешков и пустить “блинчиков” вдогонку волне. Закинуть удочку и поймать огромную рыбину. Развести костер и сварганить ущицу. С удо-

вольствием поглядывать сквозь очки на облака в синеве неба, ласковое солнце и стаи птиц, облепивших скалы. Вновь почувствовать себя не загнанным зверем, а свободным человеком. Он на минуту зажмурил глаза, окунувшись в лазурный мир желаемого, но досадная дробь пулемета заставила встрепенуться. Оверин недовольно открыл глаза, поморщился, обведя взглядом серые стены дувала, подумал: “Могильник какой-то. Неужели здесь сдохну? Надо на солнце, солнце, солнце...”

Попытался проглотить комок, застрявший в горле. Зло сплюнул сгусток приторной слюны и глухо застонал от бессилия и безысходности. Откинул автомат в сторону, обхватил голову ладонями, потряс ее, стараясь выгнать из мозговых извилин радужные мечты о воде и спасении. Во все легкие, открытым ртом глотнул пыльного воздуха, поперхнулся и судорожно забился в сухом кашле. Из носа и рта потекла кровь — теплая и соленая. Чем-то сдавило живот. Он почувствовал жжение в паховой области, сильную слабость и зуд во всем теле. Боясь умереть неожиданно, нелепо, сразу, без агонии и борьбы за жизнь, скороговоркой пробормотал:

— Не конец ли приходит, Андрюха? Ну-ка, бери, браток, себя в руки. Трем смертям не бывать, а одной не миновать.

Оттого, что заговорил вслух, он почувствовал себя не так одиноко в этом проклятом “могильнике”, за порогом которого застыл, раскинув руки, изрешеченный пулями Витя Кочергин, а в трех метрах от него, скошенные одной пулеметной очередью, тела двух Сергеев. Наступала ночь, и Оверин отчетливо понимал, что жить осталось немного, до темноты.

Дрожащей рукой достал помятую сигарету. С унынием подумал: “Последняя”. Попытался прикурить ее, но новый приступ кашля сотряс тело. Он протяжно застонал, на глазах выступили слезы. Кое-как сделал несколько затяжек и щелчком выкинул окурочок за порог. Сигарета упала возле тела Витька и погасла.

“Скоро и моя жизнь погаснет, — пришла в голову мысль. — Последняя сигарета, последняя затяжка — и мрак, пустота”.

Стало муторно на душе. Он паниковал, трусил, в чем было трудно признаться самому себе. Не от страха смерти и боязни боли протестовала его душа. Гибель ребят и собственное израненное тело смирили его разум с фактом близкой гибели. Само понятие смерть стало обыденным понятием, как бы пройденным этапом. Он умирал несколько раз. В прошлую операцию, когда выстрел из гранатомета накрыл их позицию на вершине горы, размазав радиста Савченко и Колю Вершинина по скалам. И он, контуженный, чудом уцелевший в суматохе боя, очнулся от прикосновения ласковых рук медсестры в медсанбате. Уже тогда, на больничной койке, от безделья, в тишине он философски смирился с мыслью о неотвратимом конце. И сегодня он умирал трижды. Тогда, когда пули, прошив Сергеев, вонзились в глинобитные стены дувала. Когда упало на пороге “могильника” изрешеченное тело Кочергина. Когда он сам, получив по пуле в живот, руку и ногу, кое-как перетянул бинтом раны, перешагнул через психологический барьер предстоящей физической смерти. Он был готов ко всему, но все же...

Было что-то другое, мучившее и злившее его до бесконечности, заставлявшее выть, скрежетать зубами, смотреть на солнце и крыть матом свою судьбинушку. Он не хотел подышать в этом “могильнике”, на грязном полу, в собственной кровавой луже. Боялся потерять сознание и попасть в плен. На миру и смерть красна. А тут он один. И узнает ли кто, что он, лейтенант Оверин, с честью выполнил свой воинский долг? Вспомнят ли его? Добром или злом? Простит ли Бог прегрешения? Успокоится ли его душа в том загробном мире? Вопросы, вопросы, на которые нет ответа. Для него, Андрюхи, все будет кончено в этой мерзкой хате.

Как в тумане, ворох мыслей ворочался в его воспаленном мозгу. Чем слабее становилось тело, тем медленнее реагировало сознание. Становилось обиднее, ужаснее и страшнее. Он так и не успел додумать, дорешить для себя, трус он или нет. Его время остановилось, оставив другим решать вечный вопрос жизни и смерти. Ясно было одно, что его час пробил. Надо было спешить. Мозг устал, а израненное тело просило отдыха, вечного покоя.

Громкое эхо выстрелов из носовых пушек вертолетов огневой поддержки и залпов реактивных установок “восьмерочников” слилось воедино, пронеслось над долиной, спряталось в ущелье и затерялось в узких каньонах горной гряды.

“Бесполезно. Калибр маловат. “Градушки” б сюда или тяжелые танки. Мигом “душков” выкурят из подземных нор и муравейников”, — тоскливо подумал Оверин, машинально, уже в который раз шаря усталой ладонью по поясу. Почувствовал всем телом пугающую пустоту и легкость кармашков из-под патронов.

Вспомнил своего командира, — капитана Никитина, который находился там, за насыпью, в каких-то трехстах метрах. Уже пару часов он держал под огнем всю “зеленку”, не давая “духам” прорваться через насыпь и всем “гуртом” разделаться с ним, лейтенантом Овериным. Еще на базе капитан строго предупредил:

— Никакой отсебятины. Быть готовыми сходу принять бой. Идем на проверку караванов. Главное — не отрываться, наблюдать друг за другом, не ловить ворон. Всем держать в поле зрения командира и радиста. Тебя, Андрей, особенно касается, — повернулся в сторону лейтенанта командир. — В прошлый раз ты увлекся преследованием. Если бы не отсечный огонь вертолетчиков, сам знаешь, что было бы.

— Бы да бы, — взъерепенился Андрей. — Понял, осознал, на привязи, как осел, следом ходить буду. Только забыл ты, командир, что в прошлый раз мои ребята караван обнаружили, обшарив соседнее ущелье.

— Раз на раз не приходится. Я тебе, Андрей, как другу говорю. Не увлекайся. Помни, ты командир, а не осел... Не только за себя отвечаешь. Перед матерями, Родиной, наконец. У “духов” головорезы, а у нас пацанва. Половина хлопцев — необстрелянные салаги. Не обижайся ты, садовая голова...

Сердиться Оверин долго не умел. И уже после осмотра первого каравана слышался его возбужденный голос:

— Героинчика-то сколько взяли, командир! Молодцы наши огольцы, нюх у Витьки, как у натасканной собаки. Везет нам сегодня, как никогда. Всегда бы так...

И повезло, черт возьми! Накаркал на свою голову. Под самый вечер произошла осечка. Непоправимая, неотвратимая и последняя в его жизни. Этот караван был “пустой” в прямом смысле слова. Обычный, с тряпичным барахлом, ставший на отдых на песчаной насыпи. А он тогда был взвинчен от выпавшей за день удачи и раздосадован от последнего прокола. Спокойные лица кочевников и суета беспокойной детворы разозлили его. Старый аксакал — старший каравана — в новом белоснежном халате, с кинжалом на боку и доисторической винтовкой на плече хмуро выговорил на ломаном русском языке:

— Ищите не там. Оружия нет. Не надо грабить, мы мирные. Возьмите бакшиш и оставьте нас в покое.

Оверин и не думал их грабить. Так, потрясти немного, может, что и клюнет. Он с досадой наблюдал, как двое тезок Сергеев, распотрошив мешки с товаром, раскидывали по земле тряпичный хлам. Нагнулся, подобрал кулек с джинсами. Не поленился разорвать целлофан, надеясь найти наркоту. Нутром чувствуя, что голяк, отшвырнул пакет прочь. Недовольно ответил аксакалу:

— Все вы мирные, когда спите или в покойниках числитесь. Знаю я вас. Днем в торгашей играете, а ночью стреляете. Проверим — отпустим. Товар немного подпортим, не обессудь. Служба такая. Дома на печи тебе, старик, сидеть надо, не хрен по горам лазить.

Андрей матюгнулся, хотел гаркнуть на развеселившуюся, осмелевшую детвору, передумал и зло добавил:

— Уйми душманчиков. Меня от них тошнит. Не верю я вам. Все одним миром мазаны. И старики, и пацаны. С вами надо держать ухо востро. Где оружие, старик? Говори, пенек старый.

Аксакал нервно дернул плечами, покосился в сторону гор:

— Там... Возьми, если сможешь. А нас отпусти, мирные мы.

— И возьму. Сынки там твои, а, старик? Воют с нами, а мы с тобой тут цацкаемся. Пулю бы тебе влепить, да скоро сам подохнешь. А до сынков твоих мы доберемся. Скажи только,

как они выглядят. Ненароком не узнаю, пристрелю сходу. Хочу поговорить по душам, через полевой телефон.

Понял ли его старик? О чем думал он, мрачно теребя бороду? Помолчал, грустно ответил:

— Все помрем. Да простит Аллах мои прегрешения. Всех вам не перестрелять. На земле мы своей, а вы здесь чужие. Уходите домой, так будет лучше.

Оверина окликнул Витек. Показал стволом автомата на кучу серых дувалов, притулившихся к подошве горной гряды.

— Смотрите, командир!

Это был вызов судьбе. В неровных просветах “зеленки” мелькали люди. Они падали, вскакивали, ползли, суетились, как в непонятной детской игре. То, что непонятно, то опасно. Такого правила придерживался лейтенант в этой страшной войне. Он почувствовал, как его охватывает охотничий азарт, как у собак, загоняющих волка в красный круг. Вскочив на ноги, ехидно взглянул на аксакала.

— Вот и сынки твои объявились. Теперь посмотрим, кто кого. Хочешь с нами? Увидишь, как русский солдат контру бьет.

Старик неопределенно мотнул головой, ничего не ответил. Встал на колени и, не обращая внимания на лейтенанта, забубнил слова молитвы. Проклинал или призывал к миру умудренный жизненным опытом седой кочевник, Оверин так никогда и не узнает.

— Вперед! — забыв о старике, бросил на ходу Андрей, прижимая к груди автомат, кубарем скатываясь с песчаной насыпи. В последнюю минуту запоздало успел все же вспомнить о предупреждении Никитина. Увидев догоняющих его Витька Кочергина и двух Сергеев, подумал: “Осмотрю ближайший дувал, прощупаю людишек, может, мирные, зачем отвлекать Никитина. Начнут стрелять — помогут вертолеты, как тогда...”

Решение войти в дом и было его роковой ошибкой, цена которой — жизнь. Боже мой! Этого тогда он не знал. Всей четверкой они вперлись в просторное помещение с одним выходом, окруженное высоченной стеной. Брошенные хозяевами

смежные пустые комнаты с голыми стенами и сорванной с петель массивной дверью, валявшейся на замусоренном полу, впоследствии ставшей надежным укрытием. Неожиданно снаружи что-то оглушительно гроыхнуло. “Заряд сработал, что-то сволочи взорвали”, --- мелькнула мысль. Тут же послышалась дробная разноголосица автоматных выстрелов. Неторопливо застучал крупнокалиберный пулемет. “Началось. Кажется, приплыли”, — подумал Оверин, крикнув ребятам:

—Назад! Быстро к своим на насыпь. Я прикрою.

Два Сергея молча развернулись и, мешая друг другу в дверном проеме, выскочили из дома. Из-за огромного валуна на дальнем краю ограды ударила длинная очередь ручного пулемета. Пунктирная линия рваных дырок разорвала пятнистую материю маскхалатов на груди Сергеев, прошла сквозь мякоть туловищ и вонзилась в глинобитную стену. Без крика и стога оба повалились на землю. Тут же, зарываясь в песок, из-под тел зловеще поползли бурые струйки крови. Андрей оттолкнул Витька от выхода, проскрежетал зубами, плюхнулся на пол. Быстро перегородил дверью вход в дом, передернул затвор автомата, прошептал:

— Спокойно, Витюха, спокойно. Главное, не паниковать. Ах, сволочи, ах, сволочи! Обоих одной очередью... Не уберег я ребят, Витек. Вдвоем остались. Не высовывайся за дверь, успокоятся, решат, что всех кончили. Сунутся проверять, тут-то мы их и прищучим.

Он как в воду глядел. Из-за валуна показался один душман. Прополз с десятков метров и настороженно поднял физиономию. Оглядел пустынный двор и, заметив убитых десантников, удовлетворенно хмыкнул. Осмелев, гортанным голосом крикнул товарищам. Вскочил на ноги и, строча из автомата, устремился к входу в дом. Следом, угрожающе рыкая, бросились еще несколько человек. Передний душман, в горячке расстрелявший все патроны, остановился. Попытался на ходу сменить запасной рожок, помешав бежавшим сзади товарищам сосредоточить огонь на дверном проеме. Этой заминкой и воспользовался Андрей. Лежа на животе, тремя одиночными выстрелами расстрелял переднего. Схватил гранату, размах-

нулся и удачно метнул ее под ноги бегущих. Взрыв взметнул песчаный грунт, взрыхлил землю, раздробил камни, подняв облачко серой пыли. “Раз, два, три”, — как на ученьях, отсчитал он, схватил автомат, рывком вывалился за порог. Секунды ему хватило, чтобы осмотреться, протереть глаза и нажать на спусковой крючок. Сзади над головой заработал автомат в руках Виктора. Сержант что-то прокричал, но было плохо слышно. Перестрелять залегших во дворе “духов” для Оверина было делом двух секунд. Для верности он всадил по пуле в убитых взрывом гранаты. Успел заметить удивленные лица людей за козырьком скалы, растерянно смотревших на молниеносный поединок. Увидел, как двое самых любознательных неуклюже вывалились наружу. “Витек долбанул”, — последнее, что подумал Оверин в этой суматошной схватке. Он повернулся назад и, споткнувшись о порог, кувыркнувшись через голову, влетел в комнату. Прижался к стене, быстро сменив патронный рожок. По входу в дом ударил шквал огня. Стреляли из всех видов оружия. Пули впивались в мякоть толстенных глинобитных стен, отламывая мелкие кусочки, кроша известковую пыль. Наконец, огонь стих.

Лейтенант чертыхнулся, с удовольствием чихнул, осторожно приподнял голову, обрадовался, увидев невредимого сержанта Кочергина.

— Отсекли нас, Витек, — тихо выдавил Оверин, чиркнул зажигалкой. Закурил сигарету и, глядя в дверной проем, тихо добавил: — Их там уйма. Ты двоих лихо завалил, молодец. Перекрыли нас. В капканчике мы. Ребят угробили. Я виноват, не послушался капитана. Век себе не прощу, если жив останусь.

Ближайший помощник лейтенанта — двухметровый, добродушный, с веснушчатым лицом, постриженный наголо сержант, восхищенный смелой вылазкой командира, беспечно проговорил:

— Ничего, выкарабкаемся. Не впервой. Не в таких переделках бывали. Наши выручат. А вы, командир, даете. Ловко “душков” подсекли. Человек восемь к праотцам отправили. Сосчитать не успел, те двое вылезли. Пришлось и мне пострелять.

Витек уважал своего лейтенанта. За ловкость, бесшабашность и честность. Да и разница в возрасте была невелика. Он и сейчас верил Оверину до бесконечности. Не сомневался, что командир найдет выход. Теперь дело Кочергина — отвлечь командира от тяжелых мыслей. Стараясь не смотреть на окровавленное, пробитое десятками пуль и осколков, покрытое пылью месиво — то, что осталось от двух тезок Сергеев, протянул:

— Жуть... На то она и война. Никто не застрахован от пули. Судьба. Выкарабкаемся — похороним с честью. Родина нас не забудет.

Лучше бы он не говорил последней фразы. У лейтенанта зашевелились желваки скул. Он скомкал пачку из-под сигарет, сжал ладонь в кулак и хрикнул им по полу. Замычал, завыл по-звериному. На минуту замолк, уткнувшись лицом в рукав маскхалата. Тихо проговорил:

— О чем ты, Витек? Родина, честь, Отчизна. Ты что, белены объелся? Да кто нас вспомнит добром? Мать, жена? Да и то пожалеют. Про нас фильмов-то не снимут, как мы здесь, в Афгане, подышали. Суперменов каких-то сделают, наемников, уголовников. Но только не героев этой войны. Все, Витек, умрет вместе с нами. Не нужны мы ни своим, ни чужим. Для одних — отработанный материал, для других — убийцы, изверги. Мы — потерянное поколение, Витек, списанное оптом в никуда. Трудно судить, что будет дальше в Афгане и стране нашей непредсказуемой. А ты: “Родина нас не забудет”. Мы — живые свидетели срама и позора правителей. А свидетелей... сам знаешь, куда засовывают. На свалку, в небытие, к черту на кулички. Тоже мне — Родина. Другая жена, совсем другая, Витек. Выздоровеет Родина, тогда, может, нас вспомнят. Только когда это будет...

Кочергин не совсем понимал командира, его жарких слов. Постарался перевести разговор на другую, понятную ему тему.

— Укрытие у нас удобное. Стены толстые, гранатомет не возьмет. Выживем... Атаковать могут только с открытой позиции. Мы тоже не лыком шиты, еще с десяток положим. Пусть только сунутся. Слышите? Наши долбят с насыпи, вертушки

страх нагоняют. Скоро драпать будут душманчики. Выручат нас. Только патронов маловато. Кто думал в капкан угодить? К ночи, думаю, выберемся.

Кочергин повел стволом автомата, заметив очередную бородатую физиономию, выглянувшую из-за валуна. Плавню нажал на спусковой крючок. Очередь ударила прямо в лоб человека, раскроив ему черепную коробку. Послышались проклятия. Витек удовлетворенно хмыкнул, осторожно выглядывая наружу.

Андрей до последней минуты и сам верил, что выручат. Шло время. Он радовался удачным выстрелам, подбадривал себя и Витьку: Громко распекал командира врагов, посылавшего потенциальных мертвецов на открытый двор, под губительный огонь автоматов десантников. Вдруг с ужасом понял, что кончаются патроны, а людей у противника навалом и чужой жизнью он совсем не дорожит. У Кочергина боезапас кончился раньше. Он отстегнул от пояса гранату и протянул лейтенанту:

— Держите, командир, последняя. У вас получится лучше. Нам бы патронов тысночочку, хрен им тогда нас взять. До утра бы продержались. У Сереги длинного на боку целая сумка россыпью, вот бы ее достать.

Сержант принял решение неожиданно. Мгновенно и бесповоротно. Так бывает на любой войне. И решение может принести удачу или гибель. Как повезет. Витьку не повезло.

С минуту он поерзал на полу, окинул тоскливым взглядом пустые рожки из-под патронов, тяжело вздохнул, вглядываясь в дверной проем, прикинул расстояние до Сергея, насупился, резко вскочил на ноги и, крикнув: “Я мигом!”, — ринулся к телам товарищей. Витек успел схватить сумку и развернуться вполоборота. Размахнулся и попытался кинуть сумку Оверину. Не успел. Сломался пополам, раскинув руки, уронив сумку. Точный выстрел снайпера сразил сержанта наповал. Тут же яростно застрочили автоматы и пулемет, вогнав в бесчувственное тело Кочергина сотни пуль. Витек превратился в то же, что осталось от двух Сергеев, упав рядом.

Не успел лейтенант удержать своего последнего бойца, потерял друга, потерял и надежду. Теперь он остался совсем один.

И только глаза Витька преследуют Оверина. В них укор, тоска, злоба и чувство вины перед Андреем. И он, бравый командир погибших ребят, в растерянности бросивший последнюю гранату в сторону валуна, получивший по пуле в живот, руку и ногу, умирает на грязном полу и льет слезы.

Теперь стало ясно, что они напоролись на многочисленный вооруженный отряд, базирующийся в мертвом кишлаке. “Духи” насквозь простреливают треклятую насыпь. Они не дадут возможности капитану Никитину пробиться на помощь к нему, лейтенанту Оверину. Андрей отчетливо осознал, что пока он стреляет, капитан не отступит, не бросит его. Ночью от вертолетов толку ноль. Броня и подкрепление подойдут на рассвете. Вспомнил слова Кочергина о капкане. Представил, как тяжело будет обороняться десантуре на открытой местности. Они тоже будут в капкане и тоже погибнут. Из-за него, слюня Оверина.

“Надо кончать это дело, — как о постороннем Андрей подумал о себе. — Пора ставить точку. Ребята поймут, что со мной кончено, и Никитин примет верное решение — улетит на базу. А утром вернутся, отомстят”.

То, что не забудут, отомстят — знал точно. Все же они были не в России. В доску свои парни, делившие горе и радость, глотавшие пыль Афгана, воевавшие не за страх, а за совесть, за Родину, пославшую их умирать на чужой земле. Вспомнил он и старика аксакала из каравана. Захотелось встретиться с ним, поговорить, поспорить. “Может, был прав старик?” — последнее, что ясно подумал он, пошатываясь и осторожно переступая через то, что осталось от сержанта Кочергина. Неторопливо поднял вверх руки. Прищурился, последний раз взглянув на небо, сделал первый шаг. Расчет был верным. Взять его решили живым. Десантура никогда не сдается в плен, а тут “спецназ”. Дикий случай. На открытую местность, настороженно сверля Оверина глазами, выскочили несколько человек. Передний поднял руку, тьякнул команду и твердым шагом направился навстречу. Это был их командир.

Как сквозь туман Андрей смотрел на подошедшего вплотную человека. Удивился его усталым глазам. С какой-то непо-

нятной жалостью окинувшего взглядом забрызганного кровью с ног до головы Андрея. Их взгляды встретились. Два командира, два воина разглядывали друг друга. Лишь любопытство читалось в глазах. Не было злобы, не было ненависти.

“Такие же, как мы, не звери, обыкновенные люди. Зачем все это, зачем?” — пронеслось еще в голове, прежде чем Оверин упал на землю. Рывком выхватил из голенища сапога пистолет, зверино рыкнув, пустил первую пулю ему в глаз. Собрав остаток сил, не обращая внимания на дикую боль, боясь потерять сознание, оттолкнул падающее на него тело, выставил вперед дуло пистолета.

“Раз, два, три, четыре, пять, шесть”, — просчитал Андрей выстрелы, успев пожалеть, что так и не узнает результатов стрельбы, сунул ствол пистолета себе в рот. Простонал, провыл с каким-то мальчишеским злорадством:

— Живым думали взять? Шиш вам!

Враги пинали его ногами, резали ножами, глумились, как могли, мстя за смерть своего командира. Но Оверин этого уже не чувствовал. Бросили в общую груды, на тела ребят. И, может быть, его душа обрела покой. Долгожданное примирение со всем миром, с друзьями и врагами.

За насыпью садились вертолеты и грузили десантуру. Не пряча слез, плакал капитан Никитин, грозил горам кулаком и клялся отомстить. Только кому и за что? Он и сам не знал. Но море крови обещал. И никто не сомневался, что капитан слово сдержит. Будет кровь, будет смерть, будет ненависть. Начнется все сначала. А может быть, нет. Кто знает?

На западе спряталось солнце. Наступила жаркая афганская ночь.

ЛЕШКА – РЫЖИК

Это был первый снег в Гардезе. Еще с утра светило яркое солнце. Невыносимо жгло лицо, спину. К обеду мощные кучевые облака оседлали вершины гор. Подул резкий ветер. Потемнела небесная высь. К вечеру закрутила серебристая поземка. Но снег таял, превращаясь в серую массу. На выбоинах и неровностях бетонки образовались лужи. Ночью слегка подморозило. Бетонка покрылась мокрым слоем льда. Порывы ветра поднимали снежинки от земли и гнали их к вертолетной площадке, примостившейся с северной стороны города. За неимением снегоочистительных машин сонные летчики спозаранку запускали дежурный вертолет. Вырулив на полосу, недовольно ворчали. Введя обороты, усердно перегоняли на края площадки снежную пыль — при потеплении она грозилась превратиться в ледяную скользкую пленку. Это было опасно для взлетающих и садящихся бортов. Вхолостую сжигалось до полутонны топлива. Не менее хмурые солдаты роты аэродромного обслуживания лениво отшвыривали кучи снега от границ площадки. Никто не мог сказать, что было выгодней: пригнать из Союза снегоочистительную машину или сжигать тонны топлива.

А в это время к востоку от Кабула в вечнозеленых субтропиках Джелалабада безжалостно жарило усталое от бесконечного бдения солнце. Светящийся желто-розовый шар упорно прогревал предрассветную дымку. К девяти часам утра по московскому времени было невозможно взглянуть вверх без солнцезащитных очков. Яркие лучи афганского солнца насквозь прожигали легкие летние комбинезоны. Сушило губы, першило в горле.

Пара вертолетов Ми-8 взлетела в шесть ноль-ноль часов с Желалабадского аэродрома. Утренняя жара только набирала силу. Пройдя южнее Черной горы, по старой Кабульской дороге они пересекли на предельной высоте горы Гиндукуша и попали в широкую долину. К восточной стороне горной гряды прижался небольшой городок, покрытый снегом. Это был центр провинции Гардез. Командир звена капитан Владимир Петров — коренастый сорокапятiletний крепыш с голубыми глазами и ершистой челкой — поспешно вернулся с СКП.

— Штормопредупреждение, — коротко сообщил он. — Срочно запрашиваем топливо на Кабул. Повезем убитого.

Правачок Петрова, двадцатидвухлетний весельчак и задир Андрей Шустов, был явно расстроен. В его расчеты не входило лететь сломя голову на Кабул. Ночевать где придется. Или возвращаться в парильню Желалабада. Он грустно окинул взглядом покрытые белым покрывалом узкие улочки города. Уныло покачал головой и выпрыгнул из вертолета. Под ногами приятно похрустывало. Снег искрился на солнце, слепил глаза. Его было много по краю площадки, целые сугробы. Подхватил пригоршню, помял, отломил кусочек, кинул в рот. Блаженно прикрыл глаза. Вспомнил о вылете, плюнул с досады и вернулся к вертолету.

— Благодать-то какая! Зима как дома, — проговорил он, усаживаясь в кабину вертолета. — Попробуй, командир, вкусно, — добавил Шустов, выжимая сквозь пальцы живительные струйки тающего снега. Капитан машинально протянул руку и остро почувствовал приятную холодноватость ладони Андрея. Взял кусок снега и кинул в рот. С удовольствием перекусил зубами, поворочал языком и, зажмурившись, проглотил. Вспомнилось детство. Мальчишеские игры в войну в окопах и бойницах, вырытых в сугробах.

— Вали, вали отсюда к командирскому. Я его сюда, рыжего, вез, — услышал Петров недовольный голос командира ведомого вертолета капитана Девятых.

Около вертушки стояла санитарная машина и хорошо знакомый капитану медицинский майор. Он что-то мямлил, без толку размахивая руками. Его просьба не увенчалась

успехом. Капитан Девярых категорически заявил: “Нет” — и демонстративно захлопнул дверку грузовой кабины. Майор помялся на месте. Вяло махнул шоферу санитарной машины и направился к ведущему вертолету.

— Не берет, — выдохнул он, вежливо поздоровавшись с Петровым.

— Интеллего, — хихикнул было Шустов, но прикусил язык, заметив вытянутый в его сторону кулак командира.

— Не болтай зря языком, — вполголоса произнес Владимир, — комбриг рассказывал, что этот “интеллего” прямо в горах оперировал, десятки жизней спас. Думай головой, а не тем местом, на котором сидишь.

Майор тем временем терпеливо ждал, близоруко и с интересом рассматривая аккуратные, остроносые головки реактивных снарядов, торчавших из стволов подвесных блоков. Два санитары вынесли носилки, накрытые брезентом, из машины и застыли около стремянки вертолета. Петров привычно обвел взглядом контуры человеческого тела на носилках и молча кивнул санитарам.

Медик тщательно протер носовым платком очки и виноватым тоном произнес:

— Несколько дней пролежал, пахнет. Попутных бортов не было. Везти-то все равно надо...

— Обстрел или самострел? — поинтересовался Петров, хорошо зная, что десантно-штурмовая бригада боевых действий в ближайшее время не вела. Майор не спеша закурил, пустил замысловатое кольцо дыма, вздохнул:

— Хуже, капитан. Неделю назад вы его из Кабула привезли. Ваш напарник сразу узнал парнишку. Два месяца мы его лечили в госпитале, пару дней прожил в роте. Наглотался до отвала всякой дряни и сыграл в ящик.

— А где он марафет приобрел?

— О, этого добра хватает. Глодают что попало, не разбираются, лишь бы кайф был. Источники разные. Шоферы в дороге приобретают. Едут через кишлаки и меняют шмотки на анашу. Только кто проверять будет, что подсунули? И проконтролировать невозможно. На каждую машину старшего офицера

не посадишь. В духанах покупают, там тоже всякую дребедень подсовывают. Когда кишлаки прочесывают, хватают что попало. В общем, с наркотиками дело о,кей, каждый второй солдат эту отраву пробовал. Вот и Лешка-рыжик — то ли наркоман, то ли токсикоман. И то, и другое употреблял. Полгода с ним мучались. Особенно перед операциями. Жить Лешка не захотел. Он ведь специально наглотался. Попал в жизненный тупик. И выход нашел страшный.

Петров с подступившим к горлу чувством жалости еще раз бросил взгляд в грузовую кабину и содрогнулся, отчетливо вспомнив лежавшего под брезентом парня и стычку со старлеем-спецназовцем...

Высокий, с тонкими, как плети, руками, бледным скуластым лицом, с взлохмаченными рыжими вихрами, в грязном, старом и кое-как местами зашитом хэбэ без погон, петличек и ремня, в кирзовых стоптанных сапогах, весь помятый, забитый, запуганный насмерть солдат с ужасом смотрел на офицера, украдкой вытирая струйки крови из разбитого носа и припухшей губы.

Поджарый, мускулистый и загорелый под цвет шоколада старший лейтенант-спецназовец, с перекошенным от злобы красным лицом, время от времени бил Лешку ладонью по лицу, приговаривая: “Сукин сын, подпога, сморчок рязанский, убить тебя мало. Из-за тебя, наркоман хренов, мне кэпа задержали”. Лешка кое-как прикрывал лицо руками. Его голова болталась из стороны в сторону, следуя движению рук офицера.

Владимир заскочил по стремянке в грузовую кабину, схватил спецназовца за руку, вывернул ее за спину и толчком бросил его на пол. Старший лейтенант выmaterился, попытался вывернуться, резко стукнулся лбом о стальную оболочку.

— Не дури, старлей, лежи смирно, — прошипел Петров в ухо спецназовцу.

— Отпусти, — прохрипел тот, — руку сломаешь. Не трону я его. Пропади он пропадом!

— А ты парнишку, гад, за что бьешь?

— Его убить мало, наркомана проклятого, — прорычал, морщась от боли, спецназовец. — Отпусти руку, капитан, сказал не буду, значит, все, точка. Ну?

Владимир разжал руки. Спецназовец, покряхтывая, встал, помассировал вывернутую руку, потер ушибленный лоб. Уселся на сиденье, закурил.

— Я тебя знаю, капитан. Месяц назад ты меня высаживал на Айлихель. Мы тогда троих потеряли, так в горах ребята и остались. Вместо трупов в цинки землю да камни положили. Чертовы гробовщики. Четко знают свое дело. Лишь бы что-нибудь отправить. Только бы не было без вести пропавших. Сколько они таких гробов отправили! Ненавижу, ненавижу! Всех! Гады! Сволочи! Проститутки! — Он закрыл лицо руками, недоговорив фразы. Резко повернулся в сторону Лешки-рыжика, и вновь его лицо исказила бешеная злоба:

— Защищаешь мерзавца? А знаешь ли ты, капитан, что он мокрота, трус, гад ползучий? Около трех месяцев в госпитале провалялся, кашку ел, медсестер щупал. У меня за это время троих на Айлихеле положили, пятерых на Аргунской операции потерял. Володька Кислов, мой замкомвзвода, на прочесывании кишлака пулю себе в рот пустил. Ногу ему оторвало выше колена. У него невеста-красавица. Калекой к ней не захотел возвращаться. Парни были золото. Где я теперь таких возьму? Этот рыжий оболтус из старичков. Вот его молодняк наркотой и снабжает. Уважение проявляют. Губят парня. Год назад был как все, ходил на “боевые”, “духов” щелкал из снайперки. Лихой был, да весь вышел. Полгода назад троих в плен взяли, отстреливались, идиоты, до последнего патрона. Шестерых ранили. Лейтенанта Белугина из “бура” в живот. Что такое “бур”, надеюсь, хорошо знаешь? Жив ли Олег? Его сразу в Союз отправили. Что и как дальше, нам не сообщают. Пока руки, ноги целы, ты нужен. Так вот этот рыжий хрен взял и отпустил одного из пленных. Сам ему помог наше боевое охранение преодолеть. Хотели под суд отдать мерзавца, да пожалели, и зря. Говорит, что отпустил душманчика по причине его малолетности. Мне же первую дырку в правом плече десятилетний слизняк сделал. И я его не пожалел, пристрелил на месте. Ребенок с ружьем — это уже не ребенок. Я ему, рыжему, морду набил, думал, у дурака мозги прочистились. Так нет, он на травку перешел. Теперь у меня еще два наркомана появи-

лись. С него, рыжего, пример берут. Видят, как мы с ним нянчимся. Дай мне волю, я его лично перед строем расстреляю, чтобы другим неповадно было. Маменькиных сынков на войне не должно быть, пусть дома мозги канифолят. В горах воспитывать некогда. Там убивают. Или ты, или тебя...

Спецназовец говорил резко и грубо. То ли он от рождения был дурно воспитан, то ли в Союзе обозлился на весь мир, или его таким сделала мало кому понятная эта война? Старший лейтенант внезапно схватил за руку Лешку-рыжика и вдруг просящим, заискивающим тоном проговорил:

— Леш, будешь еще курить? Говори правду. Если да, так я тебя здесь своими руками пристрелю, чтобы не возить взад-вперед. Какая разница, где подыхать? Сам отмучаешься и меня дергать не будешь. Хочешь, я тебе достану этой дряни и ты накуришься до смерти? Должен же быть какой-то конец. Мы тебя в цинк — и домой героем отправим. Честное слово, напишу родителям, что погиб смертью храбрых. Да вытри, Леха, сопли, смотреть противно. Скажи хоть что-нибудь. Че молчишь-то?

Лешка поежился, отвернулся и со звериной тоской уставился в блистер. Медленно повернулся, все еще с опаской поглядывая на своего командира. Облизал ссохшиеся, окровавленные губы и тонким голосом произнес:

— Не бей, командир, не буду я больше ничего, и никогда не буду.

Он беззвучно заплакал, опустив голову на колени.

И — чудо! Железный, хладнокровный старший лейтенант, шмыгнув носом, ласково положил руку на Лешкину голову и погладил его рыжие вихры.

“Боже мой, — подумал Владимир. — Зачем все это? И почему? Какой-то дурной сон эта война. Особенно для таких пацанов, как Лешка. Ему же все безразлично, принимает побои, как должное. Один лишь животный страх и никакого человеческого достоинства. Парень устал смертельно и бесповоротно. Он не может больше убивать, он, в конце концов, не понимает, за что должен кого-то убивать. Эта кроваво-мозговая

бойня поставила крест на его настоящем и, может быть, будущем. Так ведь и с ума сойти можно”.

Владимир невольно вздрогнул и подумал: “А вдруг и я свихнусь, или спецназовец? Каждый по-своему. Возьму гранату и взорвусь к ядерной фене прямо в кабине. Но Шустов и борттехник причем? Вдруг кто-нибудь из них это сделает? И этот с виду орешек-спецназовец — потенциальный псих. Если в бою не получит пулю в лоб или от своих в спину, то уж в Союзе обязательно сопьется или в тюрьму попадет. Ни он, ни я, ни Лешка не знаем, зачем мы здесь и для чего живем на этом свете. Все война перепутала. Только и знаем бомбить, стрелять, убивать. А кто дал нам такое право? Военная форма? Приказ?”

Он тогда отчетливо осознал, что по приезду домой их вознесут до небес, а потом выкинут на свалку и завалят хламом ошибок неумных и кровожадных политиканов. А этого Рыжика надо немедленно отправлять на Родину, к матери, к девушке, к друзьям, к родным березкам.

— Комиссовать бы его, а, браток? — оборвал поток собственных мыслей Петров, обращаясь к спецназовцу.

— Комиссовать, говоришь? — совсем успокоившись, протянул старший лейтенант. Криво усмехнулся, а затем нервно и надолго расхохотался. — Уморил, капитан. Тогда мне надо полроты психов на большую землю отправлять. И что они будут делать там, и с кем я буду воевать здесь? Ты об этом подумал? Некоторые письма пишут: забери, мол, командир, обратно. Не могут ребята вписаться во всю эту перестроечную кутерьму. Коммунисты, демократы, левые, правые, цивилизованные бандюги с портфелями и в галстуках. Одна шушера. Я, капитан, на второй срок напросился. Хочу домой, но не поеду. Понимаешь, не знаю, как в Союзе жить. А здесь думать не надо. Получил приказ — выполняй. Вот и с Алексеем все выяснил. Прилетим в батальон, и пойдет все как надо. Правда, Леш?

Рыжик покачал головой и прикрыл глаза. Спецназовец похозяйски растянул на сиденье брезент, положил под голову подушку, поудобней протянул ноги и проспал до посадки. Тогда они удачно пересекли перевал и приземлились в Гардезе. Лешкино лицо ничего не выражало. Он вылез из вертолета и

равнодушно уставился в горы. Старший лейтенант сладко потянулся и, хлопнув его по плечу, весело заявил:

— Приехали, Алексей. Теперь шагом марш в часть. Только харю сполосни.

Борттехник плеснул в Лешкины ладони воды. Он умылся, вытер лицо засаленным низом куртки и послушно шагнул за командиром. Сделав несколько шагов, оглянулся и виновато улыбнулся Петрову. Таким и вспомнил его капитан — жалким и растерянным.

— Откройте брезент, — попросил он санитаров. Это был тот самый Лешка-рыжик. Как и тогда, назвать его солдатом Владимир не смог. Лицо Лешки распухло, он был в том же хэбэ, а его огненно-рыжие волосы торчали в разные стороны, и спутать его с кем-то другим было невозможно. Ветерок принес в кабину трупный, приторно-сладковатый запах, заставивший лейтенанта Шустова сунуть в рот сигарету.

— Взлетаем, — глухо произнес Петров, совсем забыв попрощаться с интеллигентным и беспомощным в делах мирских майором.

НЕ ОСТАВЛЯТЬ В ЖИВЫХ

*Посвящаю участникам афганского похода —
Ивану Цуприкову и Владимиру Баландаеву*

Кишлак был уничтожен только к вечеру.

А все началось с одиночного выстрела. Прицельной или шальной пули снайпера, выпущенной из “зеленки” по вертушке, заходящей на посадку. Пуля-дура прошила тонкую обшивку “восьмерки” где-то сбоку, вошла в ухо командиру, разворотив бедняге голову до неузнаваемости. Правый летчик, обалдевший от кровавых сгустков, брызнувших ему на колени, заорал благим матом, выпустил из рук управление, усугубив ситуацию. Хвост вертушки опустился, с левым вращением “восьмерка” врезалась в скалу рулевым винтом. Сразу отвалилась хвостовая балка. Вертолет вспыхнул, как свечка, и, разваливаясь на глазах, трескающимся черным факелом кувыркнулся в ущелье. Дремавшая в грузовой кабине десантура, минуту назад бывшая смелыми, решительными людьми, теперь изломанная, обгоревшая груда мяса и костей вперемешку с металлом и керосином, еще долго дымилась на дне ущелья. Как коршун, ведомый вертолет кружился над местом трагедии, поливая “зеленку” из пулемета. Он ждал подмоги, ждал своих, ждал прикрытия.

Немедленно на место происшествия был десантирован батальон спецназначения майора Маликова. Следом с базы вышла броня и взлетела группа прикрытия. Началась одна из десятков ей подобных в этой странной, необъявленной войне операция.

Накануне отделение сержанта Владимира Жданова пополнилось новичками — желторотыми салагами-спортсменами. На базе старички заставляли двухметровых “бугаев” до седьмого пота ползать по-пластунски, носиться, как угорелых, при полной выкладке по сорокаградусной жаре, держали на голодном пайке, без грамма воды и пищи. Тот, кто осмеливался поднять спину от земли, получал громкого “леща” от самого сержанта. Резкий удар скрученной волосяной плеткой по заднице сопровождал дружный хохот старичков и насмешливый голос Кости: “Учись, салага, учись, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия”.

Уморенные от казавшейся бестолковой муштры, новички взбунтовались и потребовали воды. На что грузин Гога бодро ответил:

— Тебе не дам, себе не дам, никому не дам. В тебе воды много, ползай давай. Вода вредно сейчас, терпи, солдат, после дам. Вперед, шайтан! — он грозно закатил глаза и левым боковым врезал по печенке добродушного верзилу Сеню Савченко. От неожиданности и боли Семен изогнулся в три погибели. Грузин резко сделал подсечку, крутанул его бычьей шеей и рывком пустил грузное тело новичка в свободное плавание. Семен перевернулся через голову и рухнул лицом в горячий песок. Не успел фыркнуть, как резкий ожог ниже пояса заставил его прижаться к земле.

Плетка больно жиганула пышущее здоровьем тело Семена. Жалко всхлипывая и постанывая, он задвигал руками и ногами. Рядом, усердно сопя, обгоняя его, ползли еще три десантника его призыва. И казалось, что не будет конца этой песчаной дороге, что треснут от жажды высохшие, обкусанные губы, взорвутся от нехватки воздуха измученные легкие, выскочит из груди усталое сердце, сгорит в огне обожженная плеткой задница, наступит конец света и все кончится. Но мучения продолжались.

После ползанья приступом брали препятствия. Сотни раз лазали по лестнице и канату. Вверх — вниз. Вниз — вверх. Падали, поднимались, косились на плетку в руках сержанта и уже безоговорочно выполняли приказы. Потом были приемы

рукопашного боя. Лихо дубасили друг друга по мордасам. Доходило до драки, но Гоглидзе вовремя новичков растаскивал.

Затем кидали ножи в чучело. Сотни, тысячи раз — снимали часовых. И опять делали друг другу больно. Но уже не злились. Тупели от боли и становились равнодушными даже к собственным страданиям. В голове — шаром покати. Всего несколько слов команд, механических мыслей и вечное желание пить. Затем трехкилометровый марш-бросок вокруг палаточного городка к стрельбищу. До сумерек стреляли стоя, сидя, лежа, на бегу, в падении, через плечо, на шорох и звук. Кидали гранаты прицельно, как баскетбольные мячи в корзину. И еще черт знает чем занимались. И так спозаранку и до заката. К концу дня получали долгожданную воду.

Сержант Костя Жданов, тоже уставший, как всегда, был расположен к шутке:

— Что, братва, трудно? Это вам не солнечные Гагры. Пить много нельзя. Привыкайте глотками, а не стаканами. Семен, тебе бы воду, как брагу, в ковшике подавай. Что морду воротишь? Я тебя плеткой только по заднице. Вон она какая у тебя толстая, всех демаскирует. Больно, да? До свадьбы заживет. Не выставляй ее напоказ, а то потеряешь. Я и говорю: “духи” прострелят или голову, или ее. Ладно, кончай злиться. Мне еще не так попадало, было время. Зато видите — жив ... В горах или победишь, или подохнешь, или обузой будешь. Вот и выбирай.

Новички гордо и демонстративно молчали, миролюбиво поглядывая на сержанта и главного их обидчика — грузина Гогу. И не было на сердце зла и обиды. Все вышло с потом.

Так продолжалось с неделю. Так было надо. Так диктовала жизнь. А может, и смерть. Здесь, на базе, делились на молодых и стариков. Там, в горах, все были равны. Как перед Богом. В одних условиях. Разница была лишь в том, что выживал сильнейший. И духом, и телом. Разумом и сноровкой. Дисциплиной и инициативой. Жаждой жить и вернуться на Родину. Из стариков и из молодых. Из солдат и офицеров...

Они были одними из первых русских, ступивших на эту землю. А из русских — первыми, оседлавшие вершины Гиндукуша над злосчастливым кишлаком. Всю ночь молча и упорно долбили горную гряду, делали лазы и норы, выставляли пулеметы, ставили мины-ловушки, перекрывая возможный прорыв “духов” по рукаву долины. К утру замерли в ожидании. До обеда выдвигалась на позиции броня. Неторопливо, грозно и неотвратимо к селению приближалась гроза.

С запада и востока, на клочках обработанной земли, на песчаных барханах и скалистых возвышенностях расположились расчеты ракетных установок. Мощные танковые орудия и стволы легких бронемашин, подошедших вплотную, взяли под прицел весь хаотично разбросанный жилой массив. Отступление на север преграждала бурная в это время года река, переправиться через которую не рискнул бы и сумасшедший. В воздухе барражировала дежурная пара вертушек, готовая немедленно нанести удар по противнику. А где-то на аэродромах, далеко в Союзе, уже выруливали на взлетную полосу стратегические бомбардировщики и ждали приказа.

Кишлак и прилегающая к нему “зеленка” были блокированы полностью. Молоденький лейтенант из отдела пропаганды и агитации, курносый, с ямочкой на подбородке, в аккуратно пригнанной и ладно сидящей камуфляжной форме, с планшетом на боку и биноклем на груди, впервые участвующий в боевой операции, подбежал к командиру батальона спецназа майору Маликову и весело отрапортовал:

— К заданию готов. Разрешите выполнять.

— Давайте, — недовольно буркнул майор, совершенно не разделяя восторга лейтенанта.

Хорошего было мало. Только что радист принял приказ. Было сказано: никого не оставлять в живых. Это значит — работать на уничтожение. Вся и всех. Майору не привыкать. Он старый служака, хорошо знает свое дело. В его военной биографии были и не такие эпизоды.

Маликов не раздумывал. Сначала начнут авиация, артиллерия, а затем продолжат его ребята. Чуть кто дернется — снова авиация и артиллерия. Впереди броня. И снова ребята.

Своих пацанов он берег. В дело пускал в крайнем случае. Хорошо усвоил аксиому, что жалеть боезапас нельзя. Его в Союзе навалом. Гниет на военных складах. На сотню таких войн хватит. Родом он был из деревни. И ему часто приходило на ум поле. Обыкновенное крестьянское, хлебное. Видел, как по нему идут трактора. Пашут, а затем боронят и сеют зерно. Так и он, прежде чем пустить ребят в атаку, старался поглубже пропахать землю снарядами, проборонить ракетами и засеять осколками. На его поле не рос ни хлеб, ни даже сорная трава. Зато наступать можно было смело.

Такого большого жилого массива обрабатывать ему еще не приходилось. Намечалась обильная жатва. Думать об этом, решать, а тем более отдавать приказ ему на сей раз не хотелось. До последнего тянул резину. Вот и этого юнца из отдела пропаганды вызвал, пусть попробует. Может, что и получится. Он вновь встретился глазами с азартным взглядом симпатичного политработника. Вспомнил самого себя из далекого прошлого, декабря семьдесят девятого. Все повторяется. Разное время, другие сюжеты. Только тема одна. Война, убийство и смерть. Три неразлучных спутника в истории человечества. Чтобы смягчить обстановку, Маликов коротко добавил:

— Ты, Иван, осторожней агитируй, держи дистанцию.

Лицо лейтенанта расплылось в улыбке. В какой-то удальской и одновременно хищной, беспечно-нетерпеливой. Молодецвато козырнув, он вспрыгнул на капот и скрылся внутри “бэ-эмпэшки”. Механик рванул газ, и, обдав комбата облаком пыли, боевая машина пехоты помчалась в сторону кишлака.

“Ерунда все это, — неожиданно зевнув, подумал Маликов, внимательно наблюдая в бинокль за движением машины. — Все равно “духи” мирных из селения не выпустят, будут держать в качестве заложников, живым прикрытием. Откуда им знать, что получен приказ уничтожить кишлак. Живые свидетели в таких случаях не нужны. Хоть бы сдались, черти! Профильтровали через одного. Глядишь, женщины и дети в живых бы остались. Сожгли бы пустой кишлак, как сожгли десятки ему подобных. И дело в шляпе. Так нет же, как истуканы, во имя своего Аллаха дружно умрут все. И лейтенант, вероятно,

бесполезно дергается. Одной стороной приговор уже подписан. Главарь, старейшина, мулла решили их судьбы. Теперь дело за другой”.

Майор не спешил, он отчетливо сознавал, что именно ему предстоит дать команду, сделать последний толчок к началу бойни. Тоже одобренной старейшинами из Москвы и благословленной патриархами Политбюро.

“Чертов снайпер! И дернуло идиота стрельнуть по вертушке! Теперь такая карусель закрутится”, — тоскливо оборвал поток своих мыслей Маликов, прислушиваясь к звонкому голосу лейтенанта. Тот нудно и долго о чем-то убеждал через мегафон афганцев. “Бээмпэшки” кружили вблизи “зеленки”, останавливались, и вновь раздавался настойчивый призыв лейтенанта. Майор поморщился, увидев, что агитаторы нарушили границу ориентира — одиночного пышного эвкалипта, дальше которого он запретил лейтенанту приближаться к кишлаку. Он оторвал взгляд от бинокля и сказал своему заместителю, капитану Баеву:

— Салага, мать твою, грохнут же. Куда лезет.

Вновь прильнул к окулярам, вглядываясь в пустынный кишлак. Приятно удивился, когда заметил одиночные фигурки людей, потянувшихся к “бэтээр”. “Смотри-ка, сработало!” — успел подумать он, как короткие пулеметные очереди откуда-то из центра селения прижали сдающихся к земле. Гулко бухнули далекие выстрелы, окружив “бээмпэшку” султанами разрывов. На бешеной скорости бронемашина попыталась выскочить из-под огня и вдруг подпрыгнула, как игрушечный мячик, резко остановилась, задрав носовую часть в небо. Затем накренилась, плавно перевернулась и юзом, на тормозах скатилась в ложбину. Тут же из ложбины рванул яркий столб огня, а затем черное облако копоти.

— Тридцать первый! Вперед! — несколько раз рывкнул в микрофон покрытый по уши пылью заместитель Маликова. Не удержался, выскочил на плато и замахал в сторону танковой роты руками. Тут же раздался далекий одиночный винтовочный выстрел. Баев замер на миг с вытянутыми вверх руками, а затем грузно опустился на землю, схватившись ладонями за

грудь. Его подтянули за плечи и волоком втащили тело в укрытие. На груди выступила кровь. Тело капитана дернулось в предсмертных судорогах. Он сумел открыть глаза и с какой-то грустью и надеждой долго смотрел на комбата. Он так и умер с открытыми глазами, не проронив ни слова.

Лицо комбата ничего не выражало. Щеки его побелели, дрожь пробежала по скулам, спрятавшись в плотно сжатых губах. Зрачки глаз расширились и наполнились жестоким огнем. Он тяжело, с натягом вздохнул и вновь уставился в бинокль.

К БТРу мчались три танка, облепленных, как гроздь винограда, десантурой. С высоты, где находилось отделение сержанта Жданова, прозвучали выстрелы. Радист схватил наушники и несколько раз повторил:

— Без команды не стрелять. Слышите? Без команды не стрелять.

Ждали команды урчавшие в небе вертушки. Молотили двигателями в Баграме загруженные бомбами самолеты. Застыли на кнопке “Стрельба” пальцы операторов ракетных установок. Примкнули к окулярам прицелов глаза наводчиков танков и БТРов. Приготовилась к стрельбе артиллерия. Сняли с предохранителей и передернули затворы автоматов десантники. Застыла в ожидании чего-то ужасного и природа. Слабый ветерок, обдав жаром лица, умчался вдаль и спрятался за вершину гор. Усталое желтое солнце спешило на запад, подальше к закату. Всего несколько секунд отделяло еще цветущий жизнью кишлак от границы хаоса и смерти.

Майор Маликов сверху вниз рубанул рукой. Радист молниеносно продублировал приказ о начале атаки, окончательно разорвав тонкую ниточку между жизнью и смертью. Рывнули, застрочили десятки стволов. Ураган взрывов накрыл кишлак сплошным залповым смерчем, методично и беспощадно стирая с поверхности все живое. Вероятно, и тех людей, кто пытался сдаться. Особенно досталось “зеленке”. После залповой стрельбы огонь танковых орудий, артиллерии и ракетных установок стал хаотичен. Расчеты сами выбирали цели и стреляли по готовности.

С пригорка, на который выдвинулся командный пункт батальона, хорошо было видно, как разрывы снарядов вдребезги разбивали глинобитные дувалы, а неуправляемые ракеты кучно ложились на кривые улочки, стремительно врываются в дверные проемы жилищ. Сотни ядовитых жал горячего свинца разлетались в разные стороны, круша на своем пути людей и животных. Еще носилась по улицам чудом оставшаяся в живых курица, изредка из развалин появлялись фигурки людей, но уже вторая волна смертоносного урагана готова была низвергнуться на землю. В небе с востока появились “сухарики”. Эскадрилья самолетов пропахала кишлак пятьсоткилограммовыми бомбами и вторым заходом, сорвавшись в пики, нанесла точечный ракетный удар. И наконец-то юркие “двадцатьчетверки”, а следом “восьмерки” плюнули огнем из всех стволов, закончив свинцовую смертельную пляску.

И тут же двинулся вперед разопREVший от ожидания и безделья, разгоряченный от увиденного спецназ. Через полчаса десантура захватила всю “зеленку” вблизи кишлака, выйдя на финишную прямую.

К комбату стремительно подкатили две бронемашины. Бережно опустили с капота и положили на брезент рядом с телом капитана Баева и стонущего лейтенанта.

— Без сознания, — как сквозь сон услышал майор голос хмурого, с обвязанной белоснежным бинтом головой полуголового десантника. — У меня куртка загорелась, когда лейтенанта вытаскивал. Сквозное ранение в голову и удар в затылок. Может быть, выживет. Механик и стрелок мертвы, раздавило всмятку.

Маликов старался не смотреть на лежавшие рядом тела капитана Баева и лейтенанта Суприкова, на всех ребят, убитых и раненых, приготовленных к загрузке в вертолет. Боялся при подчиненных показать свои чувства. И еще что-то такое, что на гражданке называется жалостью, а здесь слюнтяйством. Отвел взгляд в сторону и буднично бросил:

— Лейтенанта и всех раненых в вертолет и быстро в госпиталь. Убитые подождут, им теперь спешить некуда.

Про себя подумал: “К вечеру еще больше будет, отправим оптом. Может быть, и сам в ящик сыграю, кто знает. Баев погиб, хоть бы ты, Ванюша, остался жив. Помоги ему, Господи!”

Комбат резко оборвал поток мыслей.

— Пленные есть?

Радист пожал плечами и ответил:

— Начальник штаба собирает данные. По докладам ротных, в “зеленке” только трупы. В кишлак не совались, ждут команды.

Майор Маликов и радист так и не узнают, что пленные были. Один мужчина и его жены, откликнувшиеся на призыв лейтенанта Суприкова о сдаче. Оглохших и обессиленных, жалких и растерянных людей захватило отделение Кости Жданова. Позже десантура распорядилась их судьбой — жестко и безжалостно. Убитых “духов” насчитали более полусотни. Несколько человек бросилось в реку. Многие слышали их крики о помощи.

Отделение Кости Жданова после нанесения авиационного бомбово-штурмового удара (БШУ) спустилось в долину на изгиб горной реки. По пути взяли в плен трех женщин и мужика. Сорвав паранджи, были приятно удивлены милыми мордашками молоденьких жен трясущегося от страха крестьянина. Мысль пристрелить пленных и скинуть тела в реку сразу же вылетела из головы сержанта. Он плотоядно ухмыльнулся и приказал:

— Гога, спрячь их с глаз подальше. Мужики, пока не тронь, а то выть начнут. После ближе познакомимся...

— Понял, командир, все будет в ажуре, не впервой...

Жданов уже не слышал своего бравого помощника. Его острый слух уловил крики людей, тонувших в бурном потоке горной реки. Взгляд выхватил из пузырящейся горной реки чью-то голову. Хищно сверкнув глазами, он схватил “снайперку”. Методично и хладнокровно расстрелял несколько человек, всаживая в каждое тело пулю для страховки. Довольно ухмыльнулся и объяснил стрелявшему короткими очередями Сене Савченко:

— Все равно потонут. Так я их вне очереди к Аллаху. Чем больше этой дряни убьешь, тем больше сам проживешь. Мы — их, они — нас. Диалектика жизни.

Но потонули не все. Двоих молодых и сильных парней, вовремя нырнувших под воду и избежавших пуль сержанта, река вынесла на песчаную отмель в трех километрах от кишлака. Они с трудом отползли в укрытие и отлеживались до сумерек. Яростно и бессильно кусали губы, наблюдая, как русский спецназ уничтожает кишлак. Ночью направились в сторону Панджшера к Ахмад-Шаху Масуду.

Комбат в сопровождении ротных командиров брел по “зеленке”, внимательно рассматривая хмурые, искаженные гримасой боли лица убитых. Что он хотел увидеть, понять в этой дикой картине смерти? Таинственное, загадочное, завораживающее желание, отвратительное, нездоровое любопытство звали его посмотреть на жестокое деяние рук своих и соотечественников. Женщин и детей не было. Видимо, прятались в подземных норах или были погребены под развалинами глинобитных дувалов. Разве только вон тот мальчишка с автоматом в руках, с разорванным животом и застрявшим где-то в поясице окровавленным осколком. Его изуродованное, ощеренное в оскале лицо уже покрылось бледной пленкой смерти. На песок через лохмотья черного стеганого халата вывалились зеленоватые кишки. От них еще шел пар, легкая пепельная дымка. В открытых огромных глазах еще сохранились отблески жизни. Молодецкая удаль и отвага. Боль и печаль запечатлелись в его глазах, внимательно смотрящих на комбата. Вероятно, мальчуган принял мгновенную смерть, не познав предмогильного стариковского страха, не почувствовав границы между светом и мраком.

Майор медленно наклонился, провел ладонью по глазам убитого и приказал прикрыть тело обрывком брезента. Отвел взгляд в сторону и остолбенел от неожиданности. Прямо перед глазами, в каких-то трех шагах, лежал труп девушки, совсем не похожий на покорный и послушный облик восточной женщины. Она была прекрасна в последние секунды жизни. В джинсовых, облегающих бедра брюках, с согнутыми коленками,

она ласково обнимала рукой камень, прижавшись правой половиной лица к зеленоватой гранитной поверхности. Копна пышных светлых волос, плотно обтянутых по лбу зеленой лентой, мирно покоилась на покатых девичьих плечах. Концы золотистых завитушек прикрывали поясной ремешок, на котором болтался широкий армейский патронташ. Левый глаз остался прищуренным, как у молодой кокетки, подмигивающей понравившемуся парню. То ли европейка, то ли американка, то ли метиска. Любительница приключений или идейная мусульманка? Откуда забросила судьба эту амазонку-воительницу в суровые афганские горы? И это для майора Маликова осталось навсегда тайной.

На камне лежала современная снайперская винтовка, рядом валялось несколько стреляных гильз, забрызганных кровью.

Поблизости оказался сержант Костя Жданов. Он бесцеремонно растолкал толпу десантников, мельком взглянул на труп девушки и, заметив снайперскую винтовку, злорадно схватил ее. Его всегда бледное лицо побагровело, в глазах вспыхнул яростный огонек.

— Гадина! — заорал он. — Притаилась, курва, за камнем. Из “снайперки” ребят била. Замкомбата, стерва, срезала. Я ее в бинокль вычислил, ловко спряталась. Думал, мужик, а это баба, сучара французская!

Он пнул носком массивного ботинка по ее изогнутым бедрам и, просунув ногу под живот, резко перевернул тело на спину. Ее голова скатилась с валуна, и перед глазами десантуры открылась отвратительная картина смерти, реальный мир, в котором они существовали.

Правая щека и левый глаз девушки были вырваны напроочь. На камне остались темно-бордовый сгусток засохшей крови и кусочек прилипшего мяса. Был непонятен убийственный ход пули, исковеркавшей правую сторону лба, глаз, щеку, подбородок и не задевшей левую сторону лица и тыльную часть затылка.

Комбат недовольно покосился. Повернувшись в сторону начальника штаба, он спросил:

— Потери подсчитали?

— Пятеро наповал, семеро еле живы и эти, агитаторы...

Начальник штаба оторвал замороженный взгляд от трупа девушки, сосредоточился и внимательно оглядел местность в бинокль. Уже спокойным и деловым тоном ответил:

— Добивать надо недобитков, иначе очухаются. Хотя навряд ли. После такой долбежки в земле разве только кроты выживут. Пора наступать, командир, на кишлак.

Основной удар был нанесен по позициям “духов” в зеленом кольце распаханной под посевы земле плантаций цитрусовых. В самом кишлаке в живых оставалось еще много людей. Женщины, старики, дети, больные и раненые. Обессиленные, оглохшие от бешеной бомбежки люди боролись за жизнь, зарывались в землю. Прятались в ямах. Прятали своих детей, стариков, прятались сами.

Так устроен человек, так устроен весь животный мир. Каждая мало-мальски земная тварь имеет инстинкт самосохранения. Прятались, твердо зная, что тоже вскоре умрут под пулями спецназовцев. Кто попадет в ад, кто в рай. Кого услышит Аллах, кого нет. И будет ли что потом, после смерти?

А еще позже, совсем в потемках по приказу начштаба двое десантников закопают девчонку, единственную из всех погибших. Поднатужатся и сдвинут валун, на котором она умерла, на взрыхленную землю могилы. Устало присядут на камень, перекурят и уйдут в неизведанную даль, девушка останется навсегда одна — современная амазонка-воительница современного кровавого времени, странного века, безумного мира. Валун и по сей день там. Среди сотен ему подобных. И красавица девушка под ним, забытая и брошенная. Остальные трупы жителей кишлака остались валяться и гнить там, где их настигла смерть, на радость летающим и ползающим тварям.

Майор Маликов посмотрел на наручные часы, что-то окончательно решил для себя и скомандовал:

— Прочесать кишлак. И чтобы по всем правилам.

Он в последний раз взглянул на красавицу снайпершу. В памяти промелькнуло бледное, обескровленное лицо раненого лейтенанта, красное пятно на груди заместителя, шеренга ряд-

ком лежащих убитых его солдат. Он поморщился, сунул в рот сигарету, ощерился и громко рывкнул:

— Без потерь, мать вашу за ногу! Работать на уничтожение, всех к ногтю... Слышали приказ?

Ротные вскинули руки к вискам. Кто-то промямлил “Есть!”, вскочили на “бэтээры” и разъехались по своим позициям.

Учить, как работать на уничтожение, десантуру не надо. Прозвучали гортанные команды взводных. Радист Коля Ефремов, прислонив мегафон ко рту, громко забубнил:

— Все на кишлак. Работать на уничтожение, уничтожение, уничтожение...

Согласно отработанной системе, впереди медленно, по-медвежьи, натужно урча двигателями и лязгая гусеницами, пошли тяжелые танки. Подпрыгивая на камнях, словно сорвавшиеся с привязи псы, вдогонку устремились бронемашины. Строча из автоматов короткими очередями, прикрываясь “матерками”, вперевалочку двинулась десантура. Танковые пушки постоянно напоминали о себе. Звонко бухали в подозрительные точки, но чаще для острастки, бесприцельно стреляли по центру кишлака. Ну а пулеметы заливались вовсю, поливая свинцом пустые улицы. Окружив вплотную селение, еще с полчаса обрабатывали уцелевшие строения из всех видов оружия.

Все делали как надо, как учили. Планово, неторопливо, надежно. Кишлак доживал последние минуты. Кое-где еще редела чудом уцелевшая, одуревшая от боли и страха скотина. То и дело во дворах порхала экзотическая азиатская живность. На кривых улочках подыхали верблюды и ослы, где-то за разрушенной мечетью жалобно ржала лошадь. Изредка слышался визг собак и мяуканье кошек. Рядом с животными валялись трупы людей, исковерканные, обезображенные, десятки женщин, стариков, детей. Раненые истекали кровью, пытались ползти, хватались руками за голову, вскакивали на ноги, всхлипывали, кричали и замолкали под градом пуль. Некоторые добивали себя сами, вонзая холодную сталь ножей себе в живот. Взрывали укрытия, превращая подземные дыры в семейные могилы. На предзакатной синеве неба инородным пятном расползалось зловещее облако копоти и дыма. Стремилась вверх,

в небо, выхлопные газы бронетехники и души убитых людей. За горами поспешно пряталось солнце. В соседнем кишлаке неожиданно затянул тоскливую мелодию мулла. Он совершал вечерний намаз, может быть, проклинал неверных или провожал в последний путь своих несчастных соплеменников. Как будто не было войны, не гибли рядом люди.

Десантура вошла в кишлак. По команде взводных бойцы, разбившись на тройки, окружали полуосыпанные, разрушенные постройки дувалов. Двое подбегали к дверным и оконным проемам, а третий прятался в укрытие и прикрывал тыл, держал под прицелом ближайšie дувалы и всю улицу. Внутрь домов летели гранаты. Десантники заскакивали за порог, внимательно разглядывали внутреннее убранство жилищ чужого народа и немедленно расстреливали все движущееся, шевелящееся и ползущее. Заметив лаз, погреб, глубокую подозрительную дыру, вызывали огнеметчиков. Струя плотного яркого огня завершала дело. Для верности сделав по контрольному выстрелу, прихватив ценные вещи, вся тройка устремлялась к следующему дувалу — продолжать дьявольскую вакханалию.

Уже в центре кишлака сержант Жданов, не обнаружив на поясе гранаты, отступил от своих правил. Без предварительной обработки смело переступил порог дувала. Все же на всякий случай пустил по окружности длинную очередь. Мельком заметил растерянное, бледное лицо еще живой женщины, прижимавшей к груди тельце голого ребенка. Но “калашник” четко выполнил свою черную работу. На светлом халате женщины, поперек живота и через холстину, прикрывавшую тельце ребенка, пропечатались точки зловещих дырок, из которых незамедлительно просочилась кровь. Женщина умерла мгновенно, но глаза... Мольба, ужас, страх и еще что-то женское, материнское, недоступное нам, мужчинам, жило в ее взгляде. И руки... Перебитые, все в крови, они плотно прижимали к груди ребенка, защищая ладонями его лысенькую головку от того ужасного, что с болью вошло в ее тело.

Костя замер посреди комнаты, долго смотрел на дело рук своих, допустив вторую ошибку, за которую тут же поплатился. Гулко хлопнул одиночный выстрел, и левую руку

сержанта пронзила боль. Он молниеносно брякнулся на пузо, перезарядил автомат, поморщился и, не обращая внимания на простреленную руку, приподнял голову. “Сержант! Лежать!” — услышал он голос Савченко, который исправил его первый промах. Прогремел взрыв гранаты, и боком из-за угла вывалился изрешеченный осколками мужчина. И тут же резко отпрянул назад под очередями спецназовских автоматов. Он что-то успел пробормотать, прежде чем грузно рухнул на тело женщины. В проеме двери появился Савченко, держа наготове автомат. Облизал губы и прохрипел:

— Фу, думал, тебе каюк. Я его сразу заметил, только ты мешал стрельнуть, пришлось гранатой. Пошли на воздух, перевяжу. Мерзко тут, кровища кругом. Рыгну еще.

Жданов приподнялся, качнувшись, шагнул к трупам, приподнял автомат и спокойно сделал контрольный выстрел в затылок мужчины. Это был последний выстрел в этот день. Последние жертвы. Кишлак был окончательно зачищен. Солнце наконец-то спряталось за горами. Близился вечер. Бесконечный и теплый.

Еще сутки батальон находился на краю “зеленки”. Ночью ярко горели костры, на которых жарились куски мяса. Десантура жевала свеженину, изредка сонливо поглядывая на мертвый кишлак. Когда появился знакомый сладковатый запах разлагавшейся мертвечины, Маликов отдал приказ отойти от кишлака и рыть окопы по периметру. Еще пару дней спецназовцы, матеря всех и всякого, торчали в окопах. Но никто из кишлака так и не появился. Последними покинули селение бойцы отделения Кости Жданова.

На вопрос своего спасителя, что делать с пленными, сержант, усмехнувшись, ответил:

— Если бабы надоели, бери мужика.

Лицо Семена залилось краской. Но чтобы не казаться опытному командиру пацаном, он развязно хихикнул:

— Бабы всем приелись. Взводный приказал отходить. Куда их девать будем?

Жданов неосторожно двинул простреленной рукой, охнул от резкой боли и уже со злостью выдавил:

— Дерьмо собачье. Свидетелей не оставлять, кончай их...

Поняв, что сержант не шутит, Савченко заморгал глазами, суетливо роясь в кармане маскхалата.

— К реке их, Семка. Предупреди братву, ни гу-гу. Все одной веревкой повязаны. Пулю в затылок, камень к ногам и в воду. Что уставился? Слизняк хренов. Веди баб, сам кончу. Тоже мне, вояки.

Привели закутанных в тряпки женщин. Истерзанные, поруганные, полуголые, они и сейчас упорно прикрывались руками, стыдясь своей наготы. Послушно встали на бережку на колени, опустив лица в землю. Одна не удержалась, зачерпнула в ладони воду и хотела выпить. Не успела. Костя перевернул затвор автомата и выстрелил ей в затылок. Неторопливо добил и остальных. Братва суетливо привязала к ногам камни и быстрехонько столкнула трупы в воду. Костя закурил и хмурым проговорил:

— Не в бирюльки играем. У них все воюют. И дети, и бабы. Сами видели. И этих оставлять в живых нельзя. В снайперки определятся, как та стерва, или нас заложат. Нет человека, нет проблем. Семка, понаблюдай, чтобы не всплыли, не дай Бог...

Тела без вины виноватых женщин надежно укрыла река. Не будут они матерями. Оборвалось еще одно звено между прошлым и будущим.

Еще раньше забитого до полусмерти крестьянина привязали на веревку и спустили на солнцепек поджариться. Обнаружив, что он еще жив, решили напоследок потренироваться в меткости стрельбы. Тут отличился Гога. Его выстрел оборвал веревку, и тело бедняги кувыркнулось в ущелье. Сеня Савченко полоснул очередь вслед из автомата. И его сердце погрузилось в пучину жестокости и равнодушия.

А в Москву ушло очередное донесение о крупной победе советских войск в Афганистане. Многие получили ордена и медали. Позже в кишлак пришли люди и нашли трехлетнюю девочку. Как она уцелела, только Богу известно. Ее грязная, умная мордочка тоскливо смотрела по сторонам. Искала маму. Не приведи Господь стать ей снайперкой в своей или чужой стране.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Надя Щеглова, миловидная двадцатидвухлетняя медицинская сестра Желалабадской медсанчасти, возвращалась из отпуска.

Трое суток она проболталась на пересылочном пункте в Ташкенте в условиях армейского бардака, выраженного в виде хмельного сюсюкающего лейтенанта, кучи пустых бутылок из-под “Столичной” и ночного гама пьяных голосов бесшабашных отпускников. Волна за волной накрывали город толпы офицеров и прапорщиков, направо и налево швырявших чеки и шмотки, вывозимые из Афганистана. Рекой лилось вино, гудели рестораны, заполнялись споенной ордой аэропорт и вокзалы. Шла бешеная спекуляция билетами. В ход шли авторучки, браслеты, карты, женские бюстгальтеры, батники. По городу мотались частники и таксисты в поисках свободных мест в гостиницах. Снимались дома, квартиры, мало-мальски пригодные для балдежа углы. Местные проститутки безошибочно определяли “афганцев”, уводили кавалеров и увозили во мрак ночной оргии. Вырвавшихся на свободу вояк беззастенчиво обворовывали кому не лень, начиная с аэропорта и кончая грязной забегаловкой. И они, суровые парни — бравая десантура и летуны, расслаблялись от избытка радости, близости Родины. Были убитые, были без вести пропавшие. Были и не доехавшие до родных мест, прогулявшиеся возвращенцы, заливавшие сивухой свои печали и обиды на пересылке.

Все для Нади было позади. Где-то в другом мире остался небритый, пропившийся до основания лейтенант. Просрочив-

ший все сроки возвращения из отпуска, он гордо заявлял каждому встречному, что ему, разведчику, все до лампочки и дальше Афгана его все равно не пошлют. Далекой казалась и холодная комнатка, где она в жутком одиночестве включала свет и отбивалась от клопов, горько заливаясь слезами. Нереальными казались и хриплые голоса офицеров, горланивших блатные песни, всей толпой усиленно приглашавшие Надю дернуть с ними по маленькой.

Мама, перекрестившая дочку на прощание, хмурый отец, топтавшийся на перроне, братик Славик с надутыми от обиды губами остались в другой жизни — хмельной и обыденной. И она сама, дерганая и раздвоенная там, на пересылке, чувствовала себя спокойнее и уверенней.

За два года работы в медсанчасти Надя часто бывала в Кабуле. Сопровождала раненых, получала медикаменты, чувствовала себя нужной и при деле. Все ее мысли были там, в Джелалабаде. Этот мир стал ее домом, частицей Родины, где она работала, жила в сегодняшнем дне реальной жизнью.

Не дожидаясь служебного автобуса, подхватив чемодан, Щеглова пошла мимо самолетов на стоянку прилетающих экипажей. К ее радости, вблизи “взлетки” заправлялись два Ми-6. Летчики сидели в тени, на подкосе вертолета. Увидев Надю, капитан Аратунян, веселый черноусый холостяк, доброжелательно воскликнул:

— Ба, кого я вижу! Сама королева красоты к нам пожаловала. Ребята, быстро освободить трон для ее величества.

Летчики засуетились, стараясь чем-нибудь угодить ей. Надя протестующе замахала руками и весело поздоровалась:

— Не надо, ребята, сидите. Вы куда?

— Домой, Надюша, на базу. Через час колеса в воздух.

— Я с вами. Только пообедать бы.

— В Союзе плохо кормят? Ташкент — город хлебный и винный. Эх, и погулял я там в отпуске.

— Знаю я вас, чертей. Поднадоели мне некоторые на пересылке, жуть. Так вы без меня не улетите?

— Иди, Надюша, перекуси в аэропортовской харчевне. А мы следом. Не волнуйся, без нас не улетят.

Надя почему-то покраснела под пронзительным взглядом Аратуняна, заносившего ее чемодан в грузовую кабину вертолета. Легким шагом направилась к зданию аэропорта.

Становилось теплее, легкий ветерок обдувал ее лицо, шевелил волосы. Помахивая сумочкой из крокодиловой кожи, она подошла к проходной. Часовой неожиданно преградил ей дорогу, выставив перед собой карабин. Скучающий молодой афганец с интересом смотрел на девушку, откровенно пожирая ее глазами.

— Чего тебе? — грубо спросила его Надя, чувствуя себя неуютно под его раздевающим взглядом.

Афганец улыбнулся, показав ряд позолоченных зубов. Быстро облапил ее за плечи, как бы отталкивая от прохода.

Она резко толкнула его в бок и, развернувшись, врезала пощечину. Афганец перехватил ее руку и, не обидевшись, что-то проговорил. Расплывшись в улыбке, скороговоркой выпалил:

— Бакшиша, бакшиша, ханум, надо. Шурави бакшиш.

Надя беспомощно развела ладони, по привычке порылась в сумочке. Подняла глаза на афганца, готовая послать его к черту. Часовой смотрел не на Надю, а через ее голову. С лица исчезла слащавая улыбка. Весь он подтянулся, приставив приклад карабина к правой ноге. Она оглянулась назад и облегченно вздохнула.

В нескольких шагах стояли капитан Аратунян и незнакомый молодой лейтенант. Насупившись, капитан молча уставился на часового. Легонько толкнул Надю к входу. Резко повернулся к афганцу:

— Взятки берешь? Вояка хренов. А ну, брысь с прохода, — для связки слов он несколько раз матюгнулся, показав часовому кулак.

Афганец съежился, испуганно заморгал глазами. Услужливо закрыл калитку за капитаном.

— И какой он просил бакшиш? — поинтересовалась Надя.

— Афганей¹ двадцать. Кто сколько даст. Торгаши воюющие.

¹ Афгани — денежная единица Афганистана.

— Обидели вы его.

— На обиженных воду возят. Ему по лбу дай и заплати — он тебе руки расцелует. Когда по-настоящему обижаются — так в душманы тикают. Знаю я их.

Взяв Надю под руку, он увлек ее в здание. На первом этаже было тихо и безлюдно. Несколько иностранных дипломатов стояли в уголке и наливали в бумажные стаканчики фанту. Три девушки-афганки, одетые по последнему слову моды, о чем-то болтали, постреливая в сторону дипломатов глазами. Прямо на полу примостилась мать большого семейства, сунув захныкавшему грудному младенцу соску в рот. Лейтенант толкнул локтем Аратуняна:

— Девчонки смазливые, волосы, как смола, и глаза черные. Симпатулечки.

— Этих симпатулечек обратно в кишлак. Вмиг бы мулла проклял, а старейшина плеткой по мягкому месту...

Надя неодобрительно покачала головой, сердце кольнула ревность. Про себя подумала: “И на войне мужики про баб не забывают, за любую юбку глазами цепляются”.

Они поднялись по лестнице на второй этаж. В ресторане и аэропорту она была впервые. Само здание ей понравилось. Не громоздкое, в стиле современной архитектуры из стекла и бетона, оно гармонировало с небольшой площадью. Резко выделялось на фоне серых служебных строений, отгороженных невысоким забором. Но ресторан был до безобразия большим и неудобным. Прямой прямоугольный зал, заставленный столиками и креслами, без какой-либо настенной мозаики и оркестровой площадки.

Они были первыми посетителями. Скучающий официант, одетый по западному образцу, заметив летчиков, поспешил навстречу. Аратунян поздоровался с ним как со старым знакомым.

— Накорми как следует. И затарь нас горючим.

Пока Надя обедала, никто не соизволил занять соседние столики. Иногда по залу сновали мужчины. Бросали искоса взгляды на нее и скрывались в подсобном помещении. Выносили оттуда бумажные ящики, сумки. Одним словом — занима-

лись бизнесом. Женщины в ресторане не появлялись. Она подзвала официанта и попросила расчет. Он вежливо ей поклонился и назвал довольно-таки крупную сумму. Появившийся как из-под земли Аратунян небрежно сунул ему бумажную купюру и спросил:

— Готово?

Официант утвердительно кивнул и добавил:

— Сорок.

— С тобой рассчитываться? Надежда, подожди нас внизу, мы мигом.

В зале по-прежнему находились дипломаты и девушки. Детишки большого семейства возились на полу, толкались ручонками, не обращая внимания на окружающих. Включили вентиляторы, работали кондиционеры. Было прохладно. Надя спустилась с лестницы, порылась в сумочке, достала кулек леденцов в целлофановом пакетике. Целиком протянула его старшему мальчишке. Исподлобья посмотрев на нее, он протянул руку к кульку, резко схватил его. Быстро сунул в карман и отскочил в сторону. Три сестренки, внимательно наблюдавшие за Надей и братом, оживленно зашевелились. Мальчишка что-то сказал матери, не доставая из кармана руку. Женщина кивнула ему, закутала в тряпки грудного ребенка и, поджав ноги, уселась на старое место. Ее старший сын гордо прошелся перед сестренками, не удержался и похвастался зажатым в кулаке кульком. Осторожно надорвал целлофан и сунул каждой по леденцу. Дружно заворковав, детвора благодарно слушала брата.

Красивые девушки-афганки неназойливо, но с интересом рассматривали Надю. Слегка растрепанная после перелета из Ташкента и особенно трех ночей, проведенных на пересылке, Щеглова выглядела усталой, но привлекательной. Ее пышные русые волосы, слегка завитые, плавно ложились на плечи, а челка на лбу придавала черты японской миловидности. Миниатюрные ступни ног в изящных черных туфельках на высоком каблуке, стройные, прямые ноги, облаченные в фирменные вельветки, привлекли к ней внимание не только девушек, но и дипломатов. Переговариваясь между собой, они оживленно

переглядывались, откровенно рассматривая девушку. Один отделился от компании и, открывая футляр фотоаппарата, подошел к Наде. Довольный общим вниманием, коверкая русский язык, громко произнес :

— Давай гуляйт. Чик-чик фото.

Чик-чик — так обычно выражались афганцы, когда хотели сказать похабщину. Дипломат не мог об этом не знать. Знала и Надя. Она задорно улыбнулась иностранцу и на чистом английском языке послала его к черту. Специально для его спутников громко повторила фразу, закончив по-русски:

— Пошел вон.

Девушки-афганки пошептались и громко рассмеялись. Сконфуженный дипломат расшаркался в извинениях и несолоно хлебавши побрел обратно. Что-то буркнул развеселившимся товарищам, безнадежно махнув рукой. Заметив спускающихся по лестнице летчиков с полными парашютными сумками в руках, встрепенулся. Полусогнувшись и опустив руки, как бы от тяжелого груза, он попытался изобразить русских, спускающихся с лестницы, но вынужден был остановиться под тяжелым взглядом Аратуняна.

Презрительно посмотрев на примолкших дипломатов, капитан демонстративно споткнулся о ступеньку и невозмутимо прошествовал мимо.

— Тебя, Надюша, не обижали?

— Пусть только попробуют. Видали и не таких.

— Правильно, чихали мы на всех, кто ростом ниже. Пора сматывать удочки, пока нас не застопорили.

Офицеры взяли сумки за ляжки и поспешно покинули аэропорт. Около часового капитан осторожно опустил ношу на землю. Слегка звякнула стеклянная посуда.

— Пронесло. Прошлый раз застукали. Пришлось давать взятку.

— А что в сумке? Фанта?

— Фанта, Надюха, сорокаградусная, смоленского разлива. Теперь порядок. Пойдет, родимая, по месту назначения.

— Пьянчужки вы, мужики. И сухой закон для вас не помеха.

— Не пьют только покойники, а мы живые смертные.

— И часто вы ее пьете?

— Как придется. Пьем, когда есть что пить. Какой-то олух запретил покидать территорию аэродрома. Часового поставили. Выходит, кабульским щеголям да большезвездным бонзам можно, а нам шиш на постном масле. Вот и выкобениваются эти из КГБ. Но я плевал на них. Чтобы я, армянин, и своего не взял. Не бывать этому.

Часовой-афганец топтался рядом. Он выжидающе поглядывал на Аратуняна, стараясь вникнуть в смысл его слов. Напарник капитана, молодой лейтенант, с опаской поглядывал на аэропорт. Чувствовалось, что в данном мероприятии он участвовал впервые. Не выдержал, взвалил сумку на плечо:

— Я пошел, догоняйте.

— Давай, Коля, двигай. А я следом.

Аратунян строго взглянул на часового и показал ему на сумку:

— Бери. Бакшиш десять сейчас, десять — потом, понял? И не торгуйся, а то ни шиша не получишь.

Афганец долго не раздумывал. Закинул за плечо винтовку, зыркнул по сторонам и схватил парашютную сумку. Свободную руку протянул капитану. Аратунян вложил ему в ладонь смятую бумажку достоинством 10 афганей. Быстрым шагом афганец обогнал лейтенанта, доставил товар к вертолету. Капитан удивленно покачал головой:

— Двужильный. Руки тонкие, как плети, ни разу не передохнул. Придется рассчитывать.

Он протянул афганцу еще 10 афганей:

— Бери. И смотри, бакшиш с ханум никогда нет. Никогда нет, голова садовая, понял? Следующий раз башку оторву. Понял?

Часовой сунул деньги в карман, довольно кивнул головой. Вероятно, ничего не поняв из слов капитана, кроме слова “бакшиш” и “ханум”, афганец неожиданно проговорил:

— Надо афгани, ханум, надо бакшиш.

Оторопевший Аратунян изумленно сдвинул на лоб панаму и, не сдержавшись, шлепнул афганца по спине:

— Я тебе про Ерему, а ты мне про Фому. Я ему: не бери

бакшиша, а он мне --- бакшиш давай. Марш отсюда, крохобор несчастный.

Поняв, что больше ничего не выклянчишь, афганец приложил руку к сердцу и довольный нырнул на свой пост. Издалека донесся его грозный окрик. Надя оглянулась и увидела, как часовой отталкивает винтовкой каких-то людей. Состоялся молниеносный торг, и два человека спокойно двинулись по кромке бетона, разглядывая стоящие на приколе вертолеты и самолеты.

Аратунян иронически произнес:

— Потом удивляемся, откуда “духи” все знают. С такими защитниками навоюешься, ядрена мать, до гробовой доски. Витька, принимай товар!

Борттехник осторожно подхватил сумку и втащил в грузовую кабину. Надя повернулась в сторону ведущего вертолета.

— Ты куда? — остановил ее капитан. — Я сегодня пассажиром лечу. Может, вместе?

— У меня чемоданы в ведущем.

— Бог с ними. Куда они денутся? У нас воров нет.

Щеглова знала Аратуняна не только как боевого летчика, но и как страшного волокиту. И если бы не хорошее настроенное и не чувство возникшей признательности, она бы отказала сразу. Боясь самой себе признаться, Надя понимала, что капитан ей давно нравится. Сегодняшняя встреча в Кабуле была закономерным и долгожданным поворотом судьбы. За каких-то пару часов, что они были вместе, Аратунян предстал в ее глазах совсем другим человеком. Заботливым и добрым товарищем, единственным желанным мужчиной во всем свете. Следуя вечному женскому капризу все делать наоборот, она решила настоять на своем. Но и капитан не зря считался покорителем женских сердец. Сделав грустную физиономию, он обиженно произнес:

— Вот так всегда. Я от чистого сердца и искренне. Неужели я так плох, Надюша?

— На комплимент набиваешься, капитан?

— Совсем нет. Приписывают мне всякое. А в душу никто не заглянет. Хотя бы ты попробовала. Не такой плохой я парень.

— Сам себя не похвалишь... Я пошла, мальчики.

— Тогда и я с тобой. И правда, какая разница, на каком вертолете лететь? Только опоздали мы. Видишь, бортмеханик двери закрыл. Сейчас запускаться будут.

Действительно, что-то загудело внутри вертолета, взревели турбины, и лопасти тронулись с места. Так или иначе, она была вынуждена принять его приглашение.

В грузовой кабине их было четверо. Остальное место занимали мешки и ящики, выгруженные из двух “КамАЗов”. Аратунян сразу присел рядом с Надей, лейтенант — возле незнакомого майора-десантника.

Двигатели набрали обороты, и вертолеты друг за другом вырулили на взлетку. Разбежались по-самолетному и взмыли в небо. Сделали круг над аэродромом и взяли курс на Джелалабад. Теперь, с высоты птичьего полета, Щеглова хорошо видела весь город, зажатый в тиски горных вершин. Широкая долина уходила на север, в район Чарикара, где в Баграме находился военный аэродром. А еще дальше — на северо-восток, воспетый в солдатских песнях Панджшер. Надя знала, что там постоянно идут операции. Ловят и никак не могут поймать Ахмад-Шаха.

На юг, в сторону Гардеза, шла длинная колонна наливников в сопровождении юрких бэтээров. Где-то на полпути, в районе кишлака Бараки, будут гореть бензовозы и подрываться танки на итальянских минах. Но могут проскочить удачно. Как повезет. И об этом Надя знала. На юго-запад уходила другая долина, соединяющая столицу с городом Газни. Там тоже были засады, там тоже таилась смерть. Да и в Кабуле не было спокойствия. Рвались ракеты, взрывались мины, звучали выстрелы, сверкали в ночной мгле ножи. Но сейчас отсюда, сверху, город выглядел мирным и уютным. Над окраиной кружились несколько вертолетов в ожидании разрешения на посадку. Над дальним приводом снижался громоздкий “Боинг”. Замерли на рулежной полосе два МиГ-21...

Безлюдно было на самолетных стоянках. Не крутились винты на десятках вертолетов, расположенных восточнее аэродрома. Проехал тягач в сторону ремонтной базы. Показались

из модулей несколько человек и скрылись за поворотом к ангару летной столовой.

Наступал полдень — жаркий и знойный. Все авиационное хозяйство Кабульской авиации Советских войск Надя видела как на ладони. Вспомнила слова Аратуняна, сказанные относительно часового-афганца. Сопоставила и только что увиденное. Горько подумала, что опытному человеку полет над Кабулом может сказать о многом. Ракетный обстрел города, воинской части, аэродрома, количество авиатехники и многое другое можно скоординировать и узнать, лишь всего раз побывав в небе Кабула.

Тем временем вертолеты прошли над центральной королевской тюрьмой и с левым разворотом ворвались в горловину ущелья. Горный зигзаг повторяла автомобильная дорога, проложенная между отвесных скал с обрывистыми скатами.

В глубине ущелья чернели остовы сгоревших машин, то ли попавших в засаду, то ли упавших по разгильдяйству. Под монотонный звук двигателей Надя задремала. Ее голова непроизвольно склонилась на плечо Аратуняна. Капитан сидел смирно, боясь потревожить сон девушки. Щеглову разбудил резкий толчок и стремительное падение вниз...

Она открыла глаза и почувствовала, что рядом никого нет. Спина Аратуняна мелькнула в пилотской кабине. Майор и лейтенант стояли на ногах, каждый уставившись в свой блистер. Десантник дернул лейтенанта за рукав и что-то прокричал. Лейтенант отмахнулся, не сдвинувшись с места. Надя хотела снова закрыть глаза, как вдруг увидела, что десантник держит в руках бутылку водки. Не обращая внимания на Надю, он залпом выпил половину. И вновь предложил лейтенанту. Не дождавшись ответа, с минуту наблюдал в стекло, качая головой. Опустился на сиденье и, забыв о лейтенанте, молча допил водку.

Неосознанная тревога подтолкнула Щеглову встать на ноги. Она решительно кулачком толкнула лейтенанта в спину. Тот оглянулся, и Надя увидела в его глазах отчаяние и страх. Так и не сумев победить внезапный испуг, лейтенант не попытался пояснить, в чем дело. Он вновь уткнулся головой в блистер.

тер, совсем забыв про Надю. Тогда она обогнула майора и припала лицом к свободному стеклу. Первое, что увидела, — это голубая синь неба и снежные вершины далеких гор. Яркий луч солнца заставил ее зажмуриться и перевести взгляд вниз. Сразу же заметила круглое озеро и застывшую колонну машин. На кабинах грузовиков и танков сидели и стояли люди. Никто не суетился, никто не стрелял. Все смотрели вдаль и чего-то ждали. От колонны оторвались две боевые машины пехоты и помчались по лощине. Рассеянный взгляд Нади случайно наткнулся на объятый пламенем предмет, падающий к земле. Глаза ее расширились, и в сознании промелькнула страшная догадка. Теперь она ясно видела не просто предмет, а горящий синеватым пламенем ведущий вертолет. Огонь клочьями выбивался из правого двигателя и редуктора. Под напором встречного ветра пригибался, прижимаясь к хвостовой балке. Отрывался и уходил вверх, хватаясь огненными пальцами за лонжероны и сети лопастей. Позади вертолета тянулась ломаная строка черной копоти. Она выравнивалась и повисала тонкой линией прямо по горизонту.

Сердце Нади замерло. Четко почувствовала, как кольнуло под лопаткой. Схватила рукой за грудь и опустилась на сиденье. Беспомощно взглянула на майора и еще больше испугалась. Десантник вновь потянулся к чемодану. Достал вторую бутылку водки, рванул зубами пробку и выплюнул ее на пол. Побултыхал содержимое и, уже не приглашая лейтенанта, поднес горлышко ко рту. Залпом опорожнил ее. Слегка поморщился и закурил сигарету. Наблюдавший за майором Аратунян удивленно присвистнул и сделал шаг в сторону Нади. Его потянул за рукав борттехник, и он вновь скрылся в пилотской кабине. Через миг капитан появился вновь. У него были такие же глаза, как у лейтенанта. Бессмысленный, растерянный, блуждающий взгляд. Как пьяный, хватаясь руками за обшивку грузовой кабины, он шел к Наде. По ее лицу текли слезы. Забыв о платке, девушка размазала их, смешав с тушью. Остро почувствовала, как режет глаза. Боясь встретиться со страшным взглядом Аратуняна, вновь прильнула к блистеру и дико закричала. Объятного пламенем вертолета уже не было. Вниз

падала гряда железа, разлетающаяся на мелкие части. Топливо фонтанами выбивало из баков, загоралось огненными дугами, пересекалось в воздухе. Обломанные лопасти продолжали по инерции вращаться, сталкивались с падающими предметами. Хвостовая балка оторвалась полностью и падала отдельно. Из грузовой кабины вываливались десятки ящиков и устремлялись к земле. Было еще что-то, до боли похожее на человеческие фигурки. Вся эта масса, обгоняя друг друга, упала на вершину горы и кувыркком покатила вниз, в долину. Наде не хватало воздуха. Ее рука рванула ворот блузки. Еще мгновение и — мир угас в ее сознании. Сильные руки Аратуняна подхватили Щеглова и уложили на сиденье. Вертолет снизился до минимальной высоты и сделал несколько кругов над местом катастрофы.

Из Кабула показалась пара поисковых вертолетов Ми-8. Не приспособленный для посадки в горах тяжелый Ми-6 взял курс на Джелалабад...

Надя очнулась при подлете к аэродрому. Ее голова покоилась на коленях Аратуняна. Он ласково гладил ее волосы. Кровь в висках стучала в такт вертолетных двигателей. Так и пролежала Надя с закрытыми глазами до посадки на аэродроме. Остановились двигатели вертолета, и еще долго никто не выходил из пилотской кабины. Боясь потревожить Надю, не шелохнувшись, сидели летчики. Ничком на сиденье лежал десантник. Издалека он слышал тихий голос лейтенанта:

— Майор-то в стельку. Целую литру без закусона одолел. Силен, бродяга!

Аратунян поддержал разговор, кивнув майору:

— Даешь ты, десантура. Вы случаем, товарищ майор, не алкоголик?

Десантник приподнял налитое кровью лицо, пьяно усмехнулся:

— Я совсем редко пью, по праздникам.

— А сегодня у нас что, Новый год?

— Дурак. Пьют по трем причинам: с радости, с горя и от безделья. Понял?

— Понял. Только вот ты-то что нализался?

— Не нализался, а выпил законную, таможную пройденную. Я привык больше с автоматом по горам лазить. Смотрю, вертолет горит. Думаю: все, хана дело. И нам каюк. Не пропадать же добру.

— Нервы у вас, майор, железные.

— Послужи с мое — и у тебя такие будут. А что суетиться? Пользы никакой, от судьбы не уйдешь.

Все трое помолчали, думая каждый о своем. Нарушил молчание лейтенант:

— Прямо над перевалом долбанули. Я в блистер смотрел. Вдруг — бац! Вспышка. Я сразу тебя за руку схватил. Дальше смутно помню.

— А у меня голова Нади на плече. Ты кричишь: “Горит!”, — а я не пойму — кто. Вскочил как бешеный — и к летчикам. Гляжу, мужики бледные. Толик пальцем вниз тычет. Тут только я врубился.

— Может быть, сели бы. Если бы не взрыв.

— Не смогли потушить пожар и взрыв у земли, будь он неладен.

— Начальник клуба летел. За год два раза в небе побывал. И все, крышка.

— Когда сам за управлением, легче. Принимаешь какие-то меры, действуешь. Шесть человек экипаж и десять пассажиров было — и нет. Ужас.

— Дико все это. И как мы не угодили на ведомый? Ума не приложу.

— Счастливый случай. С Надей заговорились, и товар до ведомого ближе было нести. Вот и не верь теперь в Бога. Еще бы немного. Вместе с ее чемоданами в рай бы угодили.

— Майор-то спит, нервы у человека стальные. Вертолет горит, а он водку жрет. Практичный.

Надя слушала летчиков, еще сдерживая дыхание. По-прежнему колело под лопаткой. В памяти отчетливо запечатлелась картина объятого пламенем падающего вертолета. Она представила себя в горящей грузовой кабине. Растрепанную, испуганную, жалкую. Рядом метались люди, кричали, панически хватаясь друг за друга. По ногам стучали ящики, кати-

лись бочки. Невыносимо пахло керосином. Внезапно затрещала обшивка вертолета. Сверху навалилась тяжелая железяка, проломив пол кабины. Со скрежетом оторвались задние створки, приоткрыв страшную бездну небесной пустоты. В нее посыпались ящики, покатались бочки. Несколько человек, вращая глазами и истошно крича, соскользнули следом. Вертолет кувыркнулся, и ворвавшийся воздушный поток прижал оставшуюся человеческую массу к пилотской кабине. Надя успела схватиться за ручку двери. Кто-то вцепился в ее плечо, волосы... Раздался мощный взрыв. И Надя увидела себя падающей вниз в обнимку с дверью. Ее стремительно обогнала знакомая фигура Аратуняна. Он что-то отчаянно прокричал ей и врезался в землю. Еще она представила разбросанные по склону горы человеческие тела. И застывший ужас в мертвых глазах. Надя судорожно зарыдала и забилась в истерике...

Через несколько месяцев полк Аратуняна возвращался на Родину. Кончался срок контракта и у Щегловой. Капитан попрощался с Надей, договорившись через месяц встретиться в Союзе. Но она не приехала. Позже он получил письмо, где она сообщала о своем возвращении. Они встретились. На вопрос капитана о задержке Щеглова отвечала нервно и расплывчато. Все же он узнал, что Надя не смогла улететь из Джелалабада. При одном виде самолетов и вертолетов тело ее бросало в дрожь, ноги подгибались и она яростно отбивалась, оставаясь на базе. Кто-то подсказал отправить ее по земле. Так и сделали. Посадили в кабину наливника, и под надежной охраной Щеглова двинулась домой. Колонна попала в засаду под Кандагаром. Тут ей вновь повезло. Следовавшая впереди машина подорвалась на фугасе, а задняя была прострочена пулеметными очередями. Она не растерялась, выскочила из клочкотавшего огнем пекла и сделала раненым перевязки. В небе Наде было страшнее, чем на земле. Только осенью она вернулась на Родину. Больше никогда Щеглова не была на аэродроме и не пользовалась услугами Аэрофлота.

КАТАСТРОФА

В пивбаре знакомый, пропитанный табачным дымом полумрак. Высокие стальные столики, литровые громоздкие кружки, сушеная, просоленная рыба, ломтики белого сыра на грязных тарелках и монотонный гул мужских голосов. Нащупываю в потайном кармане мятый трояк и заказываю две кружки пива. Устраиваюсь возле картины, где запорожские казаки — усатые и пузатые, при саблях и пистолетах, веселые и счастливые — пьют вино из кувшинов. С завистью смотрю на их довольные рожи, огромные куски мяса в руках и стол, полный лакомых закусок. Жили же люди, — думаю о далеких предках. Осторожно сдуваю пузырящуюся пену к краям кружки и с удовольствием опрокидываю пиво в рот. Удовлетворенный, закурываю сигарету и окидываю взглядом зал. Спокойные, подвыпившие мужские лица. Сама Россия ушла в подвалы и подворотни. Ведем кухонный образ жизни. Смотрю на часы. Около двух. Как по команде появляются ребята, все свои в доску парни. Подполковник Белобородов — огромный, седой, жизнерадостный балагур. Капитан Расторгуев — молодой, перспективный командир звена. Комэска майор Гусаров. Его замполит Леша Спирин. Прапорщик Дима Вальчук, вышедший на днях на пенсию. Андрюха, Витька, Славка... Радостно жму их руки, хлопаю по плечам и хохочу вместе со стариком Белобородовым. Дима Вальчук открывает “дипломат” и выставляет на стол батарею водки.

— Отвальная, ребята, — поясняет он. — Отслужил, слава тебе, Господи.

Мы пьем за него, за счастливое возвращение. А третий сто-парь — молча, за тех, кого нет с нами. Афганская традиция. Пока мы живы, будет жить и она. Наша память. Не чокаясь, чуть дрогнув рукой, я пью горькую “горилку”, вспоминая Серегу Чукаря.

Солнечный июньский день 1984 года. Баграм. Операция на Панджшере. Ловим и никак не можем накрыть банду Ахмат-Шаха Масуда. Его портрет вывешен у нас в модуле. Борода-тый, здоровенный детина тридцати лет. Плакат Ленина сняли, а душмана повесили. Неужели думают опознать и поймать его в нашем городке?

Накануне меня наконец-то выпустили из джелалабадского заточения. Постоянно находясь в полупьяном безделье, я отбы-вал наказание за то, что набил морду одному новоявленному украинскому националисту в чине прапорщика. Позже, за кра-жу бензина, его выгнали из армии. Тогда весь наш полк улетел на операцию в район Панджшера. Меня оставили на базе. По-ручили руководить взлетом и посадкой редких самолетов и вертолетов. Целые дни я сидел на вышке и умирал со скуки. Внизу был небольшой магазинчик, где пройдоха-торгаш про-давал из-под полы “кишмишевку”. Я брал дюжину целлофа-новых пакетиков, наполненных этой бурдой и завязанных сверху ниткой, поднимался наверх и в жутком одиночестве глотал теплую, приторную жидкость. Пил и горько думал про себя: “Когда же все это кончится?” Наш батя, командир пол-ка, подполковник Томарев наконец-то сломал упрямство на-чальника политотдела, стряпавшего мое трибунальное дело. Он сказал: “Бомберы мне здесь нужны. Хватит ему штаны про-тирать на вышке. Потом разберемся, а сейчас воевать надо. Да и фингалы у хохла прошли. Пусть в следующий раз автома-том не балуется”.

За мной немедленно прибыла вертушка. Сам майор Вин-ник. И уже вечером, страшно довольный, я с удовольствием пил нашу русскую бражку, которую в честь моего прибытия выкатил Серега Чукарь. Начинало темнеть, когда заядлые картежники решили разорвать последний банк и двинуться спать по своим берлогам.

— Ты куда? — остановил меня Чукарь. — Дрыхни у меня. Твой экипаж в модуль подался? И мои ушли. Нам двоим места хватит.

С шутками и прибаутками он юркнул за заднюю шторку и торжественно водрузил на ведро трехлитровую банку “томатки”.

— Запасик. Надо же, бродяги всю флягу одолели. Одна густота осталась. Ничего, завтра опять заварганю. Сахарок припас, дрожжей немного есть...

Чукарь был старше нас лет на десять. Деятельный, хозяйственный, расторопный и грамотный технарь.

— Что принесет нам завтра, — буркнул под нос я, опрокидывая стакан. Мне действительно стало лень поднимать задницу от сиденья, топать к своей вертушке. “Какая разница, где спать”, — позевывая, подумал я, сворачиваясь калачиком и упираясь ступнями в ноги Сергея. Наверное, банка браги и лень-матушка спасли мне жизнь. В четыре утра меня разбудил далекий шум авиационного двигателя. Взлетал разведчик погоды. Рядом, по-детски похрапывая, спал Чукарь. Я боднул его несколько раз ногой, громко крикнул:

— Подъем! Вставай, алкаш. Прячь брагу. Отрубай хвосты, вечером допьем.

Сергей сладко потянулся, привстал, нашарил рукой банку, сделал пару глотков и протянул ее мне:

— Теплая, зараза. Будешь?

— Нет. Мне сегодня бомбить. Да и “начпо” вызовет на ковер, будет воспитывать. Еще унюхает, стервец. Лучше тяпнем вечером, если живы будем...

— Живы будем — не помрем, живы будем — не уснем, живы будем — все допьем, — скороговоркой пропел он, засовывая в рот “беломорину”.

Я открыл дверь грузовой кабины, поставил стремянку и соскочил на землю. Было прохладно. На востоке всходило солнце. Немного размяв ноги и руки, я поплелся к хвосту вертолета. Рядом пристроился и заспанный Сергей. Таким и помню его: взлохмаченным и зевающим. Ленивым взглядом я окинул стоянку вертолетов, одиночные фигуры проснувшихся обита-

телей берлог, алый диск солнца, голубизну неба. Посмотрел на взлетную полосу и замер, застыл в изумлении.

Прямо на меня, грозно и неотвратимо, вынырнув из-под хвоста приземистых двадцатьчетверок, катился огромный, пульсирующий ярко-огненный шар. Все же я успел рассмотреть в середине огненной дуги пилотскую кабину самолета и крылья, не объятые еще пламенем. А сзади, на середине взлетки, пламя факела перевернутой вертушки. Я невнятно зарычал, рванул Сергея за рукав комбинезона и плюхнулся головой на смоченную мочой землю. Охнув от изумления, рядом бухнулось тело Сергея. Он поперхнулся, с отвращением плюнул и буркнул:

— Носом — и прямо в хреновину. Ну и шуточки.

Это были последние слова, которые он произнес в жизни. Горящий, летящий смерч сошел с траектории полета, накренился влево, опустил нос и, снижаясь, падал прямо на нас. На меня, Сергея, на землю!

Стукнувшись лбами, мы дружно спрятали головы за заднее колесо. Не мешкая, стали проталкиваться под пузо вертолета. Я — впереди, Сергей — сзади. Концы радужной дуги смертносного смерча пронесли мимо, опалив хвостовую балку горячим воздухом, зацепив чем-то за редуктор мою восьмерку...

Моя вертушка вздыбилась, как молодой жеребец, покачалась из стороны в сторону, как старая кляча, и повалилась на бок, как пристреленная лошадь. Веером разлетелись обломки лопастей, вспыхнул основной топливный бак, вовлекая в огненную свистопляску двигателя и грузовую кабину. Самолет, развалившись на куски, пробороздил по земле фюзеляжем, остановился, придавив своей массой огненную дугу, превратившись в дымящийся черной копотью костер.

Я поднялся, механически ощупал себя руками, взглянул на Сергея и увидел пенистую струйку крови, вытекающую из пореза вонзившимся кусочком железяки в сонную артерию. Поразило чувство внезапного страха. Я пронзительно взвыл, вскочил на ноги и бестолково замахал руками. Неожиданно рванула вертушка, и меня обдало жаром взрывной волны. Ноги подкосились, и я упал на горячий обломок лопасти. Резко почув-

ствовал через комбинезон обжигающую боль живота. В нос ударил смрадный запах горящего алюминия и тлеющей материи. Хватаясь руками за траву, отполз под хвостовую балку и вдруг услышал трель резких хлопков и визг пролетающих снарядов. И еще черт знает что. Это начал рваться боезапас самолета. Очумевший, обессиленный, испуганный, я быстро пополз на старое место под брюхом вертолета. Уткнулся носом в пыльную резину, подтянул ноги под подкос и обнял правой рукой безжизненное тело Сергея. Откуда-то донесся вой сирены, пронеслись санитарные и пожарные машины. Появились люди.

Прошло всего несколько минут. Мгновение, унесшее большой кусок моей жизни. Злой рок, беспощадно убивший Сергея.

Кто-то потянул меня за ноги. Я брыкался, отплевывался, что-то мычал, упорно хватаясь за землю. Сергея положили на носилки и понесли к “санитарке”. Его шею обложили плотным слоем ваты, обмотали белоснежным куском бинта, через который просачивалась кровь и торчал тупой угол ржавой железяки. Я приподнялся, сел на подкос вертолета, обхватил голову руками и заплакал. Только сейчас я понял, что Серега убит. Он мертв.

Я нашел в себе силы встать на ноги и, как пьяный, мимо своей тлеющей вертушки побрел к останкам самолета. Еще дымились обломки искореженного металла. В стороне валялся движок, сохранившееся целиком крыло и какие-то скрученные трубы. Вокруг самолета образовалось смоляное пятно, внутри которого возвышалась куча металлолома. На бетоне на коленях стояли афганцы, вознося к небу руки и читая молитвы. Один из них, молодой технарь, покрытый копотью с ног до головы, громко рыдал, стучаясь лбом о грязный асфальт. Кто-то длинным, деревянным, кривым багром осторожно ковырял в куче хлама. Люди стояли не шелохнувшись, насупив угрюмые лица и уставившись в одну точку. То, что я увидел, не забудется, не изгладится из памяти никогда...

Их было двое. Два командира полка. Наш и афганец. Кто из них кто — понять было невозможно. Два трупа. Потусторонние, страшные. У одного напрочь снесена голова. Второй

труп мало чем отличался от первого. Он был запутан стропами полураскрывшегося парашюта. Только один Бог знает, на что надеялся этот человек, дергая за кольцо вытяжной фалы на высоте двадцать метров, сидя в объятый пламенем кабине самолета. Одно верно, что его мозг судорожно искал пути спасения. Человек был в памяти, он хотел жить. У него сохранилось подобие головы и рук.

На предполетных указаниях нас посветили в подробности. Случилась невероятная и, может быть, единственная подобная в мире трагедия. Самоуверенные главные авиационные начальники в Баграме без разрешения руководителя полетов вырулили на самолете в начало взлетной полосы и произвели взлет над работающей на середине полосы вертушкой. Не рассчитали дистанцию и зацепили топливным баком за вращающиеся лопасти двадцатьчетверки. Отсюда и огненный шар, бьющий фонтаном горящего топлива. Их разгильдяйство послужило причиной собственной гибели и смерти Сергея.

Летчики из вертушки спаслись дважды. Очумевшие от внезапного тяжелого удара, они сумели выбраться из мгновенно вспыхнувшей кабины. В панике бросились бежать в противоположную сторону, прямо по минному полю. Овладев собой, тем же путем вернулись обратно. Узнав, что чудом уцелели, ребята три дня беспробудно пили водку. А по приезду домой поставили свечи в церкви. Минеры же экспериментировали взрывы, недоуменно разводили руками, доказывая непроходимость заградительной минированной полосы.

Я тоже мог сгореть в своем вертолете или оказаться на месте Сергея. Но его Величество случай и судьба распорядились иначе. Я остался жив. Именно тогда, в то время, я стал верить в какую-то непонятную, не подвластную человеческому разуму силу, сотворившую этот мир и нас самих. Решающую, кому жить, а кому умереть. Я надел на шею крестик, подаренный мне матерью перед отъездом, и уже никогда его не снимал, не прятал.

Вечером, в одиночестве, я пил брагу и поминал Серёгу Чукарева.

ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ

Тот день остался в моей памяти навсегда, вобрав в 24 часа времени всю жестокость, мерзость, безнравственность, подлость, отчаяние, безысходность и глупость афганской войны. И я в той далекой горькой обыденности с трудом узнаю себя, молодого и сильного, равнодушного и послушного робота войны. Мы работали, выполняли служебный долг. Становились пленниками войны, ее закадычными друзьями. Менялись мы, менялась страна. В худшую сторону.

Тот день — страшный, насыщенный памятными фактами, для меня был последним пограничным толчком к прозрению. Простой вопрос наконец-то пришел в голову. Для чего? Для чего все это? Ответы у всех разные. Но по сей день лично у меня одни вопросы. Всего один только день...

I

Полковник Смирнов, злой, как черт, явно перебравший спиртного, исходил потом. Все казалось плохим. Особенно это ущелье, куда с левым разворотом заходили вертолеты. Смахнув пот с лица, брезгливо поморщившись, влажной ладонью полковник прижал “ларингофон” к гортани. В эфире раздался его властный голос:

— Кто на посадке? Понял. Садись сходу. Кому говорят, мать вашу! Не дрейфь. Что, летать разучились? Я приказал — сходу! Кому говорю! Раззява хренов!

Смирнов был не в своей тарелке. Возомнивший о себе Бог

знает что, как и любой большезвездный кабульский коршун, привыкший воевать по штабным картам, давать распоряжения, теоретик паниковал и нервничал. Он, как базарная торговка, отрывисто, “матком” рычал в эфир, давая противоречивые указания:

— Куда прешь! Слепой, что ли? Уходи на повторный. Как твой позывной? Салага, мать твою! Сниму с летной работы, дуб тупорылый!

Смирнов вытягивал шею, вертел головой из стороны в сторону, налегая грузным телом на ручку управления вертолета. Резко дергал педалями, заставляя бледнеть и ерзать на сидении опытного бортмеханика Анатолия Головина. Анатолий, бросая взгляд на приборы, кричал мне в ухо:

— Этот инспектор нас в землю вгонит. Перетяжелит винт. Опять скорость гасит. Что он, с ума сошел! Ведь перетяжелит, перетяжелит винт!

— Командир! Обороты, скорость, — напомнил я, стараясь не взбеленить разгоряченного полковника.

То, что Смирнов самодур, но летчик от Бога, я знал давно. Но здесь... Не Кабульский аэродром и не плановые полеты по коробочке. У меня было достаточно горького опыта сложных полетов в горной местности. А опыт мне подсказывал, что еще немного дерготни и нам амба, конец. Полковник что-то буркнул в ответ, брезгливо, с высоты покосился на меня и вновь перешел на визг:

— Куда прешь! За горку заходи! Что, ослеп или пьян с утра? Я тебе покажу на разборе полетов. Кому говорят, олух небесный!

Толку от моих реплик было мало. Небесный ас не слушал мелкоту. Может быть, спутал стационарный командно-диспетчерский пункт аэродрома с кабиной вертушки. Как каждый штабной большезвездный чин, он искренне считал, что кругом одни дураки. Он привык командовать, любил повелевать. Ко времени и месту ли — ему было наплевать.

У командира последней вертушки сдали нервы. Да и по логике последний всегда крайний. Ему полковник преподнес целый букет матерков. Командир поспешил с посадкой, преж-

двременно загасив скорость. Вертолет резко просел, набрав большую вертикальную скорость.

— На повтор, на повтор! — заорал благим матом в эфир полковник.

В данном случае повторный заход был необходим, но нежелателен. Второй круг — всегда угроза лишней пробоины в фюзеляже или дырки во лбу. Но и уходить на второй круг было поздно. Набору высоты и разгону скорости мешали пики горных вершин, торчавших в поднебесье по курсу взлета. Вертушка плюхнулась на землю, благо, на все три точки опоры. Удар был силен. Вертолет отпружинил от земли, сделал пару скачков, бешено вращая лопастями. Умелые руки летчика удержали вертушку от опрокидывания. Резко был сброшен шаг-газ и немедленно выключены двигатели. Угрожающе раскачивая корпусом, вертолет замер на краю пропасти.

— Пронесло, — только подумал я, как почувствовал всем телом резкое падение вниз. Сразу же вылетел из головы полковник со своими командами и судьба вертушки, произведшей посадку. Мой и Анатолия взгляды мгновенно сосредоточились на приборах. С ужасом я увидел стрелку указателя скорости, приближающуюся к нулю. Мельком увидел угрюмое, побагровевшее лицо борттехника. Мои руки схватились за рычаги управления. Будто во сне услышал крик Головина:

— Командир! Скорость, обороты, обороты, скорость!

Вроде бы Толик съездил полковника по уху. Все же Смирнов был дока в летном деле. Молниеносно окинув взглядом приборы, сосредоточив взгляд на указателе оборотов и скорости, он плавно потянул “шажок” (рычаг шаг-газ), поманипулировал “коррекцией” и протолкнул ручку управления вертолета вперед. Позже я понял, что это был единственный шанс выжить.

Перетяжеленному несущему винту не хватало мощности двигателей. И винт мог сделать опасную штуку. Страшную для любого летчика. Стоимость которой человеческая жизнь. Вертолет, задирая нос, камнем падал в пропасть. Тогда нас спасли глубина ущелья, выдержка и умелые руки самодура-полковника.

Прищуриив глаза, плотно сжав губы, он упорно проталки-

вал ручку управления вперед. Еле-еле стрелка указателя скорости поползла вверх. Нос вертолета выровнялся. Прекратились визжавшие от напряжения хлопки воздуха. Метрах в 150 от земли нас тряхнуло, скорость перевалила за отметку 60 км/ч. Я с облегчением понял, что и на этот раз “пронесло”. Вертолет перешел на режим косой обдувки, стремительно уменьшилась вертикальная скорость и мы плюхнулись позади всей вертолетной кавалькады. Несколько десятков метров высоты и секунд времени спасли нас от гибели. Смерти. Внезапной, нелепой, сотворенной человеческими руками.

Но полковник! Он остался верен себе. Не зря говорят: “горбатого только могила исправит”. Затормозив вращение лопастей, он победоносно взглянул на меня и самодовольно проговорил:

— Что? В штаны наложили? Паникеры. Как моя посадка? Ты бы сумел? Где уж бы вам, лапотникам. Учись, браток, пока я жив. Так что вам повезло.

Позже о “геройской” посадке со слов полковника знали многие. Смирнов за операцию получил орден. Но мало кто знал, что лишь своевременное вмешательство мое и борттехника сохранили те метры и те секунды. Ну а тогда его высокомерная, победная рожа, ждущая похвалы, желание ястреба, создавшего своим самодурством смертельную ситуацию, какой-то благодарности от нас повергло в шок.

— Я больше с вами не полечу, — спокойно проговорил Головин, закуривая сигарету. Вылез из кабины и, повернувшись к ошарашенному полковнику, добавил. — Хотите подышать, так без меня. Ваши фокусы мне ни к чему. Ищите другого дурака -технаря. А мне хочется домой вернуться.

Анатолий снял шлемофон с головы, долго смотрел на пред-рассветные лучи солнца, жадно вдохнул воздух и молча двинулся к соседнему вертолету.

— Стоять! — взревел опомнившийся полковник. — Я кому сказал! Стоять! А ты куда без команды? Я с вами еще разберусь!

Тут уж взбеленился я. Появилось желание съездить Смирнова по роже. Кое-как овладел собой. На ходу бросил:

— Летайте с другими. Более умными. Вы же сами сказали, мы до вас не доросли.

Услышал вдогонку:

— Сниму с летной работы. Я кому сказал. Стоять!

Головин не выдержал. Его лицо побагровело, кулаки сжались.

— Спокойно, Толик, — я обнял его и с силой сдавил плечи. — Я сам разберусь. Как летчик с летчиком.

Мы смотрели в глаза друг друга. Смотрели долго, не мигая, непрерывно. Мы говорили глазами. И мы друг друга поняли. Полковник отвернулся первым. По-стариковски побряхтел, вытер потными руками лысину и молча пошел в сторону штабной палатки. Больше мы с ним не летали.

Это был рассвет. А утром...

II

Мы дремали в вертушке, обливаясь потом. Кто-то пошаркал ногами по стремянке. Я открыл глаза и увидел здорового десантника. Его лицо было оживленно. Заметив, что я проснулся, он весело спросил:

— Командир, курить не найдется? За недельку совсем прокурились. Патроны, жратву возят, а курить нет. Хоть на травку переходи. Забодала житуха.

Я протянул ему пачку “Примы”.

— И что вы тут недельку делали?

Он жадно затянулся дымом, несколько раз чихнул и, хохотнув, ответил:

— Трясли друг друга. То мы “духов”, то они нас. Благо, сегодня поутрае две “объемки” бахнули. То, что мы за неделю напластали, бомбочки за часок ковырнули. Эффективно, скажу я вам. Есть желание, пожалуйста, таких “страшков” покажу, какие и в кошмарном сне не приснятся.

Я вскочил как ошпаренный. Только сейчас поняв причину тишины убаюкивающей вершины и долины горной гряды Гиндукуша. Соскочил с сиденья и Анатолий — любитель всевозможных зрелищ. Оживленно переговариваясь, мы двинулись следом за десантником. Жестикулируя, он восторженно рассказывал:

— Мы с прошлой недели дергаемся. Ни туда, ни сюда. Сильно укрепились, гады. Ни пулей, ни снарядом не возьмешь. А тут начальства, как саранчи, поналетело, журналисты всякие. Взводный говорит: “Хана, ребята, дело. Полбатальона положат, а заставят горку взять”. Показуха. Мы было приуныли. А ночью команда отойти назад. Поутряне “стратеги” (самолеты) нагрянули, затем вертушки. Когда рассвело, и мы в бой пошли. Хотя, какой бой? Трупики одни. Трупики. А какие! Бомбочка хрясь — и сливай воду. Эффект стопроцентный. Сами посмотрите. Такое в кино не покажут. Муторно, блевать тянет. Снайперов не боись. Как в Сочах на курорте, голяком гуляй. Всех бомбочка подчистила. Газочек в каждую щелочку залез. Говорят, какая-то вакуумная. Разряжение сильное, давление бешеное. Хлеще американского напалма. Там море огня и шума. Тоже эффективно. Смотреть жутко. А у нас по-другому. Тихо, мирно и шашка в дамки. Чаше бы применяли. А то нельзя, не гуманно. Убивать ножом, пулей гуманно, а газом нет. Брехня какая-то. По мне так хоть весь Афган вытрави. Скорей домой поеду. А вот и первый экземпляр. Их поблизости много валяется. В одной пещерке так под сотню штук. На стенки, дурилы, прыгали, друг в друга мертвой хваткой цеплялись. Как клопов, траванули. Туда мы не пойдем. Опасно. Там несколько человек живьем взяли, выжили как-то. Только я думаю, они после бомбежки по каньону спустились. На разведку шли. Тишине удивились. Или подкрепление? Свеженькие. Не попали под молотилку. Может, еще кто есть. Стрельнуть могут. А нам это ни к чему. Береженого Бог бережет. Этого дохлого добра и здесь навалом. Бомбочка, скажу я вам, ну и бомбочка!

На возвышенности стоял пулемет, заправленный полной лентой. Полукругом окоп, под ногами стреляные гильзы. Валялось три трупа. Двое — уткнувшись лицом в песок, третий — облапив руками камень, выгнувшись по-змеиному телом. По очертанию спины еще не старый человек, с неестественно вывернутой шеей и сжатыми в кулаке пальцами. Grimаса его лица была ужасна. Рот порван. Красное, обогрелое дупло с торча-

щим, обкусанным куском языка, вытянутым каким-то образом до подбородка. Задранная к носу верхняя губа и звериный оскал шеренги ровных зубов. Его подбородок был свернут в сторону, щеки сморщены. А глазищи! Открытые, выпученные, вылезшие из глазниц, с лопнувшими поперечными и продольными жилками кровяных стрел.

Десантник деланно хихикнул. Пнул носком ботинка в бок трупа.

— Развалился. И правда, у себя дома. Посмотрели? Сногсшибательно. Что я говорил? Те двое песок, камень хрумкали. Так и подошли с набитым ртом. А этот ерепенился. Не хотел умирать. Я за день нагяделся. Ничего, привык. И вы привыкнете. Человек, он ко всему привыкает. Пойдемте следующих мертвяков покажу. Экскурсоводом поработаю.

Дикое желание посмотреть на чужую смерть у меня испарилось. Невольно на миг представил самого себя на их месте. Попытался вообразить предсмертные муки, последние мгновения жизни этих людей. Мне показалось, что вот сейчас вновь взорвется бомба. Уже мы будем грызть зубами землю, дико орать от бешеного давления в ушах, хвататься друг за друга руками и молить Бога о скорой смерти. Мне стало жутко, одиноко, тоскливо. Я потянул Головина за рукав. Анатолий почувствовал что-то подобное. С нас довольно было и этих экземпляров, о чем я сообщил десантнику.

Он благодушно кивнул, явно и сам не желая продолжать экскурсию. Опустился на корточки, развернулся спиной к трупам, запустив в рот очередную сигарету:

— Дело ваше. Как сговорились. Третью экскурсию веду. Дальше никто не двинул. Мы по горячке осмотр произвели. Вот теперь и рассказываем. Но лучше б глаза мои не смотрели. Сниться еще будут. На гражданке никто не поверит, что такое бывает. Сюда бы тех, кто войны начинает, кто придумывает эту белиберду. Гуманно, не гуманно. По мне, Бог дал жизнь, он и забрал. Вся гуманность. Мы тут дергаемся, долбим друг друга пачками. За что, про что — по сей день не врублюсь. Пробу-

ем новые виды оружия. Сегодня мы, а завтра они. Конструкторы тем временем еще что-нибудь страшненькое изобретут. Зачем, для чего все это? Иногда гадаю, какой смертью легче умереть. Вот такая ерунда в голову приходит. Раньше на мечах бились, стрелы пускали. После пушки пошли, снаряды, автоматы. Теперь бомбы атомные, водородные, напалм, газы, ракеты. Интересно, лет через сто как убивать будем? Как думаешь, командир?

Мы сидели рядом с десантником, думая каждый о своем. Головин вдруг громко захохотал, схватившись за живот. Повернулся ко мне и, тыкая пальцем в десантника, проговорил:

— Чудит десантура. Сто лет жить собрался. Ты до дембеля то доживи, не сыграй преждевременно в ящик.

— Жив буду или помру, а мне все равно интересно. Раньше воевали, сегодня воюем и завтра будем. А техника-то развивается, особенно убойная. Сами сегодня убедились. Одна — две бомбочки, а такой шухер навели.

Толик помолчал. Сорвал пучок травы. Долго мял его пальцами. Тихо ответил:

— Ничего не будет. Пустота. Безбрежный космос. Тысячи других планет, других миров. Смотри. Я дунул — и нет травы. А когда-то она цвела, зеленела. И земля прахом пойдет, если дальше воевать будем. Ну, нам пора. А ты, философ, возьми лопату и закопай “духов”. Люди же...

— Ну уж фиг. В могильщики я не нанимался. Их тут полно валяется. Месяц закапывать будешь. Мы уйдем, вернется “духовская” родня, похоронит. Насчет этого у них строго. Мертвых не бросают.

Действительно, у мусульман строгое правило хоронить убитых. И мстить за их смерть. Это железное правило было причиной ряда яростных атак на наши позиции. Пока штабисты и разведка выясняли, что ценного “духи” нашли в данной местности, афганцы, прикрываясь огнем, тащили на себе погибших товарищей. Стратеги в погонах закручивали кольцо крупной операции на пустом месте. “Духи”, вытащив своих, тихо поки-

дали район боевых действий. А потом мстили. Коварно, безжалостно. И, может быть, справедливо. Хотя, какая может быть справедливость на войне?

Это было утром, а в полдень...

III

Изнывая от жары и безделья, находясь под впечатлением утренней экскурсии, мы уныло наблюдали за группой людей, спускавшихся с пригорка. Впереди, связанные одной веревкой, устало тащились четверо пленных. Сзади грузные мужики, обвешанные оружием, явно не первогодки, замыкали процессию. Пленные, как на подбор, были молодые, сильные парни. На головах двоих отсутствовали чалмы, один придерживал другого, третий одергивал руками в клочья разорванный халат. Последний, опираясь на палку, скакал по камням босыми ступнями ног. Безразлично взглянув на нас, они проковыляли мимо. Сзади резко дернули за веревку и четверка пленных послушно рухнула на землю.

Я посмотрел на конвоиров и увидел радостно улыбающуюся знакомую физиономию.

— Привет, старина, — хрипло пробасил коренастый, мускулистый майор, протягивая руку.

— Колян? — удивился я, мгновенно вспомнив прибалтненного, вечно пьяного капитана, с которым два месяца назад на пересылке в Ташкенте мы трое суток беспробудно пили водку. Выпили мы ее море. Опустошив карманы, двинули на поиски приключений. Связались с какой-то узбекско-татарской шантрапой, которые на прощание решили заглянуть в наши бумажники. В карманах только ветер гулял. Разочарованные собутельники начали футболить нас ногами, разбудив мирно дремавшего на ящике капитана воздушно-десантных войск. Колян дрался яростно. Бил жестоко и профессионально. Последнего из нападавших потряс за шиворот и заставил обшарить карманы противников. Засунув деньги в карман, ладошкой рубанул последнего по шее. Матюгнулся и изрек: “Ишаки. Лежачего бьют. Денег захотелось, вот и платите компенсацию.

Сматываемся, а то менты нагрянут. А эти? Пусть знают наших. На кого, суки, руку подняли”.

Где-то орала милицейская сирена. По дороге снова нажрались до одури. Колян вновь пил за себя, того парня и хоть бы хны. Куда-то рванули на такси. Щедро расплатились. И... Дальше не помню. Резко пошел в вырубон. Утром открыл глаза, а капитан уже с опохмелкой стоит, ухмыляется. Оказывается, как с поля боя, он меня на спине тащил километра два. А я песни пел. В общем, совсем крыша поехала. А он выдержал. Что значит десантная закалка. Колян улетел первым. На прощание обнялись. Он похлопал меня по плечу:

— Встретимся в Афгане. Пора, братан, на работу. Передышку необходимо сделать. По спиртному годовую норму выполнил. Держи краба, браток.

Вот и встретились. Правда, теперь его было не узнать. Может, и правда, все мы меняемся, когда пересекаем границу. И туда, и сюда. Какой-то дерганый, взвинченный, как пружина. Болтал без умолку. Видно, безумно был рад случайной встрече. На его плечах я заметил майорские звездочки, с чем незамедлительно поздравил. Он покосился на погоны и довольно изрек:

— Это за Митерлам. Вне очереди. Знай наших. Такими темпами, дорогой, я и генерала в Афгане получу.

“Или пулю”, — хотел добавить я, но промолчал, решив не омрачать ему настроение.

Вдруг в его глазах загорелся зловещий огонек. Как тогда в Ташкенте. Сумрачно окинув взглядом пленных, Колян повернулся ко мне:

— Вот такое дело, дружок. Троих надо спустить на землю, без парашюта. Сможешь? Или кишка тонка?

Я с изумлением уставился на майора, ставшее чужим и злым его лицо. До меня постепенно дошел смысл его предложения. Дрогнули ноги, тело прожгло жаром. О таких делишках я слышал. Но чтобы самому... Помялся на месте, растерянно улыбаясь. Колян не дал мне передышки. Речь его стала прямолинейной, четкой и напористой. Он загорелся идеей, он вновь занимался делом, своей работой.

— Не дрейфь. Так надо. Они на связь шли. После бомбежки. Не раскалываются, хоть кол в задницу вбивай. А тот дылда за главного. Я переборщил. Задницу ему проводкой попортил. А это место у них святое. Теперь ему муки земные “до фени”. Может быть, небесные помогут?

Какое-то нездоровое любопытство, чувство новых ощущений заставили меня утвердительно мотнуть головой. Не глядя на пленных, спросил:

— Всех? Или по выбору?

— По ходу видно будет. Мне бы этого верзилу тряхнуть. Чувствую, знает, но молчит. Возиться с ним некогда. А информация у него ценная должна быть. Ну что, по рукам?

Эта минута перевернула многое в моей жизни. Ведь фактически и я стал палачом. Но тогда об этом не думалось.

— Надо с начальством вылет согласовать. У нас за бугра полковник Смирнов. Договорись с ним. Скажешь, второго летчика с соседнего борта возьмем. Он поймет, почему. Кстати, прикажи этих привязать, а то дергаться начнут. А бардак в воздухе нам ни к чему.

— У нас не подергаешься. Правда, кто их знает. Возьмут, друг за другом все прыгнут. У них мозги набекрень после проводки. Одного надо оставить обязательно, а там посмотрим. Я к полковнику. Запускай вертушку. Одна нога там, другая здесь. Я мигом.

Паращют, паращют.

Духи” нас не подведут,

С па-ра-шю-том сиганут,—

громко мурлыкая, растягивая слова, пел он, шагая к штабной палатке.

Тогда в воздухе я вышел в забитую пленными и десантурой грузовую кабину. Хотел понять, что чувствуют приговоренные к гибели люди на пороге смерти. Догадываются ли об этом? Они сидели рядом с левой стороны борта. Напротив— накупившиеся лица офицеров-десантников. Мой безоружный, в голубом комбинезоне, вид сильно отличался от вида вооруженных до зубов десантников и разбудил в пленных любопытство. И, как мне показалось, надежду. Это были последние

минуты их жизни. Понимали, знали ли они об этом? Никто никогда не поведает. А я старался запомнить их лица. Надолго, навсегда. Не знаю, зачем. Я хорошо понимал, что моя команда послужит началом конца их существования на земле. Что-то подтолкнуло меня к третьему смертнику, сидевшему рядом с верзилой. Молодому, безусому парню с грустными, черными глазами. Как ни странно, на его жилистой руке сохранились часы. Я протянул ладонь и указал глазами на них. Верзила что-то буркнул афганцу. Тот растерянно, виновато встрепенулся и резко вскинул левую руку в мою сторону. В его утомленных глазах сверкнула веселая искорка презрения. Презрение к мародеру в синем комбинезоне. Ко мне. Я провел пальцами по стальному браслету и прочитал еле заметную надпись на циферблате — “Сейка”. Вторая рука пленника попыталась расстегнуть браслет. Я схватил его за ладонь, крепко сжал за запястье и отрицательно замотал головой. Афганец сидел не шелохнувшись, уставившись мне прямо в лицо. Наши глаза встретились. Какая-то человеческая ниточка связала нас. Я потерянно улыбнулся ему. И в его глазах мне почудилось сочувствие и жалость. Человеческое участие ко мне, одному из палачей! Не знаю, понимал ли он тогда, что был на краю смерти. Но никто не хотел умирать. Это я твердо знаю. Я оттолкнул его руку с часами. Неожиданно для себя потрепал по плечу и, повернувшись к Коляну, прокричал:

— Этого оставь. Он мне понравился. Прошу тебя...

Майор внимательно смотрел на нас. О чем-то посоветовался с заместителем. Криво усмехнувшись, ответил:

— Хорошо. Только лучше ли это будет? И для него, и для нас. Пусть живет пока...

Смысл этой фразы я понял поздно вечером.

Первый смертник по-звериному визжал и брыкался. Первому всегда трудно, тем более умирать. Страшной, дикой смертью. В прямом смысле от страха он наложил в штаны. Колян заломил его руки за спину, вывернув их из суставов. На голову накинули веревочную петлю, затянули. Схватили за ноги, качнули и швырнули смертника в поднебесную пустоту. Хри-

пящий визг — плач пленника оборвался, растворившись в безбрежном океане Вселенной...

Второй смертник поспешно читал молитву. Он закатывал глаза в потолок, судорожно водил ладонями по лицу и старался не смотреть и не слышать мук своего собрата. Толчок в плечо пронзил его тело судорогой. На мгновение закрыв глаза, он резко вскочил на ноги, что-то прокричал и сам выбросился в дверной проем кабины.

Десантура замялась, обговаривая смелый поступок афганца. Этим воспользовался верзила, каким-то чудом развязав узлы веревки на руках. Облапив Коляна сзади за грудь, сжав в мертвой хватке пальцы, пленный потащил майора за собой в пучину смерти. Лишь в последний момент ошарашенный заместитель майора успел схватить пленника за ноги и повалить на пол кабины. Кто-то опустил на голову афганца приклад автомата, проломив ему череп. Обрызгав Коляна кровью, верзила потерял сознание и разжал пальцы. Майор, беспрестанно матеря все и всех, на карачках вылез из-под афганца, вытер подолом куртки с лица и рук чужую кровь, развернулся и стал пинать бесчувственное тело ногами. Что-то рывкнул в залитое кровью ухо смертника, схватил за плечи его тело, подтянул к дверному проему и швырнул в пустоту. Угрожающе сверкая налитыми кровью глазами, хватаясь руками за обшивку грузовой кабины и дополнительный топливный бак, Колян двинулся в сторону последнего пленника. Опомнившийся заместитель что-то прокричал ему в ухо, стараясь плечом отгородить афганца от взгляда майора. Колян на мгновение остановился, успокоился и устало опустился на сиденье. Положил голову на плечо заместителя и прикрыл глаза. Так он и дремал до самой посадки. Может быть, спал, а может быть, думал свою горькую думу. Как знать?

А пленник, тот самый, с часами, сидел в углу и плакал. По-детски, со всхлипом, растерянно и обиженно. Выйдя из грузовой кабины, он упал на землю, обнял ее руками и затих. Пинок в бок и окрик Коляна заставили его встать на ноги. Повернувшись ко мне, майор крикнул:

— Вечером продолжение спектакля. Парень сломался. Приходи, не пожалеешь...

Это было в полдень. А вечером...

IV

В жутком одиночестве, как последний трус, нервно перебирая ногами и теребя пальцами свою помятую панаму, я замер у края неказистой палатки, наблюдая и слушая то, что происходило внутри. Мне было страшно. Очень страшно и противно. За себя и своих друзей. Я не смел войти в палатку, я трусил, трусил и трусил. Я был ошеломлен и подавлен.

Пленника жестоко били. Какими-то ржавыми, окровавленными цепями, беспорядочно валявшимися на земляном полу. Накаливали железо на весело играющем в печурке огне и прожигали тело. Стояла страшная вонь обгоревшего мяса. Какими-то лязгающими рычагами с хрумканьем сломали суставы пальцев. Соорудили над головой бедняги какой-то стальной обруч, опустили его на голову и, плавно закручивая гайки, сжали его черепную коробку до леденящего хруста. В виду отсутствия иголок, монотонно постукивая по шляпкам железным молоточком, ему вгоняли под ногти мелкие гвозди. Прикладывая провода на различные части тела, периодически крутили ручку допотопного телефона, вырабатывающего электрический ток. Пытались всеми методами извращенной инквизиции двадцатого века. Пытались жестоко, подло, безжалостно, отвратительно. В каком-то первобытном, животном азарте современных дикарей. Что хотели, то и творили, забыв, что и их когда-то родила мать, что и они были когда-то детьми и остаются всегда ими для матушки-земли. Зверь, оказывается, обитает в нас.

*И вчера, и сегодня, и завтра
Дьявол поселился в наших душах.*

*И вчера, и сегодня, и завтра
Ад уготован нам посмертно.*

*И вчера, и сегодня, и завтра,
Если зло победит добро,*

*Если мы не остановим смертельный бег,
Новый век уже не придет.
Тебе конец, человек.*

Мои мысли путались. Что только не приходило в голову. Я стоял и слушал. Слушал и стоял. И еле-еле дышал. Жертвой пыток был оставшийся в живых пленник. Сломленный, раздавленный уже человек. Вероятно, давно проклявший всех богов за спасение в воздухе и моливший своего Аллаха о милости послать ему мгновенную смерть. Его стоны и причитания тонули в пьяном гоготе десантуры. И лишь дикие вопли от боли, вылетающие из усталой глотки, изредка прорезали вечернюю тишину.

Как сквозь сон, услышал довольный голос Коляна:

— Колется гад. Что я говорил? Ты, Ахмет, вытягивай из него все и не ври, а то и из тебя отбивную сделаем. Смотри у меня. А мой-то дружок-летун, белоручка, паинька, не пришел, мать его за ногу. Вечно нам грязная работенка достается. И правда, летуны в плен редко попадают. Собьют, так сразу в рай или ад отправляются. Или пулю в лоб пускают. Им рекомендовано в плен не попадать. “Духи” быстренько им кишки из живота выпустят. И бомбежки, и расстрелы кишлаков — все на их совести. Я им не завидую. Не зря мой друган всегда пугач на боку носит. “Духа” им не напугаешь, а себя на тот свет мигом отправишь. Но все равно кишка у летунов тонка нашим делом заниматься. Видишь, даже не пришел. Давай, Ахмет, переводи правильно. Мы еще ангелы по сравнению с вами. Это же надо, Ахмет, такое придумать. Мне бы никогда в голову не пришло на башке гайки закручивать. Ну и кровожадный вы народец, мусульмане. Своего земляка не жалеешь. А если бы меня, Ахмет? Как бы пытал? Врешь, стервец. Тебе дай волю, ты всю землю кровью затопишь. Вас на привязи держать надо, как цепных псов. И пулю в глаз, если с цепи сорвался. Тоже мне, защитники ислама. Что мы, что вы — одним миром мазаны. И вы, и мы безбожники, точнее, проститутки. И вашим, и нашим. Не бубни, не бубни, Ахмет. Еще говоришь, муллой хочешь быть. А ты божьи заповеди знаешь? Везде они одинаковые. О добре и справедливости. Где же твое

добро, Ахмет? Лицемер ты, одним словом. Крути гайки-то, что зенки пялишь. Крути еще круче. А теперь спрашивай: откуда, куда и зачем. А ты, лейтенант, куда смотришь? Видишь, посуда пуста. Наливай полный стакан. Не берет, стерва. По пьяне -то легче этим делом заниматься, быстрее забывается. Когда вернусь в Союз, на хрена мне эти воспоминания. Всадите кандидату в покойники еще пару гвоздей в задницу. Что-то орет слабо. Все равно не жилец он, да простит меня господь!

А ты, Ахмет, переведи ему. Пусть своих сдает с потрохами. Больше мучить не будем, сразу к праотцам отправим. Скажи, что майор славных воздушно-десантных войск Колька Гранов слово держать умеет...

Ночью часть танков и бэтээров, облепленных десантурой, двинулись вглубь “зеленки”. На переднем из них сидел чуть живой пленник, послушно указывая дорогу. Всю ночь слышались далекие взрывы и выстрелы. А утром меня бесцеремонно разбудил Колян. Довольно откупоривая бутылку водки, он пояснил:

— У тебя глаз наметанный. И как ты догадался этого в живых оставить? Раскололся за милую душу. Целый караван с оружием сдал. Мы их тепленькими взяли. Окружили танками в долине и размазали по земле гусеницами ко всем чертям. И верблюдов, и ослов, и людей. Затем кишлячок прочесали. Всех выкурили из нор. Бац, бац из пулеметов. Лихо поработали. Где пленный, спрашиваешь? А мы его того. Ликвидировали. Без мучений, как обещал. Лейтенант толкнул его прямо под гусеницы. Умер, как и подобает предателю. А как ты хотел? Нам свидетели не нужны. Где стакан-то? Давай налью. Что, головка бобо? Выпьем. За победу, что ли? Нет, в войне-то мы не победим. Все проиграют. Я про данный случай говорю. А в таких войнах победителей не бывает. На то она и локальная. Помяни мое слово, уйдем мы отсюда не солоно хлебавши, а еще и по мордасам получим. Я и сам не пойму, на хрена нам Афган с их революцией. Но я об этом стараюсь не думать. Начальству, ему видней. А мне какая разница, где воевать. Лишь бабки платили да бабы были. Только не в своей стране. Ка-

жется мне, и туда доберемся. Так сказать — цепная реакция. Вот тогда и думать буду. За что и кого долбить. В плен боюсь попасть. Сознание в бою потеряешь и застрелиться не успеешь. А я у духов на примете. Ужас, что со мной сделают. Это же мусульмане, браток. Они нас по идейным соображениям не моргнув глазом, не глотнув спиртика, на куски разрежут, живьем на сковороде поджарят и благодарность от муллы получат. Стихия, одним словом. В общем, все мы сволочи. И мир сволочной. Нам держаться друг друга надо. И здесь, и там — дома. Выпьем за нас. За тебя, меня, всех ребят. За жизнь на земле, где и нам есть место.

А еще в те памятные сутки, в окутавшей горы ночи, я бежал, спотыкаясь о камни, подальше от страшной палатки. Бежал, пока не споткнулся о жерди прибитого рукомойника. Ладонью нащупал кран, крутанул стальной барашек и услышал журчание воды. Тщательно вымыл руки, сполоснул лицо, наклонился и долго глотал теплую, приторную жидкость. Сначала меня тошнило. Потом бешено рвало. Я толкал пальцы в рот, судорожно икал и не мог остановить этот безудержный поток гадости. В изнеможении опустился на землю, прямо на собственную блевотину. Какое-то равнодушие обволокло мой мозг, превратив само мое существование на земле в животный инстинкт болотных, ползающих тварей. Я перевернулся на спину и долго смотрел в звездное небо. Торжественное, прекрасное и спокойное. Пробежали первые искорки мыслей. Светлых и печальных. О семье, о доме...

И вдруг прямо в звездном хороводе планет мелькнули дико орущие лица казненных пленников, звериный оскал отравленного газами пулеметчика, орудия пыток там, в палатке, и пьяные рожи хохочущей десантуры. А над всеми ими Колян с сигаретой в губах и ехидной улыбкой на лице. Я прикрыл глаза. И череда жутких картин замелькала в памяти кошмарным круговоротом. Все здесь были. Враги и друзья. Живые и мертвые. Я завыл, завизжал сквозь зубы. Руки потянулись к кобуре пистолета. Вытащил “макар” и сунул ствол пистолета в рот. Тут же представил, как пуля, разрывая внутренности, проходит в горловину гортани. Быстро вытащил ствол и решил застрелиться

в висок. Но при мысленном виде кровавых сгустков моих мозгов резко отдернул руку. Приставил пистолет к сердцу. И вдруг понял, что уже позирую и ищу пути к отступлению. Мой мозг заработал. Я все понимал, я трусил. Уже с интересом подумал, что не помню о предохранителе. Той маленькой полоске стали между жизнью и смертью. Снят или нет? И есть ли патрон в патроннике? Это была уже игра. Азартная и опасная. Браня себя за трусость, стыдясь собственных мыслей, я машинально нажал на курок, интуитивно вздрогнув всем телом. Выстрела не было. Как прокаженный, откинул пистолет в сторону. Открытым ртом хватанул полные легкие воздуха. И заплакал. Как в детстве обиженный чем-то мальчишка.

Утром я промолчал. Не сболтнул по пьяне Коляну. Боялся, засмеет меня бравая десантура. И, может быть, будет права. Другое место, другая обстановка. И мы другие.

Сейчас мне не стыдно за слезы. Сегодня я с облегчением понимаю, что не только я, но и многие из нас были и остались людьми. И нам свойственно все человеческое.

Как жестокость, так и жалость.

Как геройство, так и трусость.

Как отчаяние, слабость, желание умереть и желание жить.

И мой друг майор, если остался жив, может быть, смотрит на небо, на звезды и вспоминает Афган. Он о многом жалеет и, может быть, плачет, не пряча слез. Все было, было, так было. Надо жить, жить и жить.

ЗА ТЕХ, КОГО НЕТ С НАМИ

Он сильно пил на протяжении двух лет. Его отменное здоровье позволяло вливать в желудок всякую гадость в любом количестве. Пил все, что горит, не брезговал и одеколоном. Мог сутками пить один где-нибудь в лесу, за городом, на природе. Обычно летом затаривался спиртным, брал закуску, садился на первую попавшуюся электричку и сходил на остановке, где взбредет в голову. Ставил палатку, разжигал костер, наливал в граненый стакан и часами смотрел на пожирающий сухое топливо огонь.

Зимой, как медведь, впадал в спячку. Никуда не выезжал, мотался по одним и тем же улицам в поисках выпивона и какой-нибудь работенки. Утром его выручали ленивые дворники, особенно в снежную погоду. За опохмелку он чистил подъезды, убирал мусор, подметал тротуары. Был с утра мрачен и зол на весь свет.

До обеда добросовестно трудился грузчиком на подхвате в нескольких гастрономах. Молоденькие продавщицы заигрывали с ним: когда серьезно, когда просто так, но всегда без видимого успеха. Он отмалчивался, совал в рот сигарету и грустно смотрел своими добрыми глазами на веселых девушек.

Потом делал обход района, заглядывал в укромные дыры, где обычно тусовались постоянные забулдыги. Его знали, ему наливали, и он редко оставался в долгу.

Длинные зимние вечера коротал в грязном пивбаре, задерживаясь до закрытия. Помогал убирать со столов и за это имел пару кружек горьковатого пива. Чужих остатков не допивал

— брезговал. Многие завсегда и хорошо знали его в лицо и часто угощали. Кто спиртом, кто самогоном, кто бормотухой или “ершиком”. Покупали спиртное за углом пивбара.

Там постоянно паслись малолетки и древние старушки.

Вечером в пивбаре дым коромыслом. Еле-еле виднелась табличка “Не курить”. В зале застыл специфический пивной гул, длинная очередь у стойки. За стойкой шустрый малый лет двадцати двух в грязном белом халате небрежно швырял мелочь в сырую тарелку. И всегда не доливал в кружки. Но никто не скандалил — все привыкли.

Он садился за дальний столик. В разговоры не влезал, но слушал внимательно. Подвыпившим мужикам необходим собеседник, которому можно излить душу, обругать начальника или жену. Он умел слушать, ему наливали и клялись в вечной дружбе. Менялись компаньоны, а он оставался. Слушал и пил, пил и слушал. В конце концов упивался вдрызг. Не скандалил, не дебоширил. Не дослушав очередного собутыльника, еле-еле выбирался на улицу и шлепал домой в сопровождении рыжей лохматой собаки. Кое-как открывал дверь, пропускал вперед Шарика и тяжело падал на кровать. Жил он в комнатухе с высоким потолком и круглыми стенами, похожей на монастырскую келью. Из мебели имел старый обшарпанный стол, два стула, кровать и журнальный столик, на котором стоял черно-белый телевизор и фотография девушки в траурной рамке.

Будучи не в стельку пьяным, он включал телевизор и гонял переключатель программ до окончания передач. Сам не ходил в гости и никого не приглашал к себе.

О нем ходили разные слухи. Говорили, что такая мрачная личность, несомненно, рецидивист и убийца, которому что человека резать, что курицу зарубить.

Другой достоверный источник категорически объявил его злостным алиментщиком, скрывающимся от правосудия и праведного гнева брошенных жен.

Были сплетни и современные, сверхмодные. Соседка по площадке по секрету сообщила всем, что точно знает, кто он такой. Видела в замочную скважину входивших в квартиру мужчин, остававшихся там на всю ночь. Вывод один — он из голубых. И самое страшное — болен СПИДом.

Дворовая шишка Витька-Пузанчик с дружками решили изжить его из квартиры. На беду свою встретили трезвым, большим с похмелья. Не помогли просмотры видеков с каратэ и кун-фу. Его костлявый кулак бил без промаха, уложив всех рядком на асфальте. Звали мужика Иваном и было ему около тридцати...

В тот вечер, как обычно, он сидел за столиком и сдувал пивную пену из кружки. На душе было муторно. Денег не было, а выпить хотелось. Он поднял глаза и рассеянно обвел взглядом зал. Увидел двух вояк в синих летных фуражках. Внимательно присмотрелся и вздрогнул от неожиданности, узнав в коренастом майоре Семена Разина.

Офицеры откупорили бутылку водки и налили в стаканы. Чокнулись и выпили, закусив ломтиками ржавого сыра. О чем-то говоря, дружно налегли на пиво.

Иван, боясь быть узнанным, боком протиснулся к стойке бара, взял две кружки пива в долг и примостился около окошка. Теперь он отчетливо слышал их разговор. До боли знакомый, спокойный голос Семена глухо произнес:

— Доперестраивались. Скоро и пивком побаловаться негде будет. Ты как думаешь, капитан, что дальше будет?

— Мрак будет, бардак страшный. Смутные времена наступают. Я понимаю, Семен, жизнь — это игра случая. Сегодня — пан, завтра — пропал. Третья рюмка, командир. Пьем молча?

— Как принято, Жора, у нас, как принято.

— Жаль, я не был в Афгане, но пью за вас, грешников.

— За тех, капитан, кого с нами нет. И не надо жалеть. Война — штука хреновая.

Они помолчали, с удовольствием потягивая из кружек пиво. Первым заговорил капитан.

— Говорят в Афгане были походно-полевые жены!

— Кто говорит?

— Все говорят. Нет дыма без огня.

— Женщины, они всюду женщины. Там их было мало и разные.

— Хорошие туда не поедут, одни проститутки.

— Этого добра в Союзе навалом. Только откуда хорошие

жены берутся? Мы, мужики, трепачи хорошие. Приврем с три короба. Девушку или чужую жену опоганим, как ей, бедной, и не снилось. Есть, Жора, чистая, светлая любовь. И здесь, и в Союзе, и в Афгане... Расскажу тебе историю, случившуюся там. Только печальный будет рассказ. Хочешь — верь, хочешь — нет.

— Не печальней шекспировской трагедии?

— Как знать... У этой истории нет конца. Не стало Джульетты — исчез и Ромео. Но скажу тебе честно, это самое мое печальное воспоминание. Случилось все, когда я тянул первый срок. Приехали к нам работать несколько молоденьких девчат. Подружки-хохотушки, веселые, шустрые. Подняли на уши весь полк. Даже мы, женатики, не остались равнодушными. Ожил наш военный городок, забренчали гитары около женского модуля, стали влюбляться все скопом.

Ухажеров — целый рой. Особенно холостячки колготятся. Петушатся, как боевые петухи, готовые друг другу гребешок выклевать. Хоть сейчас под венец. Только женихов рота, а невеста приглянулась одна. Звали ее Светлана. Со всеми она дружна и внимательна. Каждому надежду подает, огонь ревности в сердцах тушит, умиротворяет своих поклонников. Но всему есть предел, появился и ее избранник. Покорил ее сердце высокий и плечистый капитан, прибывший по замене. Естественно, от нас не утаишь. Там, в Афгане, как в деревне, — все на виду. Славная они были пара. Подстать друг другу — веселые, красивые, сильные. Дошло дело до свадьбы. Надо было лететь в Советское посольство в Кабуле, где проводили запись. Накануне была шумная вечеринка. Мы пили спирт и громко кричали “горько”. Капитан целовал невесту, и всем нам было весело и чуточку грустно. А утром, сияющая и счастливая, она поцеловала всех провожающих и побежала к ожидавшему на полосе вертолету. Если бы ты знал, какой это был неповторимый миг, сказочное очарование — ее улыбка. Последняя улыбка, Жора, в ее жизни.

Она бежала на встречу судьбе, мы смотрели ей вслед, изгоняя из сердца дурные мысли. Лучи ее любви делали нас как будто человечнее. Но только в сказках счастливый конец да в детских мечтах. Она погибла, капитан, прямо на глазах...

За спиной Ивана забулькала в стаканы водка. Он сидел не шелохнувшись, прикрывшись ладонью и совершенно не слушая подсевшего к нему Генку-Шаромыгу. Вначале Генка недоумевал, потом обиделся и, прихватив с собой бутылку, ворча, направился к выходу. Иван закурил, судорожно сжав в пальцах сигарету. Неосторожно толкнул локтем кружку, которая упала под ноги офицеров и вдребезги разбилась.

Капитан недовольно покосился на соседний столик, где, сидя к ним спиной, дремал совсем бухой пьянчужка. Повернувшись к майору, презрительно бросил:

— Алкаш... Съездить его по балде?

— Не надо. Может, у человека горе. Чужая душа — потемки.

— И как она погибла, Семен?

Майор залпом допил пиво, перелил из полной кружки в порожнюю и тихо проговорил:

— Знать бы о страшном Светланкином конце. Я бы свою голову не пожалел, лишь бы Светик жила. Она бежала по вертолетке, размахивая сумкой, и капитан, ее избранник, с нетерпением ждал ее, выбрав шаг-газ вертолета до взлетного режима. Светлана знала, что через час они приземлятся в Кабуле, возьмут такси и помчатся всем экипажем в посольство. Будут цветы, поздравления друзей, зазвенят бокалы. А затем — самолет на Ташкент и небольшое село под Тулой. Пройдет полгода, и вернется ее любимый на Родину, и они будут вместе.

Ей кричали до хрипоты десятки глоток, и сам я орал, как бешеный. Шум работающих двигателей заглушал голоса. Кто-то побежал, стараясь догнать ее, но не успел. Все произошло на глазах, в доли секунды. Светлана попала под хвостовой винт. Резко брызнула кровь из разрубленной головы. Следующий удар швырнул ее на землю. Она упала на траву, так и не успев понять, что случилось, не почувствовав боли и не расставшись с улыбкой.

Мы подбежали к вертолету и застыли в оцепенении. Трудно рассказывать, больно вспоминать, капитан. Она лежала, съевшись, на боку, раскинув руки. В голове зияла глубокая рана, еще пульсировала кровь, вытекая наружу, марая волс-

сы. Лицо свела судорога, мертвая маска. В стороне валялась спортивная сумка — все приданое. Примчалась санитарная машина и увезла ее. Светлана умерла, не придя в сознание.

А двигатели вертолета работали в том же режиме. Заметив санитарную машину, капитан открыл блистер сдвижной двери. Около хвостового винта заметил молчаливую толпу летчиков. Он выпрыгнул из вертолета и сразу же увидел сиротливо лежащую спортивную сумку и пятна крови на пожелтевшей траве. Правый летчик выключил двигатели и затормозил несущий винт. С законцовок лопастей упали красные капли. Трясущейся ладонью капитан осторожно обтер законцовки и долго смотрел вслед отъехавшей санитарной машине. Мы стояли не шелохнувшись, боясь встретиться с ним взглядом. Наконец, все поняв, он дико закричал, упал на землю, обнял руками красное пятно и застонал протяжно, по-звериному.

Подъехал командир полка и приказал обезоружить его. Я вытащил из кобуры пистолет и осторожно погладил капитана по голове.

Как от удара тока, он вскочил на ноги, обвел мутным взглядом собравшуюся толпу и побежал к санчасти, хватаясь рукой за пустую кобуру. Его догнали и крепко связали руки офицерским ремнем. Он выл, скрежетал зубами и кричал пронзительным голосом:

— Я ее зарубил, я! Братцы! Застрелите меня! Я не хочу жить!

Через несколько дней, похудевшего и осунувшегося, с потухшим взором, жалкого и пришибленного, его отправили в Союз.

Ее проводили раньше. Построили весь полк, дали прощальный залп в небо и осыпали цветами цинковый гроб. Мы справили поминки, как принято в христианском мире. МИ-6 сделал почетный круг над аэродромом, качнул стабилизаторами и увез ее в последнюю дорогу.

Вот такая случилась история, Жора...

Офицеры помолчали, каждый оставаясь наедине со своими мыслями. Капитан, забыв о пиве, сосредоточенно смотрел в заляпанное мухами окно. Краем глаза заметил, как пьяница за соседним столиком качается из стороны в сторону. Охвачен-

ный возвышенными, романтическими чувствами после рассказа майора, поморщился при виде обыденности реального мира. Повернувшись к Разину, тихо спросил:

— А капитан? Что стало с ним?

Майор неопределенно пожал плечами и грустно ответил:

— Не знаю. Когда мы вернулись, он уже не служил. Был списан вчистую. Уехал в неизвестном направлении, исчез, испарился. Да кому он был нужен, кроме нас? А мы еще были в Афгане. Не стало Джульетты — пропал и Ромео.

Вечерело. Пивной бар заполнялся постоянными клиентами, которые по-хозяйски располагались за столиками со своими бутылками и закусками, вытесняя случайных посетителей. Офицеров потеснили подгулявшие работяги, обмывавшие день получки. Какой-то Лева, огромный, двухметровый детина с красной добродушной физиономией, разглядев орденскую планку на груди майора, облапил его руками.

Майор не ломался, поддерживал разговор, дружески похлопывая по плечу Леву. Взглянув на часы, Семен спохватился и стал прощаться. Его толкнул в бок капитан:

— Алкаш на тебя уставился. Минут пять сверлит глазами. Может, ему все же по балде врезать?

Лева протестующе поднял руку:

— Безобидный парень. Как всегда, заряжен с утра. Пойду и ему налью рюмку. Он меня часто выручает. Ваней его зовут...

Разин вздрогнул, повернул голову и окинул долгим взглядом совершенно седого человека. Что-то знакомое почудилось в нем майору. Но Лева не дал сосредоточиться, настойчиво предлагая “тяпнуть” на дорогу. Они обнялись, как близкие друзья, и, пошатываясь, пошли к выходу. Какая-то сила заставила Семена оглянуться. И вновь мелькнуло что-то до боли знакомое в опустившем плечи пьянице. Поторопил капитан:

— Опаздываем, Семен, придется брать такси.

Майор решительно толкнул дверь и вышел на улицу. Жора поймал машину, и, тепло распрощавшись слевой, они навсегда покинули город.

Лева завернул за угол, не торгуясь, купил две бутылки водки и вернулся в пивбар. Вспомнив об Иване, подошел к нему. Вдвоем они пили до закрытия. Последними вышли на улицу. Лева расщедрился и купил еще два флакона. Один взял с собой, другой протянул Ивану:

— Бери, браток, утром опохмелишься. Я почти готов, двигаю домой, в плен Тигре Львовне сдаваться. Зверь у меня баба — опять скалкой врежет. Ну и пусть. Зато с каким я человеком встретился. Жаль, Ваня, тебя с майором не познакомил. Держи “краба”...

Снова Иван был один и, раскачиваясь, брел к дому. За углом его терпеливо ждал лохматый Шарик. Он радостно вильнул хвостом и доверчиво обнюхал карманы хозяина. Степенно двинулся следом. Они вошли в комнату. Иван открыл холодильник и сунул собаке холодный кусок мяса. Себе достал из ящика луковицу и уселся за стол. Он снова пил, пил и вспоминал Сеньку Разина. Угрюмо обвел мутным взглядом свое убогое жилище, уронил голову на руки и, не сдержавшись, всхлипнул. Шарик жалобно взвизгнул и осторожно лизнул его ладонь теплым языком. Кажется, он спал часа два-три, был в пьяном бреду. Видел себя молодым и сильным в кабине вертолета. Как наяву чувствовал ручку управления и рычаг шаг-газа. Смотрел на снежные вершины гор и слышал Сенькины команды. Внизу дымился сожженный кишлак. На кривых улочках сутились люди в поисках укрытия от осколков авиационных бомб. В небе срывались в пике “мигари” и неслись с ревом к земле. На окраине кишлака клубилась пыль, двигались танки, боевые машины десанта, реактивные установки. Солдаты вбегали в дувалы, строчили из автоматов, кидали гранаты. На центральной площади метались люди и падали, скошенные пулеметными очередями брони...

Воспоминания накатывали волна за волной, одно ужаснее другого. И он не в силах был остановить этот шторм, рвавшийся из глубины памяти.

Отчетливо увидел отвесные скалы узкого каньона, высохшее русло реки или весеннего ручья. Вверху терялись в небесной дали снежные вершины гор, обрамленные неровной линией предрассветной дымки. Каньон заканчивался в широком ущелье, которое ближе к югу сглаживало свои остроконечные пики и растворялось в бескрайнем море песка и камня.

Под нависшими козырьком плитами скалы стояли трое пленных афганцев. В старых стеганых халатах, с непокрытыми головами и подобием калош на ногах. Они жались друг к другу, устало и покорно поглядывая на десантников.

Высоченный, широкоплечий майор исподлобья смотрел на пленных и, наконец, решившись, резко протянул Ивану автомат, отрывисто бросил:

— Стреляйте, кэп! — заметив удивленный взгляд летчика, нехотя пояснил: — Отстреливались лихо. Несколько наших замочили. Мы им сделали электропроверку, задницы через оголенный провод телефончика пропустили. Терпят, молчат, гады. Дураки. Раскололись бы, глядишь, живы остались. Ну и хрен с ними. Вы их всех ракетами, бомбами долбите. Ты своей рукой попробуй, как мы, если поджилки не трясутся. Не трусь только... Стреляй наверняка, сразу...

Группа запыленных, сонных офицеров топталась на пригорке, с нетерпением поглядывая на Ивана. Некоторые ехидно улыбались, заметив его нерешительность.

— Пехтура-десантура, — про себя выругался он, хорошо понимая, в каком дрянном положении очутился. Этим бравым воякам совсем просто нажать на курок. Они привыкли убивать, глядя в глаза врага. Мы — совсем другое дело. Тем более пленных. По всем законам войны они не подлежат расстрелу. Об этом и сказал громко Иван.

Майор, вливавший в рот воду из фляги, поперхнулся и зло швырнул ее в сторону пленных. Повернул побагровевшее лицо к Ивану, тихо и четко проговорил:

— Сопля ты, летун, хоть и капитан. Нет здесь пленных, понял, нет! Ты в их лапы попадаешь — с тебя сразу кожу спустят, без потомства оставят. С вами — летунами у “духов” счет особый. Они нас, мы их. Это только в кино война красивая, а на самом деле — мерзость. В Отечественную наши деды, думаешь, милосердием занимались? Зверели и наши, и немцы. Ты спроси тех, кто в самом дерьме побывал, с передовой не вылазил. Хочешь жить — стреляй первым, иначе в «черный тюльпан» сыграешь. Понял? Одной очередью всех троих. Давай, капитан, действуй!

Иван рывком передернул затвор автомата и, не целясь, пустил длинную очередь. Пули рикошетом ударили по камням, свалив одного из пленных. Двое стояли на прежнем месте, не шелохнувшись. В их помертвевших глазах промелькнули неудовольствие и ирония. Хорошо понимая, что рассчитывать не на что, они были готовы к смерти. Один презрительно сплюнул

сквозь зубы и что-то сказал напарнику. Тот расхохотался и, нагнувшись, помог встать на ноги третьему, раненному шальной пулей в ногу. Майор не дал им опомниться. Покрыв всех матом, выхватил из рук Ивана автомат, на мгновение прищурился и тремя короткими очередями пригвоздил афганцев к скале.

— Вот как надо, капитан, вот так. Чтобы не мучились...

Он сразу тяжело сел на подвернувшийся камень. Провел ладонью по лбу. Залез в карман и достал помятую сигарету. Долго смотрел на трупы пленных и вдруг, о чем-то вспомнив, громко крикнул:

— Постышев! Быстро лопаты в зубы и закопать их!

Повернулся лицом к молчавшему Ивану и совсем спокойно пояснил:

— Приедут “хадовцы”, а мы им кукиш на постном масле. Сбежали, мол. Понимаешь, капитан. Мы их второй раз в плен берем. Пацанва гибнет, цинки на Родину отправляем, а “хадовцы” их отпускают. Политические проститутки. Мне теперь плевать на их революцию, лишь бы живым до дома добраться. А чтобы выжить, стрелять надо, а не сопли жевать. Мы так решили. Первый раз “духа” поймаем — отпускаем. Повтор — все, крышка. Ненавидят они нас. И, может быть, поделом. Но это уже другой разговор. А для первого раза ты ничего... Главное — переборол себя, сумел выстрелить, дальше пойдет все, как по маслу.

...Иван пьяно стонал, пугая собаку, гулко стучаясь лбом о деревянный стол. Образ Светланы вытеснил из головы грязные воспоминания афганской бойни, постоянно бередившие душу. Теперь он уже ласкал ее руки, целовал глаза, нежно обнимал плечи. Она улыбалась ему, доверчиво припадала к груди и шептала: “Милый мой, единственный, любимый, мы всегда будем вместе. Всегда”.

И вдруг — зловещее красное пятно на земле и ее спортивная сумка. Он протяжно взвыл и открыл глаза. Беспомощно огляделся, возвращаясь в реальный мир. Ужаснулся при мысли, что муки его никогда не кончатся. Понял, что смертельно устал и совсем готов к задуманному.

В углу торчал большой гвоздь, вбитый им несколько месяцев назад. Морщась от головной боли, допил остатки водки и решительно снял с пояса ремень. Теперь его действия были спокойны. Все же он был когда-то летчиком и привык заранее проигрывать все возможные варианты. То, что Иван делал сейчас, зрело в его душе давно. С того проклятого дня. Он устал от воспоминаний и одиночества, боялся встреч с прошлым и не видел просвета в будущем. Тогда он кричал: “Убейте меня, братцы! Я не хочу жить!” Теперь Иван не закричит — сделает все сам.

Ремень был мягкий и старый, из чистой кожи. Вероятно, тот самый, которым ему связывали руки. Петля аккуратно легла на шею, пощекотав железом пряжки. Гвоздь легко пролез в просверленную дырку в ремне, затянув петлю. Иван поспешно толкнул ногой стул. Стул упал и загремел, разбудив спящую собаку. Привыкший ко всему, Шарик сладко потянулся и, свернувшись калачиком, вновь уснул.

Когда рассвело, жильцов дома разбудил громкий вой. Чертыхаясь, сосед постучал в комнату Ивана. Никто не открыл. Вой собаки был невыносим. Пришли мужики с верхней площадки. Посовещались и решили взломать дверь. Навстречу выскочил Шарик и, поджав хвост, юркнул на улицу. Соседи вошли в комнату — и отпрянули в ужасе...

Его хоронили за счет городского бюджета, с оркестром и воинскими почестями. В гробу лежал не Ванька-пьяница, а другой человек — в военном кителе и с боевыми наградами. Лицо было спокойным и умиротворенным и чуть-чуть, как всегда, грустным. Кроме армейской формы в квартире обнаружили небольшой альбом с фотографиями, на столе — аккуратный девичий портрет в траурной рамке.

Соседки всплакнули, посудачив о несчастной любви, и стали собирать на стол. На похороны приехал военком и рассказал всю правду об Иване. Провожать на кладбище вышел весь дом. Пришли все собутыльники по пивбару, местная братва во главе с Витькой-Пузанчиком. Несли гроб Лева и Генка-Шаромыга. Только не было никого из прошлой жизни Ивана. Вечером закатили поминки в пивбаре и не пускали никого чужих. В обнимку сидели тщедушной Генка-Шаромыга и огромный Лева, добрым словом вспоминая Ивана, кляня судьбу и все правительство на свете. За углом бойко торговали водкой, невдалеке сидела рыжая лохматая собака и кого-то ждала.

РЯДОВОЙ РЕКС

Рекс был умница. Когда его мама — средних лет овчарка по имени Роза ласково и нежно облизала четверку родившихся щенков, один из них неожиданно тьякнул. В дощатую, просторную конуру заглянула физиономия человека. Мама Роза наострила уши, бочком прикрыла свой приплод и на всякий случай незлобно рыкнула. Поворчала и позволила молодому белобрисому собаководу взять шевелящийся комочек в руки. Осторожно раздвинув хлипкие лапки щенка, он удовлетворенно хмыкнул и с удовольствием чмокнул губами в теплый носик. Роза зарычала, слабо повизгивая, требуя свое чадо обратно. Потрепав свободной рукой по взъерошенному загривку мамыши, собаковод подсунул щенка ей под бок, улыбнувшись, сказал:

— С норовом у тебя сынок, Роза. Хорошим воякой будет. Назовем Рексом.

Там, в питомнике, и вырос Рекс в мощного черно-серого красавца. Что он был умница, спору не было. Он быстро научился выполнять команды: стоять, лежать, ползти, бежать, прыгать, барьер и прочей собачьей премудрости. Долго фыркал и чихал, привыкая к запаху взрывчатых веществ. Дико вращал налитыми кровью глазами, воротил морду, кусался и визжал, оставаясь голодным на ночь. Его величество чувство голода и лакомый кусок сахара сделали свое дело. В конце концов, наплевав на мертвячий, прелый запах тола, Рекс все же вынюхал эту нечисть, закопанную в землю и, радостно повизгивая, сделал стойку. Его одобрительно погладили по

голове и тут же вручили пайку сладкой подачи, которую щенок мигом схрумкал. Что-что, а сахар он любил. Особенно хрустящие на зубах леденцы. Дальше все пошло как по маслу. Только успевай вынюхивай и получай честно отработанный лакомый кусочек.

Умные, как известно, всегда впереди. В жизни, бою и смерти. Полгода напряженной подготовки и готов рядовой Рекс к службе в армии. Не догадываясь, что его навсегда увозят от мамы Розы и родного питомника, он добровольно прыгнул в дверной проем самолета, обнюхал дальний угол и примостился на мягком сером рюкзаке. Полеживал и спокойно глазел на молодых солдат, грузящихся в самолет, ожидал появления широкоскулой физиономии своего хозяина. Какой-то тип по кличке Костик осторожно прикрепил к ошейнику собаки карабин поводка и со вздохом проговорил:

— Повязаны мы одной веревочкой, дружище, вместе воевать будем. Теперь я твой хозяин. Сиди смирно, не дергайся на взлете.

Рекс страшно испугался, когда загрохотали двигатели самолета. Дернулся к двери, но был остановлен рывком поводка и командным криком Костика “Лежать!” Он был дисциплинированным псом и поэтому незамедлительно лег брюхом на пол.

Лишь самолет взмыл в небо, что-то оборвалось в его животе, защекотало в ушах, закапало из носа. Бежать и спрятаться было некуда. И мама Роза куда-то запропастилась. Одни незнакомые лица солдат — равнодушные и сонные. Только Костик гладил его по голове, поглядывая с жалостью и тревогой. Постанывая и повизгивая, Рекс уткнулся мордой в его ноги. Замер, зажмурил глаза, опустил уши, доверив свою собачью жизнь этому человеку. Так он обрел нового и последнего хозяина в жизни.

Наконец-то прекратился грохот двигателей и самолет замер на стоянке. Костя, подтолкнув под зад, спустил собаку с поводка. Под оглушительный смех десантуры, ловко юркнув между солдат, пес пулей вылетел из грузовой кабины, прыгнув, минуя трап, прямо на бетон Кабульского аэродрома. Отбежал в сторону, пару раз чихнул, поднял ногу и презрительно

помочился на вновь обетованную землю. Десантура вновь заржала, и Владик, друг Костика, давясь смехом, крикнул:

— Ну и псина, ну и Рекс! Себе уж памятник воздвиг нерукотворный, раньше нас... Молодчина! Так держать! Будете знать русских кобелей афганские сучки.

Рекс покрутился среди выгружающихся солдат, отыскал Костика и вильнул перед ним хвостом. Тот благодарно прижал пса к груди и прошептал ему в ухо:

— Вместе воевать будем, вместе. И верно, умный ты песик, мой Рексик.

К вечеру без принуждения собака добровольно впрыгнула в кабину вертушки и полетела с Костиком к месту назначения. Выходит, Рекс, как и его хозяин, пусть по своей псинной глупости, но добровольцем отправился исполнять свой собачий интернациональный долг к черту на кулички. Он стал бравым воякой. Только штабисты знают, сколько боевых зарядов обезвредила собака, а сколько солдатских жизней спас умный пес — не подсчитает никакая статистика.

Шла операция в горной долине, окруженной высокими пиками тысячелетних гор. В вышине парило солнце и некуда было спрятаться от проклятой жары. Ни кустика, ни деревца, сплошные горячие камни и валуны, да песок, хрустящий на зубах. Усталость в лапах, усталость в глазах, усталость в голове.

— Рекс, вперед, — прохрипел, облизывая ссохшиеся от жары губы, Костик, лениво поправляя на спине ремень автомата и стирая со лба пот.

Пес неторопливо вышел из-за БТРа на дорогу, взглянул на своего хозяина, который, приспустив поводок ошейника, подбодрил его слабой улыбкой, привычно уткнулся горячим носом в землю и засеменял по выбитому взрывами грунту. Следом двинулся БТР, на броне которого, держа автомат в руках и свесив ноги, сидел голый по пояс Владик. Позади танк и длинная вереница автомашин. Внизу, в глубоком ущелье, дымилась остатками подорвавшейся БМП. В небе урчал вертолет, увозивший убитых и раненых после подрыва солдат.

То ли опротивели четвероногому саперу леденцы, которыми с утра пичкал Костик, то ли устал и был рассеян, вспоминая

вчерашний роман с косматой сучкой Лорой, или заряд был особенный, закопанный на большую глубину — Рекс прошляпил, прошел мимо, не принял положенной стойки. А хозяин, уверенный в своем поводе, оглянулся назад, махнул рукой: “Все, мол, нормально”. Неторопливо отстегнул с пояса фляжку с водой, запрокинул голову, отпил пару глотков, прополоскал рот, выплюнул теплую жидкость и, не закручивая колпачка, сделал роковой шаг. Земля вздыбилась под его ногами, словно из ада, из преисподней вырвался страшный черт, не пожелавший жариться на сковороде. Сильный взрыв сотряс разряженный воздух, и десятки мелких чертей огненным смерчем разлетелись в разные стороны, достав своими смертоносными щупальцами и беднягу Рекса. Где-то сверху застрочил пулемет, ударили автоматы, кувыркаясь, поскакали на дорогу заросшие мхом камни.

— Засада! — заорал Владик, скатываясь с брони БТРа и прячась за огромный валун на краю обрыва. Гулко бухнули пушки брони. Завязался короткий, яростный бой. Под прикрытием плотного огня танков раненый в голову Вадик и еще двое десантников осторожно выволокли повизгивающего Рекса из зоны обстрела. Друг Костика, размазывая по лицу слезы, плакал, непрерывно повторяя:

— Одна фляжка, только фляжка, фляжка, фляжка...

Он вдруг вздрогнул всем телом, перестал всхлипывать, сощурил глаза, плавным движением правой руки заменил патронный рожок, передернул затвор автомата и резко повернулся в сторону полумертвой собаки. С каким-то ожесточением, ненавистью, выдавил:

— Ты, псина, виноват, ты... Нюхало хренов.

В последний момент Рекс на минуту пришел в себя. Сквозь кровавый туман, застилавший глаза, увидел наведенный на него ствол автомата в руках друга своего хозяина, его колючий, помертвевший взгляд. Они долго смотрели друг другу в глаза. Человек и собака. Два воина, два бойца.

Рекс не просил милости. Да, он виноват в случившемся и должен понести наказание. Стреляй, Владик, и будешь прав. Рекс умница, он все понимает. Все, все... Что прочитал в

глазах собаки Владик, останется тайной. Он неожиданно вновь всхлипнул, по-мальчишески шмыгнув носом, положил автомат под ноги, присел на корточки, долго гладил понурую голову собаки. Встрепенулся и, повернувшись к БТРу, крикнул:

— Серега! Тащи бинт. Может, выживет, — он осторожно перевязывал собаку и его губы непрерывно бубнили: — Прости, Рексик, прости, если сможешь. Ничего, будешь жить, еще повоюем, отомстим гадам за Костика.

По команде радиста взлетевшие несколько минут назад вертушки приземлились на площадку. Перевязанную вдоль и поперек, тоскливо смотревшую слезящимися глазами вдаль собаку несли на носилках четверо десантников. Позади, еле передвигая ногами, плелся обрызганный собственной и собачьей кровью Владик, матерясь и приговаривая:

— Повоюем еще, Рекс, повоюем, мать духов за ноги.

В вертолете он бредил, рвал на голове бинты, искал автомат и все порывался бежать на выручку Костика. Его держали за руки, пока не упал плашмя, потеряв сознание. Они даже не попрощались. Владика отправили в госпиталь в Союз. Больше в часть он не вернулся.

Собака выжила и через месяц впервые, зажмурившись, взглянула на солнце. Через три месяца Рекс превратился в отличного сторожевика, стал грозой местных низкорослых кобелей и любимцем неприхотливых сучек. Но где бы ни находился пес, услышав шум вертолетных двигателей, летел на площадку для посадки и замирал вблизи в тревожном, возбужденном ожидании. Из вертолета выходили десантники, весело окрикая собаку. Рекс благодарно прижимал уши, вытягивал шею, но не двигался с места. Он искал среди молодых парней долгожданного хозяина, своего Костика. Не дождавшись, тяжело вздыхал, понуро опускал хвост и осторожно впрыгивал в пустую грузовую кабину. Усердно обнюхивал все углы, выискивая запах хозяина и, не найдя, ложился на броневую обшивку днища вертолета. Лежал, положив голову на передние лапы, уставившись в одну точку. Часами ждал, сам не зная кого, вспоминал и думал о чем-то. Лишь летчики включали двигатели, Рекс впадал в панику, и никакие силы не могли удержать

его в вертолете. Как-то попытались и поплатились за это. Пес вихрем скакал по грузовой кабине, кусал всех, кто подвернется под клыки. Борттехник, услышав шум, в недоумении открыл дверь пилотской кабины и был ошарашен прыжком собаки через голову. Правый летчик в страхе от разгневанного взгляда и рычания Рекса механически схватился за ручку сдвижного блистера и открыл его. Собака, почувствовав струю свежего воздуха, не раздумывая, нырнула в дверной проем и с высоты нескольких метров рухнула на землю. Благо, вертолет был в режиме висения. Все обошлось легкими ушибами. Но больше никто и никогда не шутил с собакой.

Рекс же страшно боялся опять лететь на войну. Встретиться с тем приторным запахом в земле, после которого что-то вздыбилось под ногами хозяина и обрушилось на собаку градом укусов и жгучей, режущей болью живота.

Прошло время. Войска уходили на север. По дороге пылили БМП, танки и БТРы. На броне сидели знакомые солдаты, кричали, звали к себе Рекса. Но нигде не было хозяина и друга его Владика. Он долго бежал следом, иногда обгонял колонну, застывая на месте, внимательно вглядывался в веселые лица десантуры. Весь запыленный, наконец, отстал и, опустив хвост, рысцой вернулся в пустой лагерь. Завыл, залаял от непривычной тишины и одиночества. Напрасно тарахтела последняя вертушка, и летчики усердно пытались отловить упрямую собаку. Рекс дал стрекача и спрятался в укромной дыре, выдолбленной в скале. Он удовлетворенно вздохнул, когда хорошо знакомый летчик, обреченно махнув рукой, сел в пилотское кресло. Вертолеты сделали прощальный круг над площадкой и улетели догонять автоколонну. Долго и тревожно наблюдал Рекс за последней вертушкой. Словно понимал, что остался совсем один. Он вышел из-за скалы, огляделся. Кругом было пустынно и мусорно. Ни людей, ни палаток, несколько пустых строений с выбитыми стеклами да железные решетки вертолетной площадки. Не было и его жилища, где стояла койка хозяина, под которой на подстилке всегда спала собака.

Но рядовой Рекс четко знал свои обязанности. И еще двое суток его грозный лай отгонял от брошенного военного

городка случайных прохожих и любопытных гостей. До последнего он надежно нес службу. А потом пришло много людей в чужой одежде с оружием в руках, радостно палящих в воздух. И это были лютые враги, стрелявшие во Владика и Костика, разлучившие Рекса с ними. Этих людей он знал, он их помнил, он их ненавидел. Весь день собака притаившись пролежала за скалой. Ночью загрызла первого, зашедшего за скалу, тем самым рассекретив свое убежище. Поутру встревоженные люди с ужасом обнаружили товарища с разорванной глоткой и изуродованным лицом. О чем-то с жаром поспорили и по команде чернявого властного командира окружили скалу.

Рекс спрятался в пещере, притаился, готовый к прыжку. Обнаружили его сразу. Постреляли из автоматов, поспорили на непонятном языке, смолкли. Наспех сколотили лестницу и приставили к отверстию. По лестнице поднялся заросший бородой человек, отстегнул от пояса гранату, выдернул чеку и метнул ее в отверстие пещеры. Раздался глухой взрыв. Беспрерывно строча из автомата, неуклюже, как-то боком он свалился внутрь пещеры. Послышался протяжный вой, злобное, звериное рычание, пронзительный жалобный человеческий крик. Минутная жуткая тишина. И бешеная, беспорядочная пальба из всех видов оружия. Кто-то сообразил принести дымовые шашки. Собаку решили выкурить из пещеры. Снова по лестнице поднялся человек и одну за другой стал метать “дымовухи” в отверстие.

Постепенно пещеру заполнил едкий тошнотворный запах, напомнивший Рексу проклятый запах тола. Он пару раз чихнул, уткнувшись носом в лапы. Почувствовал, как побежали из глаз слезы, защекотало глотку, учащенно забилось сердце, от нехватки кислорода сдавило легкие. Отчетливо понял, что надо выбираться отсюда на волю и солнце.

Его ждали десятки жестких глаз и стволы автоматов. Морда собаки вынырнула из дымовой завесы. Рекс прыгнул, зацепив лапами человека на лестнице. Одновременно они упали на землю. Собака успела схватить врага за горло и мертвой хваткой стиснуть зубы. Кто-то с испугу в упор застрочил в вертящийся на песке клубок с яростно рычащим Рексом и хрипя-

щим, еще живым товарищем. Чернявый о чем-то крикнул, схватил стрелявшего за руки, размахнулся и ударил его по лицу. Быстро повернулся, выхватил из кобуры пистолет и хладнокровно добил собаку.

Пес и его жертва умерли мгновенно, от пуль, беспорядочно выпущенных из автомата. Последнее, что промелькнуло в угасающей памяти Рекса, это ласковые руки, добрая улыбка и ждущие глаза Костика. Он удовлетворенно глубоко вдохнул чистый утренний воздух, обвел помутившимся, ненавидящим взглядом напряженные лица врагов, дернулся и умер.

Еще целые сутки на побуревшем от крови песке валялась мертвая собака. А рядом, на камне, сидел часовой с автоматом на коленях. Приходили люди, с отвращением и страхом рассматривали пса, плевали на его тело. На второй день на солнцепеке Рекс стал разлагаться и пованивать мертвячиной.

Совершенно случайно, именно на том месте, где стояла палатка хозяина Рекса, вырыли яму и, брезгливо морщась, шестами столкнули собаку на дно. Быстро засыпали яму песком, утоптали ногами, положив сверху могилы огромный камень. Они как будто боялись, что злой дух пса вырвется из могилы наружу и будет мешать людям.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Ночной мрак. Ни звезд на небе, ни светлячков за окнами сумрачных пятиэтажек. Боже мой! Мозг окутан паутиной тревожной дремоты. Не спится. Слышу каждый шорох и вздох в соседней комнате. Спи спокойно, моя дочурка. Обними ручонками маму, прижмись к ней крошечным телом. Она никогда не даст тебя в обиду, всегда будет рядом. Я твой должник, моя маленькая. Мне выпала другая судьба, изменить ее я бессилён. Пока бессилён. Но может быть, придет время и все изменится, и я буду, как мама, всегда рядом с тобой.

Полгода как я вернулся. Полгода длится похмелье ужасного “афганского” запоя. Пропади все пропадом. Будь проклята война и те, кто ее начал. Как темно в комнате. Покурить, что ли?

Шлепаю босиком на кухню. Предательски скрипят половицы. Открываю холодильник, осторожно беру бутылку самогонки и прямо из горла вливаю отвратительную жидкость себе в желудок. Закусываю соленым эгурцом и закуриваю сигарету. Противно отрыгивается сивухой. Лишь бы не проснулась жена... Нет, вроде бы пронесло.

Тушу сигарету. На ощупь пробираюсь в комнату, бухаюсь на диван и зарываюсь с головой в подушку. Теперь бы заснуть, забыться. Самогонка бьет в голову. Устало закрываю глаза. Но от памяти не уйти...

В 1984 году погиб мой друг Юрка — весельчак, рубаха-парень, капитан. С его гибелью умерла и частица моей души.

И сейчас в тревожном полупьяном забытьи не Юрка, а я заживо горю в вертолете в той прекрасной, проклятой нами пустыне...

Мы летим над Нандархарской долиной. Кишлаки, как мухи, облепили русло реки. Дувалы, похожие на песочные крепости, хаотично разбросаны в пойме и на пологих склонах горного хребта. Местами вдоль дороги тянутся шеренги эвкалиптов. Редко увидишь фигурки людей. В небе застыл ярко-оранжевый диск солнца. В прозрачной белесой дымке видны вершины Гиндукуша, зигзаги горных ущелий и караванных троп. По дороге, по краю зеленки, по-черепашьи ползут танки. Иногда, обдав облаком пыли, их обгоняют юркие БМП, облепленные полуголой десантурой. В середине колонны идут “наливники”...

В горле пересохло. На губах вечный налет пыли. Откручиваю колпачок фляжки. Отхлебываю глоток, другой и сплевываю теплую приторную жидкость за борт. В лицо ударяет упругая струя воздушного потока, рикошетом расходится по кабине и замирает, столкнувшись с приборной доской. Борттехник показывает мне кулак, прикрывая нос рукавом комбинезона. Надо же, у Юрки бешеный насморк — в сорокаградусную жару! Неохотно закрываю блистер и протягиваю фляжку Владимиру. Неожиданно зафонил эфир. Что-то щелкнуло в наушниках и вдруг раздался встревоженный голос авианаводчика: “Три тройки! По вам произведен пуск! Вы меня слышите? Уходите! Делайте маневр! Как поняли? Прием”.

Большой палец Владимира на кнопке “Радио”. Левой рукой он прижимает ларингофон к гортани и невнятно хрипит: “Вас понял. Выполняю маневр”. Из рук выпадает фляжка и гулко стучает по автопилоту. Юрка вздрагивает и растерянно смотрит на нас. Я понимаю Юрку, я летчик, я могу бороться за жизнь, за свою и его! А он лишь наблюдатель.

Скорость ракеты приблизительно известна. Начинаю отсчет времени. Секунды, секунды, секунды... Припадаю лицом к стеклу и ясно вижу огненный шлейф... Хочу повернуться и что-то крикнуть ребятам, но не могу оторвать замороженного взгляда от приближающейся смерти. Инстинктивно вжимаюсь в

бронеспинку кресла и теряю ее из вида. Судорожно нажимаю на кнопку отстрела отводящих тепловых ракет. Красные светлячки то тут, то там вспыхивают по бокам вертолета, оставляя за собой тонкий слой дымки. По спине пробегают струйки пота, меня бросает в жар, стучит в висках, ноги деревенеют, наливаются свинцовой тяжестью.

Но мозг, этот неутомимый трудяга, уже справился с животным страхом. “Сбить, сбить ракету с курса! Изменить направление. Иначе — смерть”. Левая рука рвет вверх рычаг шага газа, правая хватается за ручку управления и толкает ее вперед. Перевожу вертолет в режим скольжения. С надеждой смотрю на зеленую лампочку “испанки”. “Боже, о Боже! Помоги!”

На хвостовой балке крутится стеклянный диск яркого лампового индикатора. “Испанка” должна, обязана спасти нас! Нервы не выдерживают. Снова припадаю лицом к блистеру. Глаза выхватывают вдалеке огненный смерч, накрывший один из кишлаков. Что-то горит, валит черный дым. Успеваю подумать: “градовцы” накрыли гадов. Сожгли “духов” и мирный кишлак одним ударом”. И вдруг вновь вижу стремительно приближающуюся к нам ракету. Захлебываясь в поспешном рычащем стоне, мычу невнятно: “Вот ты какая, смерть! Теперь я знаю тебя. Отверни в сторону, хотя бы на градус, только на миллиметр!..”

Я еще успеваю заметить постаревшее, бледное лицо Владимира, слезинку в отрешенных глазах. Мельком вижу копну седых волос уткнувшегося лицом в колени Юрия...

Резкий удар в бок вертолета. Ракета врывается в правый выхлопной патрубок двигателя и взрывается. Вертушка резко дергается и валится налево. С ужасом смотрю на огонь, который катится из глубины грузовой кабины на спину борттехника. Ударяется о дверку пилотской кабины, быстро поднимается вверх и охватывает плечи и голову Юрия сплошным облаком. Пилотская кабина разваливается на куски. Огненные змейки горящего керосина переползают через Юрия, заполняют нижнее остекление кабины, плавят стекло и вырываются смердящим потоком наружу. Я успеваю рывком отстегнуть привязной ремень, скидываю с плеч горящие парашютные лямки,

выталкиваю боковой блистер и вываливаюсь из вертолета под обломки несущего винта. Лопасты режут мое тело, кромсают дико орущего Владимира, горящие останки Юрия. Мне очень больно, я кричу...

Кто-то бьет ладошкой меня по лицу. Открываю глаза и вижу встревоженное лицо жены и слезы на ее щеках...

Тогда мы спаслись. Ракета ушла с траектории полета и самоликвидировалась, взорвалась на моих глазах. А Юрка через месяц погиб. Погиб в такой же ситуации от выстрела "Стингера".

Как длинна ночь. Беспokoйно ворочается жена, захныкала дочурка. О чем-то шушукаются самые дорогие мне люди. Украдкой иду к холодильнику. Беру бутылку с самогонкой, огрызок огурца, возвращаюсь в свою комнату. Залпом выпиваю полбутылки. Падаю на диван и через мгновение вновь окунаюсь в прошлое. Мне снится расстреливаемый караван и афганец, которого я застрелил автоматной очередью. Афганец без лица — бегущая фигура в стеганом черном халате...

Мы ведем поиск и уничтожаем вооруженные караваны, всех, кто без приказа движется в районе пакистанской границы. На малой скорости вертушка врывается в горное ущелье. И вот он, караван, спрятанный под козырьком огромной скалы. Перед глазами длинная вереница ослов и верблюдов, нагруженных длинными деревянными ящиками. Палец командира застыл на кнопке пуска ракет. Борттехник, прищутив левый глаз, вцепился в гашетку крупнокалиберного пулемета. Толчком открываю правый блистер сдвижной двери. Просовываю короткий ствол автомата. Жуткое ожидание. Команда "Огонь!", легкий толчок вертолета...

Поспешный, пристрелочный рокот крупнокалиберного пулемета в руках Юрия, его возбужденное от азарта лицо. Тошнотворный пороховой запах заполняет кабину. Пустые гильзы выпадают из ленты и беспорядочно сыплются на переднее остекление.

На горной насыпи фигурка человека, выползшего из-под брюха убитого верблюда. Ползет вверх, торопится спрятаться

в расщелину. Ему безумно страшно в этом клокочущем ливне свинцовой пляски. Он совсем забыл о винтовке, бросив ее в попыхах в ноги подышающему верблюду. Он ищет спасения, он совсем беззащитен. Дикий охотничий азарт охватывает меня. Забыв обо всем, громко кричу ребятам: “Он мой!” Юрий, скосивший из пулемета с десятков “духов”, понимающе кивает головой. Отводит ствол пулемета на противоположную горную грядку и ожесточенно добивает короткими очередями все живое. Владимир одобряюще машет рукой и вновь нажимает на кнопку пуска ракет. Кто-то из “духов”, пытаясь вырваться из огненной мясорубки, открывает огонь по нам. Но ракетный залп ведомого вертолета перемешивает останки животных с человеческими телами. Мельком следя за тем, что творится вокруг, веду стволом автомата по горизонтали и ловлю афганца на мушку. Нажимаю на спусковой крючок. Дергается автомат в руках, пули впиваются в насыпь. Мимо! Делаем повторный заход. Снова залпы ракет, стук пулемета. Я стреляю по вертикали. Свинец впивается в козырек горной гряды, откалывая мелкие кусочки камней. “Растяпа, — проносится в голове, — не взял упреждение”. Теперь заходим с прямой. Дрожит автомат в руках. Пули выбивают чечетку вокруг человека. “Мазила”, — слышу в наушниках насмешливый голос Владимира. “Дай! Я его срежу одной очередью!”, — кричит, вправляя новую ленту в пулемет, Юрий.

“Он мой!” — зло отвечаю ему. Резко опускаю кресло до упора, прогибаюсь всем телом вперед и левым плечом упираюсь в ручку управления. Кладу ствол автомата на нижний обрез двери, делаю упреждение на скорость и жму на курок. Стреляю, пока не кончатся патроны. Отчетливо вижу, как длинная очередь пуль входит в затылок бегущего и опускается пунктиром к пояснице. Летят клочки ваты и тряпья. Афганец скрючился, как червяк, обхватил голову окровавленными руками, судорожно дернулся и затих, уткнувшись носом в край расщелины. Все. Устало кладу автомат на пол и закрываю глаза. Ни восторга, ни радости — пустота. Я убил его. Человека. Впервые. Собственными руками.

Мы приземляемся. Я внимательно окидываю взглядом то,

что осталось от каравана. Десантура уже потрошит ящики, слышатся одиночные выстрелы. “Добивают “духов”, — равнодушно думаю я. С облегчением расслабляю мышцы рук и ног и сталкиваюсь с глазами подыхающего верблюда, из-под которого выполз убитый мною “дух”. Боль и смертельная тоска в его глазах. Животному никогда не понять, что случилось с ним, почему никто не поможет встать на ноги, где его хозяин и что разворотило ему брюхо. Верблюд с трудом поворачивает морду, лижет, а потом и жуёт свои внутренности...

Меня начинает тошнить. Я просыпаюсь и бегу к раковине...

На той войне я больше никогда не стрелял из автомата в людей. Но в памяти часто встает верблюд, его наивные, испуганные глаза. И человек в черном халате, круглые дырки на его спине. Может, зря стрелял? Но вдруг в расщелине был пулемет? Ведь он нас тоже бы не пожалел. Кто успел вперед, тот и выжил. Расщелина была совсем рядом. Он не успел.

Сажу на табурете в чем мать родила. Все вылетело из желудка, трезвый, как стеклышко. Курю сигарету за сигаретой, приоткрыв балконную дверь. Спать голышом привык в Афгане. Там ночью жара, как в преисподней, особенно летом. Лежишь в мокрой постели. Утром оботрешься сухим полотенцем, легче становится.

Жена и дочка давно спят. Только теперь я стал понимать, что в жизни главное. Не слава, не власть, не деньги — это преходящее, суета сует. Главное — это они, дорогие мои люди. Им трудно со мной, но они всегда рядом. Они — моя единственная защита и опора. С их помощью я справляюсь со своей странной болезнью, название которой не придумало человечество.

И снова в предутренней тишине, щурясь, смотрю на огонек сигареты и мысленно уношусь в свое прошлое...

Кошмары, кошмары... Сон или явь? Фантазия или реальность? Правда или ложь вчерашний мой день?

Зной Дашти-Марго, пески Регистана, длинная дорога через пустыню Хаш на Фарах и Шиндант. Зенитные, ракетные установки севернее пустыни и солнце, южное солнце, постоян-

но бьющее в лицо. Наш вертолет несется на малой высоте, сзади, как привязанный, вертолет ведомого. Трудяга-вентилятор перелопачивает воздух. Стрелка указателя скорости переваляла отметку двести тридцать. По курсу извилистая лента дороги. Отклоняемся в сторону и летим над мертвой поверхностью пустыни. Владимир толкает меня в бок и показывает пальцем вниз. Под нами животное с человеческими контурами тела. Ползет строго на север, ближе к дороге. Извивается, как змея, с трудом преодолевая сантиметры земли. Мы делаем повторный круг и приземляемся. Хватаю автомат и выскакиваю из вертолета. Возле странного существа стоит десантура, опустив стволы автоматов. Молодые лица хмуры, все смотрят в одно место. Молча протискиваюсь через толпу и вижу — человек! Глаза, его глаза... Они преследуют меня до сих пор. В них боль, только боль, невыносимая, нечеловеческая, ужасная и дикая. Тело представляет собой кусок кровоточащего мяса, обваленного в песке и камешках. Кожа подрезана под мышками, ободрана с ребер и груди, завернута за спину к центру вырезанного то ли креста, то ли звезды. Сквозь шум работающих вертолетов я слышу звериное завывание. Наклоняюсь к искаженному лицу и навсегда запоминаю душераздирающий вопль — плач искалеченного человека. Трясущимися руками отворачиваю колпачок фляжки, подsunутой кем-то из десантников, и пытаюсь влить воду ему в рот. Человек по-волчьему ощерился, куснул горлышко фляжки, сделал глоток, закашлялся, не прекращая выть. Вода потекла по подбородку, он захлебнулся, заверещал и сплюнул кровяной сгусток мне на ботинок. Я отшатнулся и, не в силах смотреть в его страшные глаза, закрыл лицо руками. Кто-то тронул меня за плечо: “Уходите, командир, это не для вас...”

“А для кого?” — хотел вымолвить я и не смог. Комок подступил к горлу и не пряча слез я побрел к вертолету. Мне показалось, что раздалась короткая автоматная очередь. Хотел оглянуться, но не посмел. Сдернул шлемофон с головы, машинально вытер подшлемником глаза и выпустил длинную очередь из автомата в небо. Краем глаза заметил, как двое десантников, завернув то, что было человеком, в брезент, занесли в

грузовую кабину. Весь полет я чувствовал за спиной присутствие ужасного, ободранного тела, корчившегося в брезентовой накидке. Вместо приборов застыла израненная, оскаленная морда с кричащим ртом и капельками воды на грязном подбородке. Уже на земле я услышал от сержанта: “То ли “дух”, то ли наш, не поймешь, совсем голый”. Комбат говорил, что он мог бы часа три прожить. Спасти невозможно...”

Я мотаю в забытьи головой, резко соскакиваю с табурета, запинаясь о ножку стола и валюсь на пол. Сильно стучаюсь виском об угол газовой плиты и теряю сознание.

И ночью может вспомниться ночь, особенно когда ты, опрокинув пепельницу, валяешься на полу и усиленно трешь ушибленное место прокуренными до желтизны пальцами. Темень на улице, темень в глазах и никаких мыслей в голове. Недолго длится мое беспамятство. От всех болезней у меня одно лекарство. На карачках ползу в свою комнату. Нащупываю рукой бутылку. Морщась, допиваю самогонку, стискиваю зубы и пытаюсь удержать эту гадость в себе. Желудок приятно прогревается, исчезает боль в виске. Организм расслабляется, слипаются глаза. “Спать, спать, спать...” Часа два валяюсь в пьяной дремоте. И вдруг снова: темные нагромождения скальных пород, извилистая линия реки, резкий сноп автомобильных фар и мой вертолет на переднем колесе, с повисшей хвостовой балкой над пропастью. Свет гаснет. Впереди, сверху несутся в нашу сторону огненные трассы. И снова крошечная мгла, и мы надежно спрятаны в ней. Вижу силуэты бегущих людей. Десантура торопится, спускает с гор раненых и убитых. Днем здесь приземлиться невозможно. Голые вершины оседлали душманы. Третьи сутки батальон спецназа упорно карабкается вверх и несет большие потери. Раненые страдают и молча ждут ночных сумерек. Раны гноятся под солнечным пеклом. Здоровые русские парни проигрывают в борьбе с афганским солнцем. Мы ничем не можем помочь раненым. Снайперы снимают каждого смельчака, рискнувшего днем спуститься в долину. Хладнокровно расстреливают вертушки. Но приказ есть приказ. И мы бессильны что-либо изменить. Только ночью баталь-

он приходит в движение. Боеспособная десантура карабкается вверх, раненые — вниз.

Мы взлетаем и берем курс на Кабул. Вот и просыпающаяся столица. Современный центр, древние мечети и крепости, рыжие постройки глинобитных дувалов. Длинная взлетная полоса, модули, стоянка вертолетов и самолетов, здание аэропорта. Замирает бег лопастей, я выхожу из пилотской кабины и останавливаюсь перед солдатом, лежащим на железном полу, под головой куча барахла, на ногах пыльные ботинки, заляпанная засохшей кровью. Левая штанина разорвана по шву. Перед ним на коленях растерянный Юрий, в руках шприц-тюбик розового пользования. Сняв колпачок, он делает укол раненому — широкоплечему, рослому парню. Я не вижу его лица, сплошная кровавая маска. Нет глаз, нет носа, обрубки ушей и только черная дыра огромного рта. Отворачиваюсь, спешу выпрыгнуть из вертолета и замираю, стоя на стремянке. “Му-жи-ки, му-жи-ки!” — тянет он. Живой! Резко оборачиваюсь и наклоняюсь над ним, сталкиваюсь лбом с головой Юрия. Лицо борттехника побелело, на глазах слезы. “Му-жи-ки!” — снова стонет раненый. Выхватывая фляжку, шепчу: “Потерпи. Тебе больно, да?” Он отрицательно качает головой. “Пить хочешь?” Он кивнул. Говорю, говорю, сам не зная о чем. А он в ответ протяжно и жалобно: “Му-жи-ки, му-жи-ки!” Смотрю на его ладони. Они в непрерывном движении, ощупывают ноги, бедра, живот, грудь. Вздрагивают, останавливаясь на шее. И снова ползут вниз. Только не вверх. Руки боятся задеть лицо. Он ищет, куда его ранило. Его ладони замирают на порванной штанине. Он убеждает самого себя, что ранен в ногу. Он сознательно обманывает себя.

Подъезжает санитарная машина. Поднимается знакомый доктор, всякое повидавший на своем веку, но и он растерян, суетится, как медсестра-практикантка. Щупает пульс, втыкает очередной обезболивающий укол. “Удивляюсь, как он еще жив”, — безнадежно произносит он и спрыгивает на землю. Закуривает сигарету и орет мне в лицо: “Ну что я могу поделать, что?! Ранение в лицо — ужасно, у него — смертельное. Он должен был умереть сразу!”

Парень жил еще три минуты. Ровно три. В вертолете плакал Юрий, я хотел успокоить его и сам заплакал, завыл...

Проснулся от внимательного, вопрошающего взгляда дочурки. Она гладила меня по голове: “Папа, тавай, папе бо-бо, папа ля-ля”.

Мне становится стыдно перед малышкой, я пытаюсь локтем незаметно засунуть под подушку пустую бутылку. Но она падает с дивана и громко катится по полу.

— Допился! Дошел до ручки, — слышу сердитый голос жены. — Где это видано, по ночам пить водку! И где ты ее прятал?

“Ну все, понесло-поехало!” Я стойко принимаю упреки жены.

Время выбрало наше поколение пройти дорогами афганской трагедии, время и вылечит наши души. А пока...

Я лихорадочно ищу повод смыться из дома к друзьям в забегаловку около рынка.

ЭПИЛОГ

Проходят годы. Сны снятся реже и реже. Стирается многое в памяти. Другие заботы и тревоги врываются в жизнь. Подрастают мои дочери, спокойнее стала жена. И я давно прекратил “ночные полеты” на кухню, к холодильнику. Я выжил в этом жестоком, суматошном мире. Ушел из армии и занимаюсь всем, чем попало. Только не защитой Родины, к чему меня готовили, что я умею отлично делать. Новым правителям армия стала не нужна. Нас, кадровых офицеров, списали, отправили на пенсию. Так кому-то было надо. Редко встречаюсь с однополчанами. Где они, мои боевые соратники? Госкую, и в августе, когда гуляет десантура, присоединяюсь к ним. Кого только не бывает на празднике. Погранцы, летуны, пушкари...

Те, кто был в Афгане и не только. Приходят одиночки, прошедшие Египет, Чехословакию, Венгрию, Корею, Вьетнам... Появились молодые лица "чеченцев". Встречаются те, кто был в военном дерьме, кто не спасал свою шкуру в штабах и тылах, кто выполнял интернациональный долг на всей планете под лозунгами коммунистических вождей. Те, кто сегодня преданы и проданы шайкой правителей, разваливших великую страну. Бог нам и им судья.

Мы сохранили боевое братство в своих сердцах. Редко, но собираемся вместе. Пока мы живы, пока снятся сны, мы нужны друг другу. И в этом наша сила. Как знать, может, будет другой Афган, снова русских парней пошлют на бойню и соберутся на встречу наши внуки-однополчане. И им будут сниться тревожные сны. Хочется сказать, хочется попросить, хочется крикнуть во весь голос: "Россия, остановись! Пожалей своих парней, свою молодость. Сохрани свое будущее!"

Содержание

Вячеслав Огрызко

Война становится привычкой

5

Повесть

Перехват

17

Рассказы

Выстрел в долине

107

Капкан

120

Лешка-рыжик

132

Не оставлять в живых

140

Счастливый случай

156

Катастрофа

170

Один день войны

176

За тех, кого нет с нами

194

Рядовой Рекс

205

Пробуждение

213

Александр Петрович Игумнов

ПРОБУЖДЕНИЕ

Повесть и рассказы

Литературный редактор Н.И.Коняев
Технический редактор Н.А.Худякова
Компьютерная верстка Е.А.Перцева
Корректор Т.Ю.Усманова
Оформление обложки худ. Л.Вторушина

Оригинал-макет, цветоделение обложки выполнены
ГУИПП "Полиграфист".

Лицензия ЛР № 040869 от 14.01.98 г.
Сдано в набор 28.01.99. Подписано в печать 8.02.99.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная. Усл.п.л.11,55
Тираж 3000 экз. Заказ № 44.
Цена свободная.

Государственное унитарное издательско-полиграфическое
предприятие "Полиграфист"
626200, г.Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46.
Тел. 3-29-84

Издательство
Москва

ПРОБУЖДЕНИЕ

Полное собрание сочинений
Л. Н. Толстого
Том 10
Часть 1

Содержание

Введение	1
1. Письмо к брату	15
2. Письмо к сестре	25
3. Письмо к другу	35
4. Письмо к матери	45
5. Письмо к отцу	55
6. Письмо к сыну	65
7. Письмо к дочери	75
8. Письмо к жене	85
9. Письмо к другу	95
10. Письмо к брату	105
11. Письмо к сестре	115
12. Письмо к другу	125
13. Письмо к матери	135
14. Письмо к отцу	145
15. Письмо к сыну	155
16. Письмо к дочери	165
17. Письмо к жене	175
18. Письмо к другу	185
19. Письмо к брату	195
20. Письмо к сестре	205
21. Письмо к другу	215
22. Письмо к матери	225
23. Письмо к отцу	235
24. Письмо к сыну	245
25. Письмо к дочери	255
26. Письмо к жене	265
27. Письмо к другу	275
28. Письмо к брату	285
29. Письмо к сестре	295
30. Письмо к другу	305
31. Письмо к матери	315
32. Письмо к отцу	325
33. Письмо к сыну	335
34. Письмо к дочери	345
35. Письмо к жене	355
36. Письмо к другу	365
37. Письмо к брату	375
38. Письмо к сестре	385
39. Письмо к другу	395
40. Письмо к матери	405
41. Письмо к отцу	415
42. Письмо к сыну	425
43. Письмо к дочери	435
44. Письмо к жене	445
45. Письмо к другу	455
46. Письмо к брату	465
47. Письмо к сестре	475
48. Письмо к другу	485
49. Письмо к матери	495
50. Письмо к отцу	505
51. Письмо к сыну	515
52. Письмо к дочери	525
53. Письмо к жене	535
54. Письмо к другу	545
55. Письмо к брату	555
56. Письмо к сестре	565
57. Письмо к другу	575
58. Письмо к матери	585
59. Письмо к отцу	595
60. Письмо к сыну	605
61. Письмо к дочери	615
62. Письмо к жене	625
63. Письмо к другу	635
64. Письмо к брату	645
65. Письмо к сестре	655
66. Письмо к другу	665
67. Письмо к матери	675
68. Письмо к отцу	685
69. Письмо к сыну	695
70. Письмо к дочери	705
71. Письмо к жене	715
72. Письмо к другу	725
73. Письмо к брату	735
74. Письмо к сестре	745
75. Письмо к другу	755
76. Письмо к матери	765
77. Письмо к отцу	775
78. Письмо к сыну	785
79. Письмо к дочери	795
80. Письмо к жене	805
81. Письмо к другу	815
82. Письмо к брату	825
83. Письмо к сестре	835
84. Письмо к другу	845
85. Письмо к матери	855
86. Письмо к отцу	865
87. Письмо к сыну	875
88. Письмо к дочери	885
89. Письмо к жене	895
90. Письмо к другу	905
91. Письмо к брату	915
92. Письмо к сестре	925
93. Письмо к другу	935
94. Письмо к матери	945
95. Письмо к отцу	955
96. Письмо к сыну	965
97. Письмо к дочери	975
98. Письмо к жене	985
99. Письмо к другу	995
100. Письмо к брату	1005

А.Игумнов

ПРОБУЖДЕНИЕ

Александр Петрович Игумнов родился в г.Кизел Пермской области в 1956 году.

В 1977 году окончил Саратовское высшее военное авиационное училище летчиков. Служил в частях Забайкальского и Прикарпатского военных округов.

В 1983-84 гг. участвовал в боевых действиях в Афганистане.

Произведения А.Игумнова печатались в альманахах "Подвиг" и "Эринтур", журнале "Мир Севера", газетах "Тюмень литературная", "Литературная Россия".

С 1987 года живет в Советском Ханты-Мансийского автономного округа.